

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

На правах рукописи

БАТАЛОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

**СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕЖЛИВОСТИ (НА ПРИМЕРЕ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

**диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Научный руководитель -
кандидат филологических наук,
доцент, профессор, академик
МАНПО
Соколова Наталия Леонидовна

Москва – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ И СРЕДСТВА ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕЧИ	15
1.1. Категория вежливости в зарубежных исследованиях	15
1.1.1. Вежливость как социокультурная конвенция.....	15
1.1.2. Принципы вежливости и максимы Лича.....	16
1.2. Лингвистические аспекты теории вежливости.....	20
1.2.1. Средства реализации вежливости и формулы речевого этикета.....	24
1.2.2. Средства реализации вежливости в языке и речи.....	27
1.2.3. Функциональный потенциал средств реализации вежливости.....	31
1.2.4. Средства реализации вежливости в контексте диалога.....	37
1.2.5. Средства реализации вежливости в аспекте культуры речи...	40
1.3. Категория вежливости в отечественной лингвистике.....	42
1.3.1. Лингвистические аспекты речевого этикета.....	42
1.3.2. Лингвокультурологические исследования категории вежливости.....	48
1.3.3. Национальная экзemplярность средств реализации вежливости в британской и американской культурах.....	54
Выводы по Главе I.....	56
ГЛАВА 2. СИСТЕМНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕЖЛИВОСТИ И ИХ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ	57
2.1. Системные характеристики СРВ.....	57
2.1.1. Синтаксические СРВ.....	59
2.1.2. Лексические СРВ	67

2.2. Функциональные признаки СРВ.....	77
2.2.1. Динамические и статические СРВ в высказывании.....	77
2.2.2. Диалог как контекст СРВ	84
2.2.3. Конститутивные признаки СРВ в диалоге.....	96
2.3. СРВ в структуре текста.....	117
Выводы по Главе 2.....	123
ГЛАВА 3. ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ СРЕДСТВ	
РЕАЛИЗАЦИИ ВЕЖЛИВОСТИ.....	125
3.1. Средства реализации вежливости и содержательные категории текста.....	125
3.1.1. Роль СРВ в увеличении информативного потенциала текста.....	126
3.1.2. СРВ и субъективная модальность.....	130
3.1.3. Роль СРВ в интеграции текста.....	134
3.2. СРВ и прагматика текста	137
3.2.1. Нейтральные СРВ.....	138
3.2.2. Интенсифицирующие СРВ.....	139
3.2.3. Побуждающие СРВ.....	140
3.3. Трансформация СРВ в диалоге.....	140
3.3.1. Эллиптическая трансформация.....	141
3.3.2. Манипулятивная трансформация.....	142
3.3.3. Антикатегориальные трансформации.....	144
3.4. Семантико-функциональный потенциал СРВ в тексте.....	147
3.4.1. Включение СРВ в структуру художественного текста.....	148
3.4.2. Взаимодействие СРВ с другими единицами в речи говорящего в рамках одного диалога (полилога).....	149
3.4.3. СРВ и характеристика персонажей в художественном тексте.	150

3.4.4. Особенности семантического взаимодействия СРВ с контекстом.....	155
Выводы по Главе 3.....	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	158
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	162

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена описанию средств реализации вежливости в современном английском языке. Два последних десятилетия отмечены большим интересом исследователей к вопросам вежливости, что проявляется в расширении диапазона изучаемых явлений и увеличении количества исследований. Вежливость становится темой конференций, вопросам вежливости посвящены специальные журналы, как, например, *Journal of Politeness Research* (основан в 2013 г.) и *Journal of Language Aggression and Conflict* (основан в 2005 г.); в 2016 году вышел в свет справочник (не)вежливости (*Handbook of linguistic (im)politeness* (Culpeper et al. 2016)). Фундаментом современных исследований остаются работы Джеффри Лича *Language and tact* (1977) и *The pragmatics of politeness* (1983), а также исследования Пенелопы Браун и Стивена Левинсона *Politeness theory* (1978) и *Politeness: some universals in language usage* (1987).

Большая часть отечественных исследований посвящена формулам речевого этикета (далее – ФРЭ), или единицам языка, функционально связанным со стандартными ситуациями общения, регламентированными в том числе и в плане использования языковых средств. Между тем функциональная сфера ФРЭ не ограничена речевым этикетом, соответствующие единицы используются говорящими в разнообразных ситуациях, включая ситуации повседневного общения, не связанные с каким-либо регламентом. Используемые таким образом ФРЭ сигнализируют о стремлении говорящих к соблюдению определенных норм, придающих процессу общения доброжелательный и уважительный характер. Функциональная нагрузка ФРЭ, используемых таким образом, связана не с реализацией речевого этикета, а с реализацией иной категории - вежливости, что делает их средствами реализации вежливости. В качестве средства реализации вежливости могут выступить и другие единицы языка, если их функциональная нагрузка связана с реализацией вежливости. Данная работа

представляет собой опыт функционального описания речевого аспекта вежливости, базирующегося на контекстуально-обусловленных функциях единиц языка различных уровней и их взаимодействии в условиях диалога, при котором семантическая реализация языковых единиц направлена на обеспечение вежливости. Такие языковые средства, окказионально связанные с речевым аспектом вежливости, в данном исследовании называются средствами реализации вежливости (далее - СРВ).

В процессе речевого общения, которое рассматривается в диссертации в основном как форма проявления межличностного социального взаимодействия, СРВ используются для достижения положительного эффекта общения, того, что Дж. Лич (Leech 1983) сформулировал как принципы вежливости: такт, скромность, симпатия, одобрение, согласие. При этом коммуникативно релевантными оказываются те единицы языка, которые способствуют соблюдению этих принципов.

Изучение СРВ в данной работе не только опирается на традиционные положения языкознания, но и учитывает современные подходы к изучению социолингвистических явлений, к числу которых относится категория вежливости, в рамках других дисциплин, таких, например, как прагматика, социология и теория коммуникации.

Предметом исследования являются структурно-семантические, семиотические, текстообразующие и коммуникативные свойства СРВ, присущие им семантические признаки и характерные для них функции.

Объектом исследования выступают коммуникативные акты, направленные на реализацию вежливости.

Актуальность диссертации обусловлена тем, что, несмотря на многообразие взаимосвязанных, но автономных исследований, посвященных различным аспектам категории вежливости, остаются неизученными семантические свойства языковых единиц, связанных с указанной категорией

спорадически и отличных от устойчивых, фразеологизированных формул, представляющих собой ФРЭ. Введение нового понятия СРВ, отличного от традиционного понятия ФРЭ, для изучения языкового аспекта категории вежливости, открывает перспективы для разработки нового направления в рамках общей проблемы вежливости.

Теоретической основой диссертации послужили классические исследования, посвященные общим вопросам лингвистической семантики (В.Г. Гак, Б.М. Гаспаров, И.М. Кобозева, Т.Е. Крейдлин, Б.Ю. Норман, О.Н. Селиверстова), теории речевой деятельности (Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, А.С. Штерн), теории коммуникации (Н.Д. Арутюнова, Л.А. Вербицкая, С.И. Виноградов, Т.Г. Винокур, О.Я. Гоихман, М.В. Китайгородская, В.В. Красных, Т.М. Николаева, К.Ф. Седов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Л.П. Якубинский), классические работы, посвященные теории прагматики и теории речевых актов (Дж. Лич, Ч. Моррис, Дж. Остин, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, Г.Л. Грайс), исследования в области социолингвистики (Л.П. Крысин, У. Лабов, Н.Б. Мечковская, Е.Ф. Тарасов, Ф.П. Филин, А.Д. Швейцер, П. Традгилл, Ч.А. Фергюссон, Дж. Эллис, Г.П. Грайс, М.А. Хэллидей), исследования, посвященные вопросам взаимодействия и взаимообусловленности языка и культуры (Е.М. Верещагин, Б. Гавранек, И.В. Дьяконова, Ю.Н. Караулов, О.Б. Сиротинина), а также исследования в области речевого этикета (Т.В. Абрамова, М.В. Александрова, В.И. Карасик, В.Г. Костомаров, М.А. Кронгауз, Т.В. Ларина, Н.Л. Соколова, Р. Ратмайр, Н.И. Формановская, Э. Гоффман, П. Браун, С. Левинсон, Дж. Лич).

Гипотеза исследования состоит в том, что британская и американская языковые культуры не тождественны в аспекте вежливости, что, в частности, связано с использованием различного языкового инструментария.

Целью работы является изучение и комплексное описание функционально-семантических особенностей СРВ. Поставленная цель

исследования достигается посредством решения **следующих задач**: 1) определить наиболее существенные признаки СРВ; 2) описать связь СРВ с категориями текста; 3) описать связь СРВ с прагматикой высказывания; 4) выявить семантические процессы в рамках речевых актов, способствующие реализации единиц языка как СРВ; 5) изучить и описать типы реализации семантического потенциала СРВ; 6) провести сопоставительный анализ СРВ в британском и американском вариантах языка.

Материал исследования. Материалом исследования послужили романы, рассказы и пьесы британских и американских писателей XIX-XXI вв., английская поэзия (первая половина XIX в.).

Методы исследования. При исследовании СРВ использована следующая совокупность методов: индукции, гипотетико-дедуктивный метод, метод описания и сравнения, методы дистрибутивного, компонентного, контекстного и семиотического анализов, сопоставительный и статистический анализы, в совокупности позволяющие провести комплексный функционально-семантический анализ языковых единиц, участвующих в реализации категории вежливости.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Функционально-семантические признаки СРВ соответствуют двум категориям. К конвенциональным признакам СРВ, отражающим наиболее общее и существенное для всех СРВ, относятся следующие признаки: предсказуемость; прагматическая ориентированность; синсемантия; апеллятивность; субъектность. К окказиональным признакам, являющимся факультативными, относятся следующие признаки: 1) когерентность; 2) имплицативность; 3) эмотивность.

2. Textoобразующие функции СРВ (в частности, в английском языке) связаны с реализацией следующих категорий текста: когезии, континуума,

членности, синсемантии, информативности, субъективно-оценочной модальности, интеграции.

3. Прагматические функции СРВ (в частности, в английском языке) различны и могут быть описаны как нейтральные, интенсифицирующие (усилительные), побуждающие (стимулирующие).

4. Семантические процессы в рамках речевого акта, связанные с присутствием или отсутствием в нем СРВ, соответствуют следующим типам трансформаций контекста: 1) эллиптическая трансформация, 2) манипулятивная трансформация (трансформация в контексте языковой игры), 3) антикатегориальная трансформация.

5. Семантико-функциональный потенциал СРВ в англоязычной лингвокультуре реализуется через: 1) включение СРВ в структуру художественного текста; 2) взаимодействие СРВ с другими единицами в речи говорящего в рамках одного диалога (полилога); 3) использование СРВ для характеристики персонажей в художественном тексте; 4) взаимодействие речевого этикета (РЭ) и антиэтикета.

Новизна диссертации состоит в расширении границ и возможностей исследования вежливости за счет нового подхода, связанного с введением нового понятия «средство реализации вежливости». СРВ, представленные единицами языка лексического и синтаксического уровней, их особенности и соответствующая номенклатура впервые становятся объектом исследования при изучении речевого аспекта вежливости. Предшествующие научные изыскания в области вежливости были посвящены в основном формулам речевого этикета, что подтверждается анализом трудов последних десятилетий. В отличие от этих работ, в исследовании, результаты которого представлены в диссертации, проводится анализ СРВ в британском и американском вариантах английского языка, используются элементы когнитивного описания, обосновывается речевое поведение, предпринимается попытка рассмотреть объект исследования в

терминах семиотики и стилистики, предлагается классификация текстообразующих функций СРВ в английском языке.

Теоретическая значимость. Материал и выводы работы могут служить теоретической основой для семасиологических и ономазиологических исследований СРВ в рамках различных направлений лингвистики, особенно применительно к западногерманским языкам. Результаты исследования говорят о целесообразности инвентаризации СРВ в языках различных типов, их сопоставительного анализа, который способствовал бы выявлению типологических характеристик СРВ в каждом из сопоставляемых языков и установлению универсалий.

Рассмотрение СРВ в формальном и функциональном аспектах в данной работе потребовало обращения к социальным и психологическим аспектам речевой деятельности, что указывает на целесообразность использования данных этнопсихологии и культурологии в дальнейших исследованиях СРВ.

Практическая ценность работы состоит в том, что использованный в ней материал и сделанные на его основе теоретические выводы могут быть задействованы в процессе обучения студентов английскому языку и переводу. Они могут быть реализованы в спецкурсах, посвященных проблемам теории вежливости, а также в курсах лексикологии, стилистики, теории и практики перевода. Практический материал для исследования и теоретические выкладки будут полезны при составлении учебных пособий по речевому этикету для студентов, изучающих английский язык. Отдельные аспекты исследования могут стать основой дальнейших изысканий в рамках курсовых, дипломных и других квалификационных работ.

Апробация работы. Результаты исследования получили апробацию на VIII и IX Всероссийских научно-методических конференциях «Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук» (Москва, РУДН 2016, 2017), III и VII Международных научных междисциплинарных

конференциях «Функциональные аспекты межкультурной коммуникации и проблемы перевода» (Москва, РУДН 1916, 2020); выводы работы обсуждались на научных семинарах, проходивших в Институте иностранных языков РУДН в 2015-2020 гг. По теме диссертации опубликовано 8 научных статей, общим объемом 3 п.л., включая 6 статей в изданиях перечня ВАК, общим объемом 2,3.

Структура диссертации. Диссертационное исследование включает в себя введение, три главы, заключение и список литературы, содержащий 263 наименования (в частности, 152 англоязычные работы).

Введение соответствует требованиям, предъявляемым к квалификативной части диссертационного исследования, в нем представлена общая характеристика исследования, определяются его предмет и объект, обосновываются актуальность, новизна, теоретическая значимость и практическая ценность исследования, намечаются цель и задачи, указываются материал и методы исследования, определяется структура работы.

В первой главе «Категория вежливости и средства её реализации в речи» вводится понятие «средства реализации вежливости», глава состоит из трех разделов, в которых рассмотрены различные подходы к анализу категории вежливости. Раздел 1.1. «Категория вежливости в зарубежных исследованиях» посвящен зарубежным исследованиям, объектом которых является вежливость как одна из доминант социального взаимодействия. В данном разделе большое внимание уделяется исследованиям Дж. Лича, который впервые установил связь между семантикой языковых единиц, характером их употребления в речи, прагматикой высказывания и вежливостью, рассматривая вежливость как способ избежать конфликта, демонстрируя при этом уважение к собеседнику. В разделе 1.2. «Лингвистические аспекты теории вежливости» рассматриваются в основном положения отечественных исследований, поскольку вопрос о соответствии или несоответствии выбора и употребления языковых средств социокультурным нормам и требованиям вежливости в большей степени

характерен для отечественных исследований, в то время как предметом зарубежных исследований изучения вежливости выступают именно социальные нормы. Спорадический анализ языковых средств направлен не на описание специфики функционирования языковых единиц, поддерживающих вежливую тональность общения, а на разъяснение типов эффективной коммуникации и способов её достижения. Раздел 1.3. «Категория вежливости в отечественной лингвистике» посвящен двум направлениям отечественных исследований, предметом которых выступают вежливость и речевой этикет: лингвопрагматическим и лингвокультурологическим исследованиям. При анализе двух указанных направлений исследований большое внимание уделяется исследованиям Н.И. Формановской и Т.В. Лариной.

Во второй главе «Системные и функциональные характеристики средств реализации вежливости и их семантический потенциал» рассматривается специфика высказываний, структура которых, включая единицы языка всех уровней, способствует реализации семантической категории вежливости. Таким образом, нас интересует не только структурная схема предложения, но именно единица речи, обладающая в отличие от предложения такой коммуникативной функцией, которую можно назвать контактоустанавливающей. Данная семантическая функция возникает на уровне высказывания вследствие особой реализации языковых средств, поддерживающей вежливую тональность общения.

В разделе 2.1. «Системные характеристики СРВ», посвященном проблеме классификации СРВ, рассматриваются параметры, которые могут стать базой классификаций СРВ, что соответствует основной цели исследования, заключающейся в создании семантико-функциональной классификации СРВ с указанием наиболее частотных функций или их комплексов, способствующих реализации языковых единиц как средств реализации вежливости.

В разделе 2.2. «Функциональные признаки СРВ», в соответствии с названием, рассматриваются функциональные признаки СРВ. Анализ СРВ в данном разделе начинается с рассмотрения характера реализации СРВ в структуре высказывания.

В разделе 2.3. «СРВ в структуре текста» рассматривается взаимодействие СРВ с другими языковыми средствами в тексте художественного произведения. Именно в тексте проявляются с очевидностью и определенностью все конститутивные признаки СРВ в их сущностных характеристиках и функциях. Проведенный анализ конститутивных признаков СРВ и ФРЭ наглядно демонстрирует, что пространство текста создает оптимальные условия для реализации и взаимодействия всех конститутивных признаков СРВ.

Третья глава «Текстообразующие функции средств реализации вежливости» представляет собой функционально-семантическое исследование и посвящена следующим текстообразующим функциям СРВ: 1) их участию в реализации категории информативности, категории субъективно-оценочной модальности и категории интегративности; 2) семиотическим функциям СРВ и 3) тем функциям СРВ в тексте, которые, с одной стороны, являются релевантными для формирования текста и, с другой стороны, используют семиотические функции для выражения стилистического потенциала средств речевого этикета.

Раздел 3.1. «Средства реализации вежливости и содержательные категории текста» посвящен описанию взаимосвязи между СРВ и категориями текста. Будучи синсемантическими единицами, СРВ выполняют текстообразующие функции, способствуя актуализации основных категорий текста. Не все СРВ являются обязательными единицами, конституирующими текст, но при появлении в тексте, становясь средством коммуникации, они приобретают особую значимость в художественном пространстве текста. Раздел посвящен описанию соответствующих семантических процессов.

В разделе 3.2. «СРВ и прагматика текста» проводится анализ и классификация прагматических функций СРВ в тексте, анализ типов трансформаций СРВ в диалоге, исследуется семантико-функциональный потенциал СРВ в структуре художественного текста. Проведенный анализ позволил разделить прагматические функции СРВ на: 1) нейтральные; 2) усилительные; 3) стимулирующие.

В разделе 3.3. «Трансформация СРВ в диалоге» выделены основные типы трансформаций СРВ в диалоге. Изменения контекста, связанные с присутствием или отсутствием СРВ, сводятся к трем основным типам трансформаций:

- 1) эллиптическая трансформация,
- 2) манипулятивная трансформация (трансформация в контексте языковой игры),
- 3) антикатегориальная трансформация (взаимодействие вежливости и невежливости).

Раздел 3.4. «Семантико-функциональный потенциал СРВ в тексте» посвящен анализу текстов художественных произведений, причем внимание акцентируется на тех СРВ, которые, с одной стороны являются релевантными для формирования текста и, с другой стороны, способствуют реализации вежливости.

В заключении представлены результаты проведенного исследования.

ГЛАВА I. КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ И СРЕДСТВА ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕЧИ

Вежливость представляет собой междисциплинарное понятие и является предметом изучения в различных областях науки, включая общую теорию коммуникации, психологию, социологию и лингвистику. Теория вежливости сформировалась преимущественно в рамках социологии, между тем внимание к особенностям речи взаимодействующих индивидуумов характерно для всех работ, посвященных вежливости, поскольку большинство форм социального взаимодействия невозможны без использования языка. Исследования, объектом которых выступает речевое поведение собеседников, можно условно классифицировать на социологические и лингвистические, с учетом того, что больше интересует исследователя, социокультурные нормы, регулирующие взаимодействие индивидуумов, или же выбор и характер использования языковых средств, продиктованные коммуникативными стратегиями собеседников и определяющие индивидуальные особенности их речи.

1.1. Категория вежливости в зарубежных исследованиях

1.1.1. Вежливость как социокультурная конвенция

Исследователи, изучающие социальные конвенции, рассматривают вежливость как совокупность социальных норм, присущих каждому конкретному обществу и включающих в себя определенные правила, определяющие манеру поведения и мышления и разных ситуациях общения [Fraser 1990]. Вежливость определяется осознанием индивидуумом своих обязательств перед другими членами общества, которые ему не безразличны [Nwoye 1992, 18].

По мнению Хелд, социальная норма поведения базируется на двух факторах: поведение, определяющееся статусом говорящих, демонстрирующих, с одной стороны, осведомленность о социальных различиях и уважение к

социальному статусу собеседника - с другой. Хелд, кроме того, обращает внимание на моральную составляющую коммуникации и правила хорошего тона, позволяющие собеседникам сохранять чувство собственного достоинства и исключить непреднамеренное оскорбление [Held 1992].

Понятие социальной нормы, по мнению некоторых исследователей, коррелирует с одним из понятий японской социологии *Wakimae*. *Wakimae* - это практика вежливого поведения, определяемая социальной нормой и осознанием говорящими своей роли в каждой конкретной ситуации, что способствует успешному завершению акта коммуникации [Ide 1989].

Социокультурные нормы поведения также рассматриваются, как поведенческие рамки, которые определяют критерии «социальной вежливости», тождественной социальной норме общения. Говоря о «социальной вежливости», особое внимание следует уделить организации успешной коммуникации в группе. Такие формулы повседневного общения, как этикетные формулы групп «Комплимент», «Приветствие» и другие, являются стратегиями, позволяющими собеседникам инициировать, продолжить и закончить разговор.

1.1.2. Принцип вежливости и максимы Лича

В процессе речевого общения, которое рассматривается в данной диссертации как форма проявления межличностного социального взаимодействия, средства реализации вежливости используются для достижения положительного эффекта, того, что Дж. Лич (Leech 1983) сформулировал как принципы вежливости.

В своих исследованиях Дж. Лич устанавливает связь между семантикой языковых единиц, характером их употребления в речи, прагматикой высказывания и вежливостью. Лич рассматривает вежливость как способ избежать конфликта, демонстрируя при этом уважение к собеседнику. Однако его понимание вежливости этим не ограничивается. Лич трактует вежливость

как способ достижения доверия и взаимопонимания между собеседниками, что, в свою очередь, благоприятствует успешному их взаимодействию, которое рассматривается как реализация соответствующего принципа Грайса [Grice 1975]. В лингвистике, так же как и в социологии, принцип кооперации (ПК) понимается как эффективная коммуникация и способы ее достижения в различных ситуациях общения. Согласно этому принципу говорящий и слушающий должны прилагать совместные усилия для достижения взаимопонимания. По словам Пола Грайса, вклад участника диалога в коммуникацию должен на каждом этапе диалога соответствовать общей цели или направлению диалога. В отличие от Робина Лакофа Дж. Лич не противопоставляет вежливость и кооперацию и не считает, что реализация какого-либо из названных принципов обусловлена контекстом коммуникации. Взгляды Лича также расходятся с концепцией Браун и Левинсона, изложенной в их известном труде [Brown, P., Levinson 1987, 5]. Исследователь рассматривает реализацию стратегий вежливости как первичный принцип коммуникации, что отличает его взгляды и от позиции Грайса, для которого принцип кооперации является первичным.

Лич не проводил полевых исследований. Составление корпуса и анализ отдельных проявлений вежливости в контексте британской культуры не являлось его основной задачей, при этом теория Лича не оторвана от реалий коммуникации. В своей работе Лич говорит о «речевых событиях» (speech events), применяя этот термин к извинениям, просьбам и другим речевым актам, включая предложения, приглашения, комплименты, поздравления, советы и другие. Вероятно, можно согласиться с Дж. Личем в том, что термин «речевое событие» учитывает природу общения и допускает комплексное рассмотрение нескольких речевых актов. Со времени выхода его (новаторских в то время) исследований привлечение данных национальных корпусов стало

традиционным для исследований, посвященных категории вежливости (Culpeper 2011, Ruhi & Aksan 2015).

Развивая теорию вежливости, Лич вводит понятие коммуникативного альтруизма; истоками этого понятия, основанного отчасти на теории эволюции в биологии и психологии, а также на теории игр (математических методах изучения оптимальной стратегии игры). По Личу, вежливость – это умение строить разговор и вести себя так, чтобы дать преимущество и поставить в удобное положение не себя, а других людей, в первую очередь собеседника. Термину «коммуникативный альтруизм» Лич уделяет огромное внимание, гораздо большее, чем его предшественники, изучавшие вежливость (цит. по Eelen 2001, 31). Коммуникативный альтруизм в понимании Лича не имеет ничего общего с реальным альтруизмом [Leech 1983, 24]. Вежливость понимается как желание продемонстрировать заботу о других, умение использовать языковые средства так, чтобы донести это намерение до собеседника. Искренность такого намерения не является предметом изучения в лингвистике и отнесена к компетенции психологии [Leech 1983, 90].

Основываясь на теории Грайса, Лич конкретизирует понятие вежливости и определяет вежливость как набор максим, регулирующих общение. Он заключает, что вежливость является фактором, облегчающим коммуникацию и способствующим ее успешному завершению посредством создания доверительных отношений между говорящим и слушающим. Пытаясь объяснить тот факт, что принцип кооперации зачастую игнорируется в разговоре, Лич соотносит принцип вежливости (ПВ) с принципом кооперации, рассматривая вежливость как ключевой прагматический фактор, способствующий косвенному выражению намерений говорящих в диалоге, а также как причину игнорирования ПК [Leech 1983]. Он объясняет связь между предложенным им принципом вежливости и принципом кооперации Грайса следующим образом. ПК позволяет участнику разговора вести беседу, основываясь на

предположении, что собеседник следует этому принципу. В этом случае ПК регулирует то, что говорят собеседники, способствуя тем самым успешному завершению акта коммуникации. Тем не менее роль ПВ сводится к тому, чтобы сохранить социальный баланс и дружеские отношения, что позволяет заключить, что собеседники следуют и ПК.

Лич предложил прагматическую систему, включающую два компонента - текстовую риторику и межличностную риторику, каждый из которых основывается на фиксированном наборе принципов. ПВ относится к компоненту межкультурной риторики, также как ПК Грайса и принцип иронии (ПИ) Лича. Лич рассматривает принцип иронии как производный принцип, который позволяет участнику общения быть невежливым, при этом формально оставаясь в рамках РЭ [Leech 1983]. Другими словами, говорящий игнорирует ПК, вследствие чего его речь приобретает ироничный оттенок.

Одним из наиболее важных аспектов теории Лича является разграничение «абсолютной вежливости» и «относительной вежливости». «Абсолютная вежливость» необходима для того, чтобы «минимизировать невежливость в высказывании, невежливом по своей сути», а также с целью максимизировать вежливость в вежливом высказывании [Leech 1983]. «Абсолютная вежливость» предполагает ассоциацию речевого акта с видами вежливости и может играть различную роль в общении (как положительную, так и отрицательную), поскольку некоторые речевые акты, такие как предложения, являются вежливыми по сути, в то время как приказы предполагают невежливость. Относительная вежливость, как утверждает Лич, подпадает под социальные нормы определенной культуры или языкового общества и зависит от контекста и ситуации общения. Относительность заключается в различии между языковыми культурами говорящих и в способах применения ими принципа вежливости.

Ненаучная трактовка понятия вежливости/невежливости значительно отличается от его научной трактовки. Самое общее представление о вежливости ограничено и связывается в большей степени с хорошими манерами, использованием общеупотребительного языка и иногда со стереотипами относительно пола и классовой принадлежности. Научная трактовка вежливости значительно шире и охватывает принципы речевого поведения, которые нельзя напрямую отнести к вежливым или невежливым, такие как использование в речи прозвищ, попытки дразнить, подшучивать. Лич рассматривает язык как средство проявления вежливости. В 1983 году Дж. Лич со своим учеником Дж. Томасом предложили свое видение вежливости, включающее в себя шесть максим (принципов) речевой коммуникации: одобрения, симпатии, скромности, согласия, такта и щедрости.

По мнению исследователей, максимы Лича могут применяться при толковании мотивов демонстрации вежливости [Locher 2004]. Дж. О’Дрисколл указывает на то, что максимы Лича не способствуют универсализации вежливости (не позволяют сформулировать общие правила вежливости), тем не менее они способны объяснить многочисленные варианты проявления вежливости в различных культурах [O’Dreiscoll 1996]. Как утверждает Дж. Томас, ПВ Лича может также быть в использовании и для объяснения межкультурного разнообразия стратегий вежливости [Thomas 1995].

1.2. Лингвистические аспекты теории вежливости

Как видно из обзора зарубежных исследований, представленного в разделе 1.1, основное внимание при изучении вежливости уделяется социальным нормам, включая нормы общения. Исследователей интересуют способы достижения взаимопонимания, способствующего эффективности коммуникации. Лингвистические аспекты коммуникации всегда учитываются исследователями и в ряде случаев становятся основой выводов и рекомендаций,

целью которых является достижение взаимопонимания. При этом основным предметом зарубежных работ остается характер коммуникации и коммуникативные стратегии собеседников в соответствии или несоответствии с социокультурными нормами. Семантико-функциональные особенности языковых средств, их соответствие или несоответствие представлениям о вежливости не являются предметом рассмотренных нами работ. Интерес к языковым средствам и характеру их употребления в речи, а также вопрос о соответствии или несоответствии выбора и употребления языковых средств социокультурным нормам и требованиям вежливости в большей степени характерен для отечественных исследований.

Единицы языка различных уровней могут быть использованы говорящими для достижения одной и той же цели. Согласно выработанным в социуме поведенческим правилам собеседники обычно демонстрируют в своей речи тактичное, уважительное отношение друг к другу, обращаясь к языковым единицам, которые в определенном контексте могут использоваться в качестве средств трансляции норм этикета или способствовать обеспечению вежливости.

В данной работе такие единицы языка названы средствами реализации вежливости (СРВ). СРВ всегда несут положительную эмоциональную нагрузку, способствуют поддержанию контакта между собеседниками. В каждой ситуации общения собеседники используют единицы языка, отвечающие ее целям, при этом лексико-семантическая и синтаксическая специфика СРВ определяется контекстом.

Инвентарь языковых средств, способствующих достижению этой цели, весьма разнообразен. Такие единицы языка смягчают тональность высказывания, располагают собеседников друг к другу. Они, с одной стороны, выражают эмоциональное состояние говорящего, а с другой – вызывают позитивную реакцию со стороны слушающего. Функции соответствующих единиц языка в зависимости от контекста. Выступая в качестве СРВ, единицы

языка различных уровней предназначены для выражения личностного отношения к собеседнику, для придания диалогу соответствующей тональности.

Отечественные исследования, посвященные лингвистическим аспектам категории вежливости, связаны преимущественно с проблемой речевого этикета и обслуживающими его устойчивыми формулами общения, или формулами речевого этикета (ФРЭ), используемыми в стандартных и официальных ситуациях общения. Однако лингвистические аспекты категории вежливости не ограничены употреблением ФРЭ, поскольку речевой этикет – это лишь один из аспектов категории вежливости. Существует множество способов придать разговору необходимую тональность. Инвентарь языковых средств, способствующих реализации этой цели, весьма разнообразен. К числу таких средств могут быть отнесены порядок слов в предложении, некоторые синтаксические модели, включая модели предложения, употребление в начале предложений таких слов, как *think, guess, reckon, well, why*. Все эти единицы языка смягчают тональность высказывания, придают ему приветливость, располагают собеседников друг к другу. Они, с одной стороны, выражают эмоциональное состояние говорящего, а с другой – вызывают позитивную реакцию со стороны слушающего. Функции этих языковых средств базируются на присущей языку коммуникативной функции, они предназначены для выражения личностного отношения к собеседнику, для придания диалогу соответствующей тональности. Кроме того, и сами формулы речевого этикета могут изменить свои функции в зависимости от условий общения и намерений говорящих. Одни и те же единицы языка в одной ситуации могут выступать как СРВ, а в другой – как ФРЭ.

В данном исследовании изучение лингвистического аспекта вежливости не ограничивается формулами общения, которые носят конвенциональный характер. В исследовании учитывается перлокутивный потенциал и значимость таких единиц для реализации вежливости, однако ФРЭ представляют собой

лишь часть той совокупности языковых единиц, употребление которых направлено на поддержание вежливой тональности общения. Собеседники крайне редко ограничиваются устойчивыми формулами общения, репертуар языковых единиц, способствующих соблюдению норм вежливости, весьма разнообразен.

Задачей данного исследования являются сопоставление СРВ в британском и американском вариантах английского языка и выявление их существенных характеристик в процессе функционирования. В обоих вариантах в аналогичных ситуациях общения используются изофункциональные СРВ, которые, однако, могут различаться формально.

Р.О. Якобсон был убеждён, что сравнение языковых структур и их значения для социальной коммуникации представляет собой важнейшую задачу лингвистических исследований [Якобсон 1985, 317]. На необходимость систематического сопоставления языковых фактов обращали внимание многие исследователи (Гак, 1989; Шапошникова, 1994; Швейцер, 1994; Лежнева, 1999; Sanders, 1976). Сопоставление СРВ в различных вариантах английского языка соответствует и задачам типологических исследований, направленных на выявление общей структуры языка как средства общения (Аракин 1979; Гак, 1983; Мещанинов, 1984; Comrie, 1981). Сопоставление как основной метод, используемый в сопоставительной лингвистике при изучении средств и способов выражения одной и той же семантики в языках различных типов [Гак 1989], представляется актуальным и продуктивным и при выявлении расхождений в способах и средствах выражения вежливости в двух вариантах английского языка.

В диссертации рассматриваются вариативность СРВ в двух вариантах английского языка, релевантные аспекты культуры речи, включая национальную специфику вежливости и РЭ, при описании СРВ учитываются мотивы говорящих, прагматика высказывания и иллокутивный потенциал языковых

единиц, разграничиваются типы коммуникации (межличностная и межкультурная).

1.2.1. Средства реализации вежливости и формулы речевого этикета

Одним из аспектов вежливости является этикет. Разграничение вежливости и этикета можно считать методологическим, на практике провести соответствующую границу вряд ли возможно. Формулы этикета могут быть реализованы и как СРВ, поэтому разграничение этих двух категорий остается условным, поскольку и СРВ, и формулы этикета выделяются на функционально-семантических основаниях. Тем не менее это разграничение имеет определенный смысл, поскольку в отличие от СРВ формулы этикета в сознании говорящих связаны с типовыми ситуациями, за пределами которых соответствующие языковые средства могут утратить функциональную семантику этикета и обрести функции СРВ.

Использование формул этикета [Формановская 1987] расценивается как конвенциональное речевое поведение исключительно в типовых ситуациях общения. Однако трудно представить себе ситуацию, общение в которой было бы ограничено использованием формул этикета, соответствующие единицы языка их сочетания в подавляющем большинстве случаев представляют собой лишь часть совокупности языковых единиц, способствующих поддержанию вежливой тональности диалога.

В научной литературе наблюдается совмещение анализа формул речевого этикета (ФРЭ) с анализом функционирования языковых единиц различных уровней, обеспечивающих вежливость (Гурочкина, Давыдова, 1990; Орлов, 1993; Hickey, 1991; Jilles, 1995; Malone, 1995; Leets, Becker, Scher, Darley, 1997; Aukrust, Snow; 1998), [Ахмедова, Свистун 1989]. В ряде исследований формулы речевого этикета, понимаемые как микросистема языковых единиц, привязанных к стандартным ситуациям общения [Давыдова 1990], оказываются

основным объектом анализа. В исследованиях указанного типа, как правило, освещается какая-либо одна тематическая группа ФРЭ или их семантическая функция [Шульженко 1992], [Ахмедова 1989] [Давыдова 1990]. Между тем существуют монографии, целиком посвященные английскому речевому этикету [Соколова 1991]. В указанной работе представлены результаты структурно-семантического анализа ФРЭ английского языка, а также описаны функции ФРЭ в рамках диалогических единств. Автор представляет развернутую классификацию ФРЭ, описывает их связь с невербальными средствами коммуникации.

При изучении РЭ внимание лингвистов, как и при анализе многих других вопросов речевой деятельности, сосредоточено на прагматике. Изучение РЭ с точки зрения прагматики проводится в разных аспектах: рассматривается сочетаемость прагматических типов с этикетными контактными стимулами [Пономарева 1991], влияние прагматических факторов на употребление комплиментарных высказываний [Кокойло 1993], прагматический аспект ФРЭ в современном английском языке [Цюра 1989], основные прагма-семантические функции ФРЭ: оформление ситуации вступления в контакт, поддержание и завершение его [Давыдова 1990].

Н.И. Формановская утверждает, что комплексный подход к РЭ может обеспечить адекватное усвоение ФРЭ, и предлагает методическое и лингвистическое обоснование для эффективного обучения РЭ [Формановская 1987], [Формановская, Шевцова 1990, 1992].

Поскольку СВВ отражают те отношения, которые существуют между собеседниками, то есть принадлежат к области прагматики [Степанов 1983], они могут интерпретироваться как знаки, реализующие регуляторную функцию в различных условиях, связанных с социальной коммуникацией, иными словами – как инструмент приспособления нашего поведения к определенной разновидности контакта, в которую вовлечены говорящий и слушающий,

благодаря чему коммуникация оказывается уместной, соответствующей ожиданиям [Watts 2003, 143]. Как и для любых знаков, для СРВ присуще двойное означивание, изначально выстраивающееся в языковой системе и затем – в речи, в связи с чем СРВ являются актуальными знаками в речевых актах.

Как известно, языковые знаки либо функционируют в высказываниях и являются неполными знаками в силу несовпадения с законченным высказыванием, либо являются самодостаточными, если они представляют собой законченное высказывание (*How do you do?*). СРВ являются преимущественно неполными знаками, выраженными лишь сочетанием слов. В силу социальной обусловленности СРВ адекватно воспринимаются лишь в соответствующей социальной группе. СРВ вызывают ожидаемую ответную реакцию со стороны слушающего, являясь существенным аспектом речевого поведения. Между тем содержание СРВ является комплексным, и большая роль отводится интерпретации СРВ (как теми, кто их использует, так и теми, кому они предназначены). Понятие прагматики было введено в лингво-семиотический обиход Чарльзом Моррисом в работе «Основания теории знаков». Отталкиваясь от базовых понятий семиотики (знаковое средство, десигнат, интерпретатор), Моррис определил прагматику весьма широко, как отношение знаков к тем, кто их интерпретирует [Моррис 1983, 18]. Таким образом, в соответствии с широким определением Морриса, прагматика является наукой о законах коммуникации, а именно – о том, что должны знать и/или учитывать слушающие для верной интерпретации слов говорящего. Культурно-обусловленные представления о вежливости способствуют интерпретации языковых средств, использованных в определенной ситуации общения, как СРВ или как единиц языка, не связанных с выражением вежливости.

Через использование СРВ говорящий может продемонстрировать свое уважительное отношение к партнеру по общению, продемонстрировать интерес к его жизненной ситуации и актуальным потребностям, то есть показаться

чутким, деликатным, отзывчивым, доброжелательным человеком, что способно репрезентироваться при помощи СРВ, включая ФРЭ.

1.2.2. Средства реализации вежливости в языке и речи

В данном разделе мы остановимся на характере связи единиц языка с вежливостью и речевым этикетом, является ли эта связь функциональной (то есть возникает в контексте общения) или же связь языковой единицы с вежливостью и речевым этикетом определяется её значением и, таким образом, определена системой языка. В п. 1.2.1. отмечалось, что функциональная семантика вежливости и этикета определяется контекстом общения, которым определяется характер употребления соответствующих языковых единиц. Между тем СРВ и ФРЭ не равноценны в семантико-функциональном плане: связь ФРЭ с определенными ситуациями общения определяется их значением, то есть системными языковыми свойствами. Таким образом, становление ФРЭ – это процесс установления связи между языковыми средствами и их использованием в определенных ситуациях. Становление ФРЭ осуществляется в речи. На первом этапе высказывание или фраза регулярно используется в соответствующих ситуациях общения; следующий этап связан с закреплением ФРЭ в узусе, то есть установлением связи между ФРЭ и типовыми ситуациями общения. В то время как формулы речевого этикета связаны с РЭ в силу своего содержания, СРВ всегда выступают как результат индивидуальной творческой деятельности, их языковое содержание весьма разнообразно и не может быть описано в терминах вежливости. Этим определяется различие между ФРЭ и СРВ, с одной стороны, и бóльшая семантическая устойчивость ФРЭ в узусе – с другой.

Воспроизводимости ФРЭ в типовых ситуациях общения сопутствует их частотность, что можно проиллюстрировать фразами вроде *Would you like to go to the picnic* и *Would you like to come with me*, которые включают в себя две части.

Would you like – формула речевого этикета, реализованная в речи. Устойчивость морфолого-синтаксического строения не вызывает сомнений ни в одной из частей приведенных фраз. *To go* и *to come* – исходные формы глаголов, нормативно сопровождающие ФРЭ *would you like* и характеризующиеся широкой вариативностью лексических замен. Используя подобные замены, с помощью инфинитивов есть возможность создавать практически неограниченное количество высказываний. Таким образом, начальную часть фразы можно позиционировать как обязательный член, а конечную – как необязательный, переменный. Аналогичную стабильность конструкция *Would you like* демонстрирует и на уровне лексики, в рамках которого оно воспринимается как фразеологизированная формула с присущей ей устойчивостью.

Как отмечалось, одним из важных свойств ФРЭ является их связь с ситуациями, имеющими отношение к РЭ. Это может подтверждаться интерпретацией популярной фразы *How do you do*, являющейся ФРЭ. Данную конструкцию нельзя использовать в косвенной речи, однако семантику приветствия можно сохранить другим способом, а именно употреблением вместо ФРЭ английского глагола *to greet*, соответствующего русскому глаголу «приветствовать». Содержательные характеристики указанной ФРЭ позволяют применять ее в статусе высказывания в соответствующих ситуациях общения.

Между тем семантико-функциональный потенциал ФРЭ не ограничен ситуациями, требующими соблюдения РЭ. В п. 1.2.1. отмечалось, что за пределами типовых ситуаций общения формулы этикета могут утратить этикетную семантику. Говорящие могут творчески использовать ФРЭ, расширяя их семантический потенциал, и из сугубо вежливой формы общения ФРЭ могут окказионально трансформироваться в единицы языка, которые приносят в высказывание, в частности, элементы сострадания, участия, сопереживания,

восхищения, и соответствующий узус позволяет рассматривать такие ФРЭ как СРВ.

Как следует из вышеизложенного, понятие ФРЭ тесно связано с понятием высказывания. Высказывание как единица речи, как правило, определяется по отношению к предложению как единице языка; высказывание может быть меньше, чем стандартная модель предложения, то есть любая реплика может оказаться высказыванием. В ряде случаев ФРЭ является репликой, обращенной к собеседнику, и при этом является высказыванием. В высказывании подобного рода раскрывается сущность и прагматическая ориентированность РЭ в отдельно взятой ситуации. Мы поддерживаем функциональное восприятие высказывания как наименее упорядоченной с формальной точки зрения речевой единицы. При реализации ФРЭ в форме высказывания, модели и содержание такого высказывания отличаются широтой и разнообразием.

Говоря об изоморфизме ФРЭ и высказывания, необходимо отметить, что ФРЭ характеризуется устойчивой связью с определенной ситуацией, выступающей его контекстом, а в ряде случаев – референтом. Так, во фразе *It can't be so* присутствует реакция изумления, вызванная определенной ситуацией, которой соответствует местоимение *it*. К базовым функциям ФРЭ относится функция установления контакта. Ее направленность на абстрактную или несуществующую ситуацию невозможна, что справедливо не для каждого высказывания.

Структура ФРЭ может в частном случае совпадать или в определенной мере приближаться к модели предложения, в этом случае целесообразно рассматривать форму ФРЭ в терминах синтаксических моделей языка. Как известно, существует множество разных классификаций предложений. К примеру, по функции, по признаку их внутренней структуры [Шведова 1970]. В связи со способами реализации ФРЭ нас интересует, прежде всего, структура неполных предложений [Плеухина 1990; Ramat 1990], в которых нередко

используются ФРЭ как при устной коммуникации, так и в письменных высказываниях, воспроизводящих устную речь с определенной стилистической целью. В высказываниях – *Nice to hear from you!* и *Whose brother would you like to dance with? – Hers, if she doesn't mind.* СВ *Nice to hear from you!* и ответ *Hers, if she doesn't mind* выступают элементами неполных предложений. Однако первое предложение имеет эллиптическую структуру, а опущение слов во втором связано с заданным вопросом. Эллипсис присущ РЭ при повседневном устном общении, и для корректного и эффективного применения ФРЭ необходимо дифференцировать грамматические модели языка, с одной стороны, и разговорную норму, признаком которой являются неполные предложения, как в приведенных выше примерах, – с другой.

Высказывание, изоморфное ФРЭ, способно полностью соответствовать структуре предложения, однако, так как оно интерпретируется применительно к конкретной ситуации, а толкование любой ситуации подразумевает рассмотрение фоновых знаний собеседников, знаниевых структур и пресуппозиций, анализ ФРЭ должен учитывать специфику коммуникативного синтаксиса.

Как известно, речь представляет собой последовательность регулярного (линейного) типа, репрезентируемую, в частности, в определенной расстановке лексических единиц, но, под влиянием контекста в расширенной трактовке данного понятия (как коммуникативной ситуации), структурная схема предложения может претерпевать изменение, а порядок слов может нести определенную коммуникативную нагрузку в высказывании. Сказанное относится к эллипсису и другим типам модификации структурных схем предложения. ФРЭ могут быть квалифицированы как компоненты высказывания, детерминирующие объективную репрезентацию взаимоотношений, сложившихся между людьми, принимающими участие в рассматриваемом событии.

Несмотря на высокую степень предсказуемости, ФРЭ существенны для речевого взаимодействия, поскольку благодаря им оно приобретает ту специфику, без которой реальная коммуникация была бы немыслима. На самом деле высказывания, в структуру которых входят ФРЭ, несут несущественную семантическую нагрузку, однако помогают выражать различные интенции. В связи с этим ФРЭ представляют собой один из ключевых аспектов коммуникативного синтаксиса. Пользуясь терминологией О.В. Долговой [Долгова 1980], ФРЭ можно назвать внесениями. ФРЭ органично входят в речь, повышают её коммуникативную уместность. Например, для расслабленного общения друзей или приятелей характерны разговорные приветствия *Hallo!* и *Hi!* В формальной обстановке следует использовать формулы, имеющие совершенно иную стилистическую окраску: *Welcome! I'm really glad to greet you.* По-видимому, ФРЭ делает высказывание значимым с точки зрения прагматики, что связано с «фактором заинтересованности» [Zubin 1978, 473]: адресатом и целью его обращения. С данной точки зрения самое важное место в коммуникативной ситуации отводится партнеру по общению. Говорящий должен быть способен дать собеседнику правильную оценку для выбора адекватного коммуникативного сценария и включения ФРЭ в предложение в нужной позиции, что маркирует ФРЭ как «прагматическую вершину» фразы [Ван Валин, Фоли 1980, 380].

1.2.3. Функциональный потенциал средств реализации вежливости

Изучение СРВ имеет непосредственное отношение к теории речевой деятельности, поскольку употребление СРВ является одним из аспектов речевой деятельности. Это можно дополнительно пояснить, используя термины «мотив» и «прагматика», являющиеся базовым инструментарием психолингвистики.

Каждому высказыванию предшествует мотив, то есть то, что побуждает человека к деятельности. Являясь психологическим феноменом, мотив принадлежит к области человеческих потребностей, связан с эмоциональной сферой, убеждениями и идеалами [Дридзе, Леонтьев 1976; Leets, Becker, Jiles 1995]. Представляет интерес классификация мотивов П.М. Якобсона [Якобсон 1973], утверждающего, что мотивы возникают до речевой деятельности и определяются следующими задачами:

- 1) формирование связей делового характера для реализации конкретной деятельности;
- 2) влияние на другого индивида или нескольких индивидов;
- 3) удовлетворение коммуникативной потребности, стремления к общению, нацеленному на то, чтобы расположить к себе собеседника.

Как видно из классификации, употребление того или иного СРВ определяется мотивом опосредованно, поскольку именно мотив предопределяет прагматическую установку ситуации непосредственного общения коммуникантов и, как следствие, – выбор СРВ. В отличие от прагматических установок, связанных с конкретной ситуацией общения, мотив не имеет непосредственного отношения к определенной ситуации. Приведем ряд примеров:

“I’m not sure that it would have happened but for you.” [Snow 1956, 217]

Высказывание обусловлено (мотивировано) желанием говорящего подружиться с собеседником, сблизиться с ним. Из контекста следует, что персонаж произведения хочет понравиться особе противоположного пола и поэтому стремится доставить ей удовольствие своими словами. Речевая формула *I’m not sure* повышает эффект придаточного предложения, благодаря чему вся фраза звучит еще более открыто и доброжелательно. Из приведенного примера мы видим, что прагматическая сторона высказывания зависит от

использованных в нем слов и синтаксических конструкций. Следовательно, наш пример демонстрирует мотивированный и целенаправленный речевой акт.

Во втором примере каждая фраза выстроена с опорой на ситуативный контекст. Однако все три фразы имеют идентичный мотив – желание оказать влияние на другого индивида.

“Hello, Ben!” said Jimmy, still with his strange smile. “Got around at last, *have you? Well, let's go*” [O. Henry 1979, 181].

Данный монолог органично объединяет все задействованные в нем средства языка, включая СРВ, выделенные в примере курсивом, которые способствуют когерентности текста, репрезентирующей, в свою очередь, ориентированность, упорядоченность и завершенность коммуникативного акта.

Речь Джима открывается ФРЭ, которая принадлежит к тематическим категориям «Обращение» и «Приветствие». В большинстве случаев данная ФРЭ употребляется в начале коммуникативного акта и в приведенном высказывании подчеркивает, что Джим и Бен являются друзьями или как минимум хорошими приятелями. Следующее СРВ, выраженное разделительным вопросом *Got around at last, have you*, не передает каких-либо новых сведений, лишь указывая на желание Джима продолжить беседу в подобной тональности и создавая атмосферу искренности, непринужденности. Наконец, в финальной фразе *Well, let's go* СРВ *well* и побудительная конструкция *let's go* заканчивают коммуникативный акт, согласно прагматике диалога, определяющейся мотивами говорящего.

Воплощаясь в устной речи, СРВ служат инструментом общения в связи с выполняемыми ими задачами и производимым коммуникативным воздействием. В данном контексте нужно дифференцировать понятия иллокутивной функции и прагматики высказывания, недостаточно четко разграниченные в научной литературе по причине весьма широкого определения прагматики, предложенного основоположником прагматики Чарльзом Моррисом.

Иллокутивная функция реализуется фразой (высказыванием) как разновидностью речевого акта и ориентирована на его пользу для общения (в то время как перлокутивная функция направлена на внешний результат данного акта). В.З. Демьянков отсылает к четырем видам иллокутивных функций, различающихся типом соотнесенности с социальной задачей выстраивания и сохранения приемлемых отношений между членами общества:

- конкуренция (иллокутивная задача «соперничает» с социальной задачей (вопрос, приказ, просьба));
- совпадение (иллокутивная задача соответствует социальной задаче (выражение признательности, приветствие, приглашение));
- сотрудничество (иллокутивная задача не соотнесена с социальной задачей (инструкция, сообщение, утверждение));
- конфликт (иллокутивная задача противоречит социальной задаче (издевательство, порицание, угроза)) [Демьянков 2003, 38].

В указанной работе отмечается также, что для исследования вежливости и речевого этикета особенно значимы первые два типа иллокутивных функций [Там же, 39].

Таким образом, понятие иллокутивной функции связано с концепцией речевых актов и способно интегрировать эксплицитные и имплицитные задачи высказывания.

Термин «прагматика», введенный американским мыслителем Ч. У. Моррисом, получил развитие в теории речевой деятельности, и исследователи, изучающие функции языковых единиц, ввели в научный обиход понятие «прагматическая функция», соотносимое с понятием «функция воздействия» (на адресата). Пытаясь определить прагматические функции, В.З. Демьянков [Демьянков 2003, 38] приходит к выводу, что они прежде всего зависят от информации об участниках общения, которая представляет собой значимый элемент коммуникативной обстановки. Более того, прагматические функции

вливают на информационную модальность предикативных членов в контексте более обширной коммуникативной среды, в которой они реализуются. Также к данным функциям следует отнести прагматические задачи и последствия высказывания, взятого без учета индивидуальности конкретных коммуникативных партнеров. Следовательно, прагматические функции позиционируются в качестве функций высказывания. Кроме того, к ним нужно причислить факторы, от которых зависит предпочтение говорящим тех или иных средств языка.

За прагматическими функциями закреплены четыре основные характеристики: рефлексивность (человеку следует выстраивать свое сообщение таким образом, чтобы адресат имел возможность выявить прагматическую функцию, воспринимаемую как цель речевого акта); объективность (способность быть воспринятыми практически любым интеллектуально полноценным адресатом); обличительность (высказываний, не выполняющих соответствующую функцию, не существует); возможность провести границу между прагматической функцией и основным содержанием высказывания [Stati 1990, 31-33].

Как отмечалось ранее, словосочетания «прагматическая функция» и «иллокутивная функция» могут использоваться как взаимозаменяемые. Именно в данном аспекте высказываются о трансформации прагматических функций в отдельное слово или фразеологизм. В таком случае речь идет о превращении иллокутивной функции в клише, ее стандартизации [Norrik 1979, 675-676]. Например, восклицание *Sorry!* содержится в словарном составе английского языка в качестве клишированной единицы со значением *I apologise* «Прошу прощения».

В итоге можно констатировать, что, как и понятие иллокутивной функции, понятие прагматической функции возникло под влиянием теории речевых актов и предполагает воздействие и убеждение. В высказывании *Could you help me?*,

адресованном одним из участников коммуникации другому, репрезентирована вежливая просьба, сформулированная с помощью ФРЭ «конструкция “*Could you*” + *исходная форма глагола*». В соответствии с концепцией речевых актов, используя упомянутую ФРЭ, индивид стремится продемонстрировать свою высокую степень вежливости и неявно побуждает собеседника к совершению определенной последовательности действий. Согласно принципам прагматики, говорящий употребляет ту ФРЭ, посредством которой можно оказать большее влияние на слушателя, внушить ему мысль о предпочтительности или даже необходимости осуществления действия.

Говоря о функциональном потенциале ФРЭ, нельзя не рассмотреть соотношения ФРЭ и перформатива, понятия введенного Остином [Остин 1986] и расцениваемого им как осуществление действия, как высказывание, эквивалентное действию, поступку. При употреблении в речи ФРЭ обретает сходство с перформативом, что определяется прагматической детерминированностью ФРЭ ситуацией и контекстом общения, таким образом, употребление ФРЭ в речи эквивалентно действию говорящего, имеющего целью побудить собеседника к ответному действию.

Функциональная концепция значения как употребления, разработанная в философии Витгенштейна [Витгенштейн 1985], позволяет провести параллель между изучением перформативов и ФРЭ. Прежде всего, вторые, как и первые, могут являться не только словами или словосочетаниями, но и единицами синтаксического уровня – предложениями. Кроме того, ФРЭ включены в смысловое пространство перформативов и, следовательно, могут с определенной степенью условности рассматриваться как перформативные ФРЭ. В частности, ФРЭ входят в группу бехабитивов как типов речевых актов [Остин 1986]. Однако если последние выражают социальное поведение, то ФРЭ являются знаками нравственно-этического характера и, таким образом, способны репрезентироваться только через языковые средства с позитивными

коннотациями. Едва ли следует принять позицию, что при конвенциональной трактовке этикета слово «проклинать» или словосочетание «требовать к барьеру» могут стать основой для высказывания, отвечающего нормам нравственно-этического поведения, в соответствии с тем, что говорит Остин. При этом кластер перформативов, содержащий в своем смысловом поле семантику дружелюбия, способен функционировать как ФРЭ, имплицитно указывающие, в частности, на психологические особенности собеседников, их моральный и интеллектуальный уровень. Определение подобных перформативов помогло бы распределить ФРЭ по тематическим категориям, выработать их классификацию. Кроме того, о смежности понятий ФРЭ и перформатива говорит то обстоятельство, что вместо отдельных единиц, которые мы назвали перформативными ФРЭ, можно применять непосредственно перформативные глаголы (to tell, to ask и т.д.): *could you ... = I'm asking you; Hi! = I'm greeting you*. Вышесказанное объясняет тот факт, что ФРЭ могут быть использованы в речи автора.

Сближение понятий перформатива и ФРЭ представляется релевантным для изучения ФРЭ, так как открывает еще одну возможность познания этого явления. Это касается, в частности, анализа соотношения ФРЭ и бехабитивов, сопоставления в составе ФРЭ сочетания глаголов предположения (допущения), выражающих осуществление ментального действия, и собственно произнесения высказывания, нацеленного на реализацию конкретной задачи; приведения аргументов в пользу функциональной эквивалентности перформативов и ФРЭ. Тем не менее мы лишь очерчиваем область, но не ставим задачу ее изучения, учитывая потенциальный масштаб соответствующего исследования.

1.2.4. Средства реализации вежливости в контексте диалога

Прагматический компонент высказывания не всегда поддается идентификации. Богатство интенций говорящих так велико, что благодаря их

многообразию некоторые СВВ приносят в речь не всегда прогнозируемые семантические нюансы, поэтому для интерпретации многих СВВ, часто употребляемых в разговорной речи, недостаточно информации об их языковом содержании или об их грамматической форме; «речевой этикет» – это не только формулы и приветствия, а, в первую очередь, владение ... аппаратом языковых построений» [Почепцов 1987, 12]. Условия протекания коммуникации, особенности коммуникативной ситуации, сведения об участниках общения и их отношениях, данных в совокупности языковых, психологических и социальных параметров, определяют специфику той единицы речи, в состав которой входят СВВ. Такой единицей речи является диалог, в рамках которого реализуется этикет общения. Именно в диалоге, с учетом просодико-интонационной организации речи, можно определить, является ли ФРЭ «Здравствуйте!» приветствием, приглашением к общению или вообще не связано с семантикой вежливости (см. п. 1.2.1).

На данный момент опубликовано множество исследований, рассматривающих речевое общение в рамках диалога, что способствует пониманию особенностей контекстов, в которых употребляются СВВ. Исследования, посвященные диалогу, весьма разнообразны. Внимание исследователей сосредоточено, в частности, на изучении диалога с позиций смежных наук. Так, анализ диалога как деятельности осуществляется в рамках философии языка [Sbisa 1994]. Детальное изучение психологии речи намечает некоторые перспективы психологического подхода к исследованию диалога [Florpa 1994]. Социологические и лингвистические аспекты диалога нередко являются предметом анализа в отечественных и зарубежных исследованиях [Дридзе 1996; Ferrara, Bell 1995], поскольку социальные аспекты обеспечивают как стратегическую направленность диалога, так и ее языковое воплощение. Сравнительно недавно появилось еще одно направление в изучении проблем построения диалога, что типично в основном для зарубежных исследователей.

Эти исследования носят сугубо прикладной характер, их результат связан с компьютерным анализом автоматически синтезированной речи, в частности, вопросно-ответных систем [Rothkegel 1994; Cawsey 1995; Neeman, Hirst 1995]. Для анализа СРВ имеет значение точка зрения, согласно которой диалог, то есть основная сфера употребления СРВ, понимается как двуплановое лингвистическое явление, в котором присутствуют и план языка, и план речи. Поскольку диалог есть форма коммуникации, в большинстве исследований его анализ проводится с учетом контекста общения собеседников. Конкретная ситуация, в которой осуществляется диалог, помогает уточнить смысл речевых единиц и реплик, чему, в частности, способствуют СРВ. Говоря о диалоге, мы намеренно отвлекаемся от вопросов диалогичности текста «как бесконечномерного смыслового пространства» [Зотов 1994, 5], реализуемого в культурных контекстах, что перекликается с принятой исследователями трактовкой межкультурной коммуникации. И, наконец, наиболее традиционный подход разграничивает понятия диалога и диалогического единства – основной коммуникативной единицы диалога, представленной репликами, каждая из которых обладает своей коммуникативно-прагматической целью [Рипинская 1993; Буторина 1995; Бобышева 1996].

Поскольку функционирование СРВ определяется прагматическими задачами собеседников, исследователи считают, что прагматический подход к изучению диалога имеет право на существование наряду с функционально-семантическим, так как он либо дополняет семантическую интерпретацию, либо занимает ведущее место при описании функциональной семантики употребляемой единицы [Бобырева 1996]. Выделяя прагматический фокус реплики и связывая его появление в высказывании со многими причинами, в том числе и семантического характера, К.А. Серова придает ему статус прагмасемантической категории, объединяя, таким образом, понятия прагматики и функциональной семантики [Серова 1996]; кроме того,

исследователи вводят понятие так называемого диалога-этикета на основе единых прагматических установок его разновидностей [Романова 1993]; наконец, изучение прагматических аспектов речевой деятельности преследует не только сугубо теоретические, но и прикладные дидактические цели [Арутюнов, Чеботарев, 1993].

Признавая важность всех проводимых исследований, нельзя не отметить значимую для настоящего исследования работу, в которой предпринята попытка описания и классификации интенций (понимаемых как элементарные коммуникативные единицы) [Арутюнов, Чеботарев 1993]. Хотя предлагаемый каталог интенций предназначен для решения методических задач, систематизация коммуникативных единиц, в частности СРВ, в дальнейшем могла бы способствовать определению стандартных или сугубо ситуативных реализаций соответствующих интенций. Окончательное суждение может быть сделано на основе анализа контекста, в котором проходит диалог.

Прагматический подход к исследованию диалога тесно соприкасается с когнитивным. Выбор СРВ, по нашему мнению, всегда связан как с поведенческим или мысленным фреймом ситуации общения, так и фреймом, осознаваемым собеседниками на основе имеющихся у них знаний. Говоря о когнитивном образе ситуации общения, Макаров выделяет фрейм референтной ситуации общения и сценарный фрейм, первый из которых является общим знанием (то, о чем говорят), а второй – фоновым знанием [Макаров 1996]. Оба фрейма коррелируют с прагматическими установками участников диалога и употреблением СРВ.

1.2.5. Средства реализации вежливости в аспекте культуры речи

Изучение культуры речи предполагает внимание к функциональным особенностям языковых средств (Винокур, 1929; Костомаров, Леонтьев, 1966; Кодухов, 1974; Голубкова, 1982; Клецова, Лебедева, 1994; Jakobovits, 1969;

Brown, Levinson, 1987; Broun, 1988; Huellen, 1989; Sifianou, 1989). Культуре речи всегда уделяется большое внимание и в преподавании иностранных языков (Верещагин, Костомаров, 1976; Скворцов, 1984; Фаенова, 1991; Казарцева, 1998; Nickman J. (ed.), Kimberly K., 1988), при этом используется критерий правильности употребления языковых средств (Головин, 1966). ФРЭ, как и вообще все СРВ, исследуются в аспекте культуры речи, так как культура речи предполагает рассмотрение языковых средств, наиболее приемлемых для конкретных ситуаций общения (устного/письменного) [Бенвенист 1971].

Общая теория речевой культуры неотделима от понятия *нормы*, детерминированной как экстралингвистическими факторами, так и теми, что относятся непосредственно к самому языку. Это очень важно для СРВ, так как они реализуются в речи единицами различных (лексического и грамматического) уровней по принципу коммуникативной целесообразности (Ахманова, Бельчиков, Веселицкий, 1960; Скребнев, 1974; Романова, 1993) и представляют собой важнейший аспект речевого узуса. Вместе с тем употребление СРВ определяется не только нормой, но и индивидуальными предпочтениями говорящих, тем, что принято называть манерой речи или идиалектом [Гальперин 1981], то есть теми индивидуальными особенностями речи говорящего, которые определяются его возрастом, воспитанием, образованием, социальным положением. По мнению О.А. Агарковой, речевое поведение представляет собой комплексный феномен, определяемый тем воспитанием, которое получил человек, тем местом, где он родился, а также его образованием и привычной средой, со всеми характеристиками, присущими ему как члену определенной общественной группы [Агаркова 2004, 9]. Немаловажными являются и личностные характеристики говорящего [Седов 2006, 301]. Последнее может приводить к нарушениям нормы или отклонениям от нормы, таким, например, как изменение типов предложения, в состав которых входят СРВ.

Релевантным для изучения СРВ с позиции нормы является тезис Пражского лингвистического кружка, трактующий норму как понятие функциональное и лингвосоциальное, ведь СРВ – это языковые средства, употребление которых определяется коммуникативными стратегиями собеседников. Нормативный характер использования СРВ подтверждают такие их характеристики, как социальная обусловленность и соответствие прагматике коммуникации. Понятие нормы трактуется исследователями по-разному. Для исследования СРВ актуально более узкое понятие *нормы общения*. В исследовании Т.В. Лариной, посвященном категории вежливости, *норма общения* понимается как стратегии коммуникации, отражающие ценности социально-духовного характера и отвечающие ожиданиям собеседника от общения [Ларина 2009, 84]. СРВ, включая ФРЭ, способствуют реализации нормы речевого поведения.

1.3. Категория вежливости в отечественной лингвистике

1.3.1. Лингвистические аспекты речевого этикета

Отечественные лингвистические труды, связанные с русским РЭ, как правило, делают акцент на прагматических или культурологических аспектах. В этих работах исследуются разные типы общения с точки зрения содержания и формы, при этом объектом повышенного интереса становятся этикетные формулы [Формановская 2002]. При изучении ФРЭ с языковедческих позиций оказывается, что они используются с различной частотностью, которая определяется, в первую очередь, «нейтральностью» ФРЭ – употребимостью данной формулы в разном коммуникативном контексте [Зубарева 2007, 12]. Русский РЭ характеризуется широким выбором подобных единиц, но в каждом отдельно взятом случае затруднительно подобрать необходимую ФРЭ, которая одновременно была бы нейтральной, лишенной эмоциональных коннотаций и сочеталась с конкретной ситуацией. Изменения, происходящие в русском языке

в целом и РЭ в частности, начинают замечать не только профессионалы, исследующие речевое поведение с разных позиций (социолингвисты, психолингвисты, педагоги), но и граждане, не являющиеся специалистами в соответствующих областях. По наблюдению М.А. Кронгауза, люди в возрасте воспринимают последствия таких трансформаций, как случайный и несложный сбой (плохое воспитание младшего поколения), а молодежь – наоборот, как норму [Кронгауз 2004, 1]. Складывается ситуация, при которой большое количество культурных моделей приводит к формированию большого количества норм [Вепрева 2006, 118].

Исследователи обращают внимание на коммуникативно-прагматические аспекты функционирования различных формул речевого этикета в русской языковой культуре. Указанный вопрос рассматривается в работах О.А. Агарковой, В.И. Карасика, Р. Ратмайр и Н.И. Формановской (Агаркова 2004; Карасик 1992; Ратмайр 2003; Формановская 2002). О.А. Агаркова в обозначенной работе анализирует комплиментарные фразы, основываясь на концепции речевых актов и принимая во внимание принципы когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и лингвопрагматики (Агаркова 2004). Вопросы лингводидактики, прямо или косвенно связанные с речевым этикетом, рассматриваются в работах (Акишина 1981, 1986; Верещагин 1976; Жаркова 1997; Максимова 2002; Формановская 1982). Ю.В. Рождественский обращается к вопросам речевого этикета в связи с риторикой публичной речи [Рождественский 2005]; проблемы социолингвистики и установление зависимости между употреблением того или иного типа ФРЭ и социальными характеристиками коммуникантов с учетом регистра их общения рассмотрены в работе А.А. Зубаревой [Зубарева 2007].

Особым аспектом общей теории речевого этикета является анализ формул речевого этикета в текстах художественной литературы. Отмечается, что подобные тексты содержат в себе и репрезентируют собранные поколениями

сведения о мире и человеке в нем. Исследование ФРЭ в художественных сочинениях позволяет увидеть, как изменялся язык в течение анализируемого временного интервала. Так, диахронический анализ культуры русской речи позволяет утверждать, что современные носители языка практически не используют формулы, имевшие статус речевого стандарта в XIX столетии. Отдельные элементы приобрели новое значение, а в некоторых случаях устаревшие этикетные формулы были заменены другими [Бирюлина 2009].

Есть много отечественных и зарубежных трудов, связанных с изучением конкретных ФРЭ и их коннотационно-стилистическим потенциалом, регистром речи. Термин «регистр» заимствован из западноевропейских работ и не является общепринятым и активно используемым среди современных российских лингвистов. К тому же его нельзя считать термином в строгом смысле слова (в связи с наличием нескольких основных интерпретаций). В американском и западноевропейском языкознании регистр определяется как речевая специфика, детерминированная ситуацией общения, в отличие от диалекта – локального говора, маркирующего представителя определенной территории или социального класса [Ellis 1969]. С точки зрения М. Халлидэя, используемый вами диалект показывает, кто вы есть, в то время как регистр, выбираемый в конкретной речевой ситуации, отражает ваше поведение [Halliday 1978, 157]. Конечно же, применение в определенном контексте одного из регистров и совокупность регистров, представляющих речевой диапазон данной личности, определяются его социальными качествами [Федорова 2002]. Российские лингвисты обращаются к понятию «регистр» достаточно редко, имея в виду под данным словом либо речевой жанр [Китайгородская 1998], либо функциональный стиль (Журавлев 1996; Никольский 1976; Швейцер 1975). В связи с вопросами речевого этикета представляется целесообразным использование термина «регистр» применительно к особенностям речевого

поведения говорящих в конкретной ситуации общения, принимая во внимание различия в социальных качествах говорящего и слушателя [Федорова 2002].

В современном отечественном языкознании исследование ситуативного варьирования речевого поведения и влияющих на него факторов является предметом многих работ, при этом отдельное исследование, как правило, посвящено изучению конкретного регистра (см. ссылки на соответствующие исследования в работе (Киселева 1997)), различных параметров ситуации общения (Винокур 1993), ситуативно обусловленных разновидностей речи (Земская 1998; Крысин 1998; Китайгородская 1998), вопросам переключения регистров при смене условий (социальных характеристик адресата) [Зубарева 2007].

В трудах Н.И. Формановской РЭ трактуется как сложная знаковая система, отражающая в процессе взаимодействия (словесного и несловесного) отношение человека к своему собеседнику, мнение о нем и одновременно мнение о самом себе, собственном положении относительно партнера по общению [Формановская 1982, 4]; как сформированные социумом правила, имеющие национальные особенности и стабильно зафиксированные в речевых клише, но одновременно исторически непостоянные [Формановская 1982, 54]. Данные клише – ФРЭ – содержат сведения о коммуникативном контексте, отношении собеседников друг к другу, общественном статусе каждого из них и т.д.

РЭ рассматривается в контексте общих правил общения для говорящих и слушающих, особенно актуальных в ситуациях делового общения; таким образом, изучение языковой фразеологии и семантических процессов, представленных в речи и при этом связанных с речевым этикетом, не является основной задачей исследований Н.И. Формановской. В одной из своих основных работ автор вводит понятие коммуникативного пространства, которое, вероятно, следует определить как круг лиц, участвующих в диалоге на правах говорящих или слушающих; коммуникативное пространство отлично от речевой ситуации,

которая определяется как сложный комплекс внешних условий и внутренних установкой общающихся [Формановская 2005, 55]. Кроме того, разграничиваются понятия речевого поведения и речевой деятельности, при этом к признакам речевого поведения отнесены стереотипность и автоматизированность, в то время как речевая деятельность определена как сознательный акт, мотивированный определенными целями. Отмечается значимость социальных ролей, определяющихся через понятия позиции (положение человека в социальной среде) и функции, связанной с соответствующей позицией. Под социальной ролью понимается закрепленное на нормативном уровне единство позиции и функции, с учетом того, что в человеческом сознании любая роль соответствует конкретному поведенческому стандарту, определенным правам и обязанностям, связанным с некоторыми социальными ожиданиями [Формановская 2005, 44]. Индивид непрерывно реализует в своем речевом поведении предписанные ему социальные характеристики и вписывается в те или иные ситуативные роли. В речевом поведении говорящие не могут выйти за рамки социальных отношений с окружающими, своих социальных ролей.

Понятие этикета, в том числе речевого этикета, Н.И. Формановская связывает с принадлежностью говорящего к социальной группе, которая может оказаться более широкой или более узкой. При этом этикет трактуется как система правил, обязательных для исполнения в определенной среде. Речевой этикет понимается как правила речевого поведения. В узком смысле, применительно к языку и речи, этикет определен Н.И. Формановской как очень обширный диапазон языковых и речевых единиц, помогающих продемонстрировать дружелюбное отношение к партнерам по общению [Там же, 69]. Н.И. Формановская связывает речевой этикет с вежливостью, при этом вежливость проявляется в соблюдении норм речевого этикета, а нарушение таковых всегда оборачивается невежливостью. Категория вежливости

пользуется особым вниманием исследователей речевого этикета. Одним из центральных понятий в исследованиях, посвященных вопросам вежливости, является понятие «функциональное поле вежливости», которое формируется как лексическими, так и грамматическими единицами языка, включая единицы высшего порядка – грамматические категории. Исследуя указанное функциональное поле, Н.И. Формановская уделяет особое внимание единицам речи, в частности высказываниям типа «Просьба – вопрос».

Культура общения, по мнению Н.И. Формановской, заключается в способности участников коммуникации в том или ином ситуативном контексте отдать предпочтение языковым средствам, которые в данных обстоятельствах являются наиболее адекватными.

В сфере речевого этикета Н.И. Формановская выделяет область речевых действий, связанных с использованием в речи устойчивых формул общения, которые являются воспроизводимыми и должны трактоваться как единицы языка, связанные с речевым этикетом (в этой связи см. рассуждения Дж. Остина, С. 35-36 наст. дисс.). Соблюдая речевой этикет, говорящие выполняют привычные речевые действия: они приветствуют, просят, извиняются, благодарят, прощаются, соглашаются, отказываются и т.д. Таким образом, устойчивые формулы общения, используемые в речевом этикете в функционально-семантическом плане, обретают сходство с перформативами: озвучивание этикетной формулы является элементом речевого акта [Формановская 2005, 232].

Речевой этикет рассматривается как важнейший элемент национальной культуры, поскольку в речевом поведении, связанном с использованием устойчивых (стереотипных) формул общения, находит отражение национальный опыт. При этом речевой этикет характеризуется национальной спецификой, поскольку на неповторимые особенности языка накладываются особенности норм поведения, то есть социальный этикет данного народа. Социально-

лингвистические свойства речевого этикета определяются требованиями общества и необходимостью соблюдения этикетных норм.

1.3.2. Лингвокультурологические исследования категории вежливости

Исследования в области лингвокультурологии, связанные с анализом ФРЭ и СРВ в контексте национальной культурной специфики, на данный момент представляют собой ключевое направление в изучении феномена вежливости в российском языкознании. По-видимому, ведущую роль в данной сфере играют труды, посвященные сопоставлению национальных лингвокультур применительно к данному феномену.

Объектом сопоставительных исследований являются все средства реализации вежливости, имеющие отношение и к национальной специфике изучаемого языка, и к культурным ценностям его носителей. Так, выражение благодарности, усвоенное американцами в раннем детстве, привносит в межличностное общение семантику взаимного уважения [Ариян 1991]. Выделяя три типа соотношений этикетных фраз: совпадение, частичное совпадение, несовпадение в двух языках – английском и русском [Мительская 1993], исследователи отмечают, что в отличие от русского РЭ для английского РЭ характерна большая степень формализации и меньшая прямолинейность [Шапошникова 1994]. В той же работе прослеживается связь лингвокультурологического аспекта РЭ с национальной спецификой фразеологических выражений, фиксирующих в языке обычаи, привычки и обряды той или иной страны.

Сопоставительное исследование данных, относящихся к разным языкам, позволяет выделить общие и специфические формы демонстрации вежливости в анализируемых языковых культурах и обратить внимание на проблему универсалий, недооценить которые сложнее всего именно в области РЭ. Общие

черты РЭ включают в себя иерархию этикетных норм и правил; активное применение этикетных клише в ходе межличностного взаимодействия; реакцию РЭ на динамику развития национального языка и социума, прибегающего к формированию и соблюдению соответствующих установок (Аитова 2003; Крылова 2001; Тырникова 2003).

Национально обусловленные особенности вежливости могут выражаться в выборе говорящими определенных средств в аналогичных коммуникативных условиях; в применении эквивалентных этикетных клише в разных обстоятельствах (иначе говоря, в разнице употребления этикетных клише в языках); в существовании уникальных, отсутствующих в другом языке грамматических конструкций (Кронгауз 2004; Тырникова 2003).

М.А. Кронгауз исследует отечественный РЭ в его эволюции и сопоставительном аспекте, рассматривая систему стандартных ситуаций, возникающих в процессе речевого взаимодействия [Кронгауз 2004]. Исследование О.А. Крыловой посвящено изучению вербальных приветствий в синтаксическом, прагматическом и лингвокультурном отношениях [Крылова 2001]. В труде Х.Р. Аитовой проводится сравнительный анализ использования формул обращения в русской и английской речи, исследуются типичные языковые формулы обращения к собеседнику, проводится анализ эмоциональных коннотаций формул обращения в аспекте национальной специфики общения, позволяющий выявить национально-культурную специфику таких формул и коррелирующих с ними сторон национальной картины мира [Аитова 2003].

Есть несколько научных книг и статей, в которых предпринята попытка соотнести базовые речевые модели ФРЭ в русской и английской речи, принимая во внимание тот факт, что многие формулы имеют вторые (как правило, стилистически окрашенные) значения. Подобные работы содержат новую информацию о прагматических составляющих ФРЭ, об их коннотативном

потенциале (Акишина, Камогава 1974; Формановская, Соколова 1989; Формановская, Шевцова 1990).

Число исследований, в том числе и диссертационных, связанных с вопросами вежливости, неуклонно растет, между тем в последние годы работы, рассматривающие проблему речевого этикета, обычно посвящены отдельным сторонам этой обширной темы либо отличаются «межтематическим» подходом. Так, в трудах Ю.В. Рождественского вопросы вежливости исследуются не обособленно, а применительно к риторике, а конкретнее – к факторам, способствующим эффективному общению с аудиторией. Этот факт в значительной степени обусловлен сложностью и многоаспектностью анализируемого феномена – вежливости.

Среди наиболее значимых авторов, исследующих проблему вежливости в целом и русский РЭ в частности, необходимо назвать уже неоднократно упоминавшуюся Н.И. Формановскую, а также Т.В. Ларину. Труды первого автора представляют собой теоретический фундамент работ по лингвопрагматике, связанных с русским РЭ, а результаты, полученные вторым ученым, являются базой для исследований межкультурной направленности.

В настоящее время анализ категории вежливости сосредоточен на вопросах межкультурной коммуникации, предполагающих акцентирование внимания на базовых составляющих изучаемых культур, к которым, несомненно, относится феномен вежливости.

В работах о вежливости, написанных отечественными лингвистами, отмечается национальная специфика коммуникации. Данная специфика проявляется в основном в использовании разных коммуникативных стратегий в коммуникативных актах, направленность которых определяется типом социальных отношений и господствующими культурными ценностями. По мнению Т.В. Лариной, периодическое обращение к одним и тем же стратегиям в

конечном счете приводит к формированию национально-специфичного коммуникативного стиля [Ларина 2009, 226].

Авторы англоязычных исследований, посвященных речевому поведению, также обращают внимание на лингвокультурологические аспекты коммуникации, поскольку без учета таковых невозможно не только понять речевое поведение носителей данного языка, но и поддерживать коммуникацию на данном языке. Для изучения лингвокультурологических аспектов вежливости необходимо рассмотреть коммуникативную структуру речевого акта и его компонентов (Even-Vered, 1990; Murray, 1990; Walton, 1991; Ferrara, Bell, 1995; Heeman, Hirst, 1995), что релевантно и для определения природы СРВ.

Ведущим отечественным исследованием, предметом которого выступает феномен вежливости, имеющий отношение, прежде всего, не к культурно-детерминированному применению ФРЭ, а к речевым тактикам и стратегиям собеседников, является книга Т.В. Лариной «Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация». От того, как используются механизмы вежливости, зависит эффективность общения в соответствующих социумах [Ларина 2013].

В обозначенном труде представлена новая концепция исследования коммуникативного поведения, учитывающая особенности лингвокультуры, этических ценностей, социальных отношений и коммуникативного мышления. Т.В. Ларина впервые трактует вежливость как совокупность стратегий, выражающихся в определенном коммуникативном поведении. Автор интерпретирует вежливость как феномен вербальной культуры, определяя базовые стратегии и преобладающие характеристики коммуникативного поведения в российском и британском социумах. Анализируются так называемые сигналы вежливости, не сводимые к ФРЭ. Наряду с последними, к данным сигналам относятся повторы, число озвучиваемых реплик, уровень экспрессивности и т.д.

Теоретическая значимость исследования Т.В. Лариной состоит в том, что изучение коммуникативной культуры народа через важнейшую категорию коммуникативного сознания, объясняет коммуникативное поведение представителей различных лингвокультур, что позволяет соотнести культурные ценности, общественные отношения, национальное мышление и коммуникативную деятельность представителей соответствующих наций.

Исследование Т.В. Лариной открывает новое направление в области лингвокультурных исследований, не обязательно связанных с речевым этикетом, поскольку коммуникативные категории в качестве составляющих коммуникативного мышления почти не изучены. Если же говорить именно о речевом этикете, то сопоставительное описание коммуникативных интенций и стратегий говорящих в кросс-культурном аспекте, с учетом социальных и ситуативных факторов, задающих контекст коммуникации, способствует расширению накопленных сведений о речевом этикете.

Отметим положения исследования Т.В. Лариной, релевантные для изучения СРВ в данном исследовании.

Словесная культура является одной из форм проявления речевого мышления, которое характеризуется национальной спецификой. Вежливость – коммуникативный феномен с выраженной лингвоэтнической вариативностью, рассматриваемый как комплекс стандартизованных, предписываемых всему обществу сценариев коммуникативного поведения (вербального и невербального), нацеленных на постоянное воспроизведение общепринятых коммуникативных норм и определяющих выбор языковых средств. Категория вежливости является универсальной, однако, каждый народ имеет свои представления о вежливости. Национальная специфика вежливости проявляется не только в инвентаре этикетных формул и особенностях их употребления, но и в наличии национальных коммуникативных стратегий.

Специфическим видом межкультурной коммуникации является диалог культур, связанный со сменой формаций, что находит отражение в художественных произведениях [Oleksy 1986; Riber 1986]. Диалог культур в ситуации изменения культурного кода предполагает в числе прочего изменение реакций участников диалога на услышанное, то есть меняется запрограммированный коммуникативный эффект, предполагающий новое осмысление семантического потенциала СРВ. Так, обращение «Многоуважаемый шкаф» у Гаева в «Вишневом саде» воспринимается в контексте пьесы как сожаление об уходящей жизни, а наши современники воспринимают это обращение как символ неизбежной смены формаций. Таким образом, СРВ, как и все языковые средства художественного произведения, соотносятся с контекстом и типом межкультурной коммуникации. Такие виды искусства, как театр и кино, которые осуществляют связь между языком литературы и категорией вежливости различных эпох, подчеркивают изменение коммуникативного эффекта.

Завершая краткий обзор исследований в области русского речевого этикета, а также сопоставительных исследований, привлекающих материал русского языка, можно заключить следующее. В отечественном языкознании представлены два направления исследований, предметом которых выступают вежливость и речевой этикет. Первое связывает вежливость преимущественно с речевым этикетом, объектом таких исследований являются ФРЭ. Второе направление исследований выходит за пределы РЭ. Авторы рассматривают его как тип речевого поведения, для которого характерно доведенное до частичного автоматизма использование закрепившихся формул в стандартных коммуникативных ситуациях. Объектом исследования в работах, посвященных категории вежливости, выступают языковые и речевые единицы, благоприятствующие демонстрации уважительного отношения к партнерам по общению [Формановская 2005, 69]. Вежливость отождествляется Н.И.

Формановской с мотивационно обусловленной деятельностью речевого характера, которая представляет собой одну из разновидностей социально-общественной деятельности. Предложенное исследователем понятие «функциональное поле вежливости» подчеркивает, что речевые манифестации вежливости не ограничиваются употреблением ФРЭ. Данное поле создается различными средствами языка – лексическими и грамматическими. Следовательно, изучение феномена вежливости и РЭ как одной из доступных форм вежливости подразумевает рассмотрение всех речэтикетных средств, а также социокультурных и социолингвистических сторон общения.

Исследователи вежливости обращают специальное внимание на необходимость сопоставительного изучения художественных текстов различных эпох, поскольку это позволяет проследить изменения, произошедшие в речевом этикете и используемых средствах на протяжении исследуемого временного интервала [Oleksy 1986; Riber 1986].

1.3.3. Национальная экземплярность средств реализации вежливости в британской и американской культурах

Поскольку социальная детерминированность языка выражается не только в его социальной дифференциации, но и в предпочтении разными социальными группами тех или иных выразительных средств, предоставляемых языковой системой [Крысин 2004, 26], рассмотрение СРВ с точки зрения национальных особенностей различных вариантов английского языка и культуры речи может прояснить специфику вежливого речевого поведения в английской и американской лингвокультурах. Речь представляет собой одну из сфер осуществления ролевой деятельности. Осуществляя деятельность, которая понимается как аспект социальных отношений, личность выступает в различных

ролях, в частности, как представитель национальной культуры [Гребенева 2006, 3].

Исследователям удалось собрать обширный фактический материал, относящийся к различным аспектам английского языка в Великобритании и США (Гухман, 1960; Швейцер, 1966, 1971; Шлихт, 1980; Guyer, Bird, 1959; Dillard, 1980; Ross, 1988; Nuspek, 1989; Saporta, 1991). Британский и американский варианты английского языка являются лингвокультурными узуральными общностями (Леонтьев, 1977; Lloyd, Warfel, 1956), где английский язык рассматривается как инвариант по отношению к обоим вариантам, развившимся из общего источника [Bernstein 1988]. При этом под инвариантом нами понимается всё словесно оформленное поведение индивида, которое, осуществляясь в той или иной лингвокультурной модификации, имеет как различия, так и сходства с другими лингвокультурными вариантами.

При рассмотрении британского и американского вариантов можно заметить, что и в том, и в другом варианте имеется множество параллельных синонимических СРВ [Формановская, Шевцова 1992]. В данном случае вряд ли можно говорить о варьировании в строгом понимании этого термина. Скорее можно говорить об экземплярности [Солнцев 1990], которая соответствует стилистической специфике высказывания: более непринужденная манера речи представителей США связана с большей экспрессивностью [Там же]. При этом британские и американские СРВ не находятся в вариантно-инвариантных отношениях, но существуют отдельно, как самостоятельные экземпляры. Экземплярность СРВ у британцев и американцев говорит лишь об их разном отношении к фактам окружающего мира, их разном восприятии действительности, что ставит задачу сопоставительного изучения СРВ в двух вариантах английского языка.

Выводы по Главе I

1. Анализ лингвистических аспектов исследований, посвященных вопросам реализации вежливости, показывает, что их основным объектом являлись фразеологизированные формулы общения, регулярно воспроизводимые в речи говорящих в определенных типах социокультурного контекста (ФРЭ).

2. Несмотря на многообразие исследований, посвященных проблеме речевого этикета, существует возможность расширить область исследования до более общей семантической категории – категории вежливости. Новым объектом исследования являются языковые средства, способствующие реализации указанной категории, этому объекту исследования соответствует новый лингвистический термин «средство реализации вежливости» (СРВ), отличный от традиционного термина «формула речевого этикета» (ФРЭ), а изучение функционально-семантических особенностей СРВ открывает перспективы для разработки нового направления в рамках общей проблемы вежливости.

3. Основным предметом функционально-семантического изучения СРВ в рамках когнитивного подхода являются контекстуально-обусловленные функции единиц языка различных уровней при их взаимодействии в условиях диалога.

4. Анализ исследований, посвященных лексическим и грамматическим расхождениям между британским и американским вариантами английского языка, показывает, что британское и американское речевое поведение до сих пор не рассматривалось в контексте категории вежливости.

5. Рассмотрение СРВ с точки зрения национальных особенностей сравниваемых вариантов английского языка и культуры речи целесообразно, поскольку как категория вежливости, так и связанная с её реализацией речевая деятельность являются аспектом социальных отношений, представляющих национальную культуру.

ГЛАВА 2. СИСТЕМНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕЖЛИВОСТИ И ИХ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

2.1. Системные характеристики СРВ

Как показывает материал исследования, существует множество параметров, на которые можно опираться при составлении классификаций СРВ. Одна из целей данной диссертации заключается в создании классификации СРВ с указанием наиболее частотных семантических параметров или их комплексов, способствующих реализации языковых единиц как СРВ.

Вопросы культуры общения как условия эффективного социального взаимодействия могут быть успешно решены лишь при глубоком изучении структурной организации высказываний, в которых присутствуют СРВ, а также особенностей функционирования СРВ в речи.

Контекст имеет первостепенное значение при анализе единиц языка, реализующихся как СРВ. Изучение функциональной семантики языковых средств показывает, что ряд языковых единиц, номинативное значение которых не связано с вежливостью и, в частности, этикетом, нередко реализуются в речи в контексте вежливости, усиливая указанную семантику. Иными словами, соответствующие единицы могут быть нейтральными по отношению к вежливости и этикету, но в маркированных контекстах такие языковые средства могут приобрести определенные семантические функции, связывающие их с этикетом, или – шире – с вежливостью. Как показывает анализ материала, единицам языка, реализующимся как СРВ, присущи определенные семантические характеристики. Именно семантические функции дают возможность разграничить единицы речи, в состав которых входят СРВ, с одной стороны, и единицы речи, нейтральные с точки зрения категории вежливости, с другой стороны, определить устойчивость тех или иных семантических параметров, влияющих на реализацию единиц языка как СРВ.

В этой части работы будет рассматриваться специфика высказываний, структура которых, включая единицы языка всех уровней, способствует реализации семантической категории вежливости. Таким образом, нас интересует не столько структурная схема предложения, но именно единица речи и её коммуникативная семантика. Присутствие в структуре высказывания СРВ, как правило, связано с более или менее значительным изменением денотативного значения единиц языка.

Одним из главных достоинств художественной литературы является многообразие системы выразительных средств, бесконечное богатство передачи мыслей и чувств, тонкого приращения смысла, благодаря чему литературный язык служит средством эстетического воздействия. Эти приращения смысла возникают в процессе речевой деятельности при использовании как лексических, так и синтаксических единиц языка. При исследовании художественных текстов в связи с реализацией категории вежливости внимание сосредоточено на таких единицах языка, которые, попадая в определенный контекст, выступают не только в качестве средств художественной выразительности, но и в качестве СРВ, таким образом увеличивая возможности эмоционального воздействия автора на читателя.

Высказывания, в состав которых могут входить СРВ, получают языковое воплощение в зависимости от коммуникативных намерений говорящего.

В данной главе будут рассмотрены языковые средства, которые при функционировании в речи создают тот же эффект, что и собственно ФРЭ, и выступают в качестве СРВ. Их содержательность, потенциальная информативность, возможность разных реализаций были известны давно, однако рассмотрение лингвистических фактов в аспекте реализации категории вежливости создает представление о нормах речевого поведения как аспекте вежливости. СРВ, так же как ФРЭ, могут выступать средством трансляции этикетных правил или норм вежливого поведения, что расширяет представления

о языке вежливости и языке этикета и способствует развитию науки о формах речевого общения.

В диссертации рассматриваются синтаксические и лексические средства реализации вежливости (далее - синтаксические и лексические СРВ). Среди синтаксических СРВ в обоих вариантах английского языка наиболее часто встречаются разделительные вопросы, вопросительно-отрицательная форма предложения и порядок слов в предложении. Лексические СРВ более многочисленны и разнообразны, помимо знаменательных частей речи в их состав входят междометия и восклицания, которые, как правило, употребляются в начале высказывания; такие фразы, как *I think, I guess*, которые также предшествуют основному высказыванию.

2.1.1. Синтаксические СРВ

Одним из средств, которые, как показывает материал исследования, могут функционировать в английской речи как СРВ, является порядок слов в вопросительном предложении. Будучи фиксированным в аналитических языках, к которым относится английский язык, порядок слов показывает, как влияет на содержание сообщения расположение его компонентов. Как показывает анализ произведений британской и американской литературы, инвертированные конструкции, опущение вспомогательных глаголов или глаголов-связок – это характерная черта английского разговорного синтаксиса. Между тем изменение порядка слов, хотя и может служить речевой характеристикой действующего лица, его социального статуса, чаще всего связано с прагматикой высказывания, и в ряде случаев функционирует как СРВ. В примере

“You’ll be the new charwoman?” he said. [Urquhart 1961, 93]

наблюдается инвертированный с точки зрения «нормативной» структуры вопроса порядок слов, что коммуникативно оправдано. Мотивом высказывания

является необходимость установления деловых связей. Ситуация общения хозяина дома с прислугой предполагает установление контакта между ними. С этой целью молодой человек использует порядок слов, типичный для разговорной речи. В рассматриваемом контексте такой порядок слов можно отнести к СРВ. По коммуникативному намерению высказывание является вопросительным, хотя вопрос является риторическим, поскольку ответ заранее известен. Прямой порядок слов в вопросительном высказывании указывает на то, что в функционально-семантическом плане высказывание является утверждением, что соответствует перлокутивному эффекту: поддержание общения с нижестоящим по социальной лестнице, что связано с реализацией вежливости.

То же явление наблюдается в высказывании из знаменитого романа С. Моэма, где функциональная нагрузка прямого порядка слов в разговорной речи заключается в смягчении вопроса и стимулирует ответную позитивную реакцию, поддерживая доброжелательную тональность диалога.

“You won’t go back to your wife?” I said at last.

“Never”

“She is willing to forget everything that’s happened and start afresh. She’ll never make you a single reproach.” [Maugham 1972, 63]

Как и в предыдущем примере, высказывание принадлежит образованному интеллигентному человеку, поэтому нарушение грамматической структуры высказывания не может быть характеристикой социального статуса говорящего.

Отступление от грамматических норм в целях поддержания вежливой тональности общения не характерно для американской литературы. Из 56 высказываний с нарушением грамматической структуры вопроса лишь 12 связаны с прагматическим намерением говорящего учесть социальный статус собеседника, соблюдая таким образом речевой этикет или нормы вежливости. В

остальных случаях инверсия порядка слов в вопросе характеризует речь малообразованных людей. Например,

The cook felt the corners of his mouth with his thumbs.

“They all gone?” he asked.

“Yeah,” said George. “They’re gone now.” [Hemingway 1971, 65]

Для большей убедительности нарушение грамматической структуры вопроса как речевая характеристика персонажей (а не как СРВ), как правило, сопровождается другими нарушениями: фонетическими, морфологическими, иными грамматическими, как в следующем примере:

“Flora: Swingin’! Oh, Chrisk, Jake, let lose!

Jake: Now you know where you been an’ what you been doin’ since supper?

Flora: Yeah...” [Williams 1970, 171]

Приведем аналогичные примеры, в первом из которых нарушается порядок слов, а во втором представлены и другие нарушения.

(1) “Where you going to be around ten o'clock tonight?” Mike Maloney asked.

“Home, most likely,” Archie Cannon said. “Why?”

“Would you like to drop over to my house for a couple of bottles of beer around ten?” Mike asked.

“I'd like that very much, “Archie said. “Why?” [Saroyan 1975, 247]

(2) “I thanks you, Mist Asbury,” Morgan said, brightening. “You certly does look well.”

“I'm about to die,” Asbury said irritably.

“You looks fine,” Randall said [O'Connor 1980, 94].

Нижеприводимая таблица включает не все отклонения от нормы, а лишь те, целью которых является поддержание вежливой тональности общения и, в частности, соблюдение РЭ.

Нарушение порядка слов как CPB

вариант английского языка	изменение порядка слов
британский	72%
американский	28%

Рассмотрим разделительный вопрос, который наиболее часто используется в разговорной речи с целью соблюдения норм вежливости. Рассмотрение функционирования в речи этой языковой модели может способствовать прояснению ряда теоретических вопросов, непосредственно связанных с речевыми аспектами категории вежливости и этикета. Предпосылкой анализа структур, не соответствующих грамматической норме, является гипотеза об их принадлежности к CPB.

Прежде чем продемонстрировать употребление исследуемой модели предложения, представляется целесообразным сделать несколько предварительных замечаний, которые могут быть полезны для дальнейшего анализа. Прежде всего, анализ материала показывает, что контекст высказывания имеет решающее значение для его интерпретации. В системе языка модель вопросительного предложения связана с грамматической семантикой вопроса. Употребление вопросительного предложения с иной семантико-функциональной нагрузкой демонстрирует дистанцию между языком и речью, доказывая, что грамматическое значение предложений является фактом языковой системы, а семантика высказывания всегда обусловлена контекстом и относится к сфере речи. Сказанное выше можно отнести и к предложенному ранее анализу порядка слов в вопросительном предложении.

Коммуникативный аспект описания некоторых вопросительных предложений демонстрирует их функциональную близость к ФРЭ и приводит к пониманию, что та же самая функция может осуществляться с помощью

нескольких разных единиц языка. Стратегия вербального поведения определяется характером осмысления ситуации говорящим. В результате “закрепленности” некоторых синтаксических структур за определенными ситуациями РЭ автоматизм их употребления в речи приводит к их идеоматизации и превращению в ФРЭ. Говоря об идиоматическом характере грамматических структур, мы имеем в виду грамматическую структуру как явление речи, независимо от того, какими языковыми единицами она формируется.

Слушающий интерпретирует высказывания говорящего с учетом контекста. Модель предложения обладает зафиксированным в языке конвенциональным значением, однако в высказывании зафиксированное в языке конвенциональное значение может быть модифицировано. Так, например, использование разделительного вопроса исключает безапелляционность фразы, сообщает ей тональность, допустимую и с учетом норм вежливости, и принимая во внимание императивы РЭ [Pilch 1986; Aijmer 1989], как в следующем примере:

“You can't imagine me getting fun out of being on the beach in South America, or living in filthy dives, drinking rotgut, can you? No, thanks! I'll stick to Broadway, and a room with a bath, and bars that serve bonded Bourbon.” [O'Neill 1979, 30]

Пресуппозиция этого высказывания ассоциируется с конвенциональным значением разделительного вопроса. Мы предполагаем, что речевая единица *you can't..., can you* сообщает о желании говорящего узнать мнение собеседника и в ненавязчивой форме высказать свое.

Разделительный вопрос может выражать утверждение, согласие, одобрение, желание успокоить, восхищение, выражение говорящим своего восприятия природы – лишь бы это согласовывалось с положительными эмоциями, вызываемыми высказыванием. Сказанное можно проиллюстрировать следующими примерами:

“You’re not really afraid, are you?” he said. Perhaps the question was a stupid one but he never got an answer to it either [Bates 1978, 75].

“Well, it must be quite simple really, mustn't it?” said Miss Marple.

“Simple!” said Chairman. “You come down to Ansteys and see if it's simple!” [Christie 1976, 132]

В данном высказывании разделительный вопрос является СРВ и используется для поддержания тональности, в которой ведется разговор.

Вопросительно-отрицательная модель предложения может выступать в функции СРВ. Как и в случае модели разделительного вопроса, в высказываниях, где используется вопросительно-отрицательная модель, существует дистанция между конвенциональным значением вопросительно-отрицательной синтаксической модели и ее семантико-функциональной реализацией в высказывании, что определяется коммуникативным замыслом говорящего. В высказывании семантико-функциональная реализация вопросительно-отрицательной модели выступает на первый план и при поддержке конвенционального значения вопросительно-отрицательной модели определяет прагматику высказывания. Так, в следующем примере:

“Isn't it a clean white shirt good enough?” [Tushnet 1978, 17]

вопросительно-отрицательная форма предложения выражает утверждение, убеждая слушающего в том, что говорящий осознает правоту своей мысли, что соответствует коммуникативной цели высказывания.

Обратный эффект достигается в высказывании из рассказа Сомерсета Моэма “The Kite”, где использование вопросительно-отрицательной модели соответствует коммуникативному замыслу и способствует выражению неуверенности, вызванной не очень хорошим знанием ситуации.

“They say it doesn't cost any more to keep two than one, well, that's not my experience so far.”

“Isn't she working?”

“Well, no, she says after working for donkeys years as you might say, now she’s married she’s going to take it easy, and of course someone’s got to keep the place clean and do the cooking.” [Maugham 1951, 146]

Вопросительно-отрицательная форма свидетельствует о желании говорящего при содействии других участников речи выяснить детали в приятной, не резкой, тактичной манере.

Иногда семантика вопроса не сопутствует употреблению вопросительно-отрицательной модели, в конце высказывания в соответствии с его коммуникативным назначением ставится восклицательный знак, придающий высказыванию эмоциональную окраску. Следующий пример иллюстрирует это положение:

“Darling, Peter and Emma are coming to supper. Now, isn’t that nice!”

She looked genuinely unaffectedly pleased, “Lovely!” [Beatty 2013, p. 24]

Основным содержанием высказывания является выражение говорящим чувства восторга. Уверенность в таком же ощущении собеседника, желание услышать подтверждение, наладить контакт – такова семантика высказывания, где используется модель вопросительно-отрицательного предложения для выражения эмоционального, но не категоричного утверждения. Положительная тональность предложения позволяет рассматривать его как СРВ.

Принимать вопросительно-отрицательную форму может не только глагол *to be* в третьем лице единственного числа как вспомогательный глагол или как глагол-связка. Между тем все примеры доказывают, что вопросительно-отрицательная модель предложения способствует тому, что высказанная уверенность звучит не так самонадеянно, и говорящий ожидает согласия собеседника.

“She will do for the fashionable models.”

“Oh, yes, she’ll do for them!” My model humorously declared. “Ain’t they bad enough without her?” [James 1975, 68]

“...Don't you love your mother dear boy?”

“No,” Krebs said.

His mother looked at him across the table. Her eyes were shiny. She started crying.

“I don't love anybody,” Krebs said [Hemingway 1971, 109].

“And you think it can be successful?” Fernando asked. “You now have confidence?”

“Why not?” Pablo said. “Haven't you confidence?”

“Yes,” Fernando said. “But I always have confidence.” [Там же, 111]

Анализируемый материал подтверждает, что разделительный вопрос и вопросительно-отрицательная форма предложения устанавливают речевой контакт собеседников, помогают создавать доброжелательную тональность, способствуют взаимопониманию и взаиморасположению. Анализ высказываний не учитывает социальные роли собеседников, прагматику и другие параметры ситуации общения. Рассмотренные выше модели предложений выделяются в качестве СВВ по тем же признакам, что и тематические группы ФРЭ [Соколова 1991,] с той только разницей, что в случае СВВ классификация является семантико-функциональной, в то время как классификация ФРЭ производится на основании их значения, что позволяет провести аналогию между ФРЭ и СВВ (языковыми значениями и функциональной семантикой единиц языка).

Сравнивая употребление рассмотренных моделей предложений в двух вариантах английского языка, можно сделать вывод, что разделительные вопросы чаще встречаются в американской литературе, а вопросительно-отрицательная форма – в британской. Данная работа не претендует на определение психологических характеристик носителей языка: результаты анализа могут быть использованы в дальнейших исследованиях, посвященных категории вежливости.

Разделительные вопросы и вопросительно-отрицательные предложения как СРВ

вариант английского языка	разделительные вопросы	вопросительно-отрицательные предложения
британский	40%	73%
американский	60%	27%

2.1.2. Лексические СРВ

Для того чтобы лексические единицы функционировали в речи в качестве СРВ, они, как и грамматические структуры, должны выражать положительное отношение к собеседнику или к событию.

Реализация одних и тех же лексических единиц в большом количестве высказываний, имеющих отношение к определенному контексту, позволяет выявить соотнесенность СРВ с данными ситуациями. Как и в ФРЭ, в речевых СРВ могут проявляться социальные, этнические, возрастные, конфессиональные и иные различия. Предпочтение конкретных единиц и степень их совместимости с другими словами и лексико-грамматическими конструкциями определяются коммуникативным замыслом говорящего и детерминируют специфику высказывания в аспекте вежливости.

Функциональная семантика СРВ отчасти определяется прагматикой высказывания. Знание лексической семантики слова, выступающего в качестве СРВ в конкретном высказывании, часто бывает недостаточным для слушающего, чтобы определить отношение говорящего к описываемым фактам, вывести пропозиции и пресуппозиции данного высказывания. Об этом слушающему сообщают СРВ. Поскольку когнитивные структуры более или

менее сходны в разных языках, выводимые пропозиции и пресуппозиции зависят от реальной интерпретации подобных структур и конкретного речевого акта.

Многообразие лексических СРВ, которые удалось выделить в исследованном материале, может быть сведено к 1) восклицаниям, 2) глаголам предположения, предваряющим придаточные предложения в сложноподчиненных предложениях, и 3) имплицитным СРВ, которые заменяются в тексте соотносящимися с ними авторскими словами.

Как явствует из сказанного выше, анализ лексических СРВ в ряде случаев невозможен без анализа синтаксического контекста. Но если анализ лексики проводится с опорой на словарные дефиниции, то подход к синтаксическим структурам носит эмпирический характер.

Начнем анализ лексических СРВ со слов с семантикой субъективной модальности, выражающих оценочно-эмоциональное отношение говорящего к предметам или ситуациям [Гальперин 1981]. Присутствие в речи СРВ с семантикой субъективной модальности позволяет придать речи максимальную выразительность. Семантика субъективной модальности включает удовольствие, радость, восхищение, одобрение, понимание собеседника, приглашение к разговору или готовность его продолжить, уменьшить напряжение, вызванное вынужденной паузой и т.д. К лексическим единицам со значением субъективной модальности относятся восклицания *Ah, Oh, why, well*, наречие *O.K.* [Swan 1984], более характерное для американцев. СРВ, соответствующие этим языковым единицам, представляют собой возгласы как реакцию слушающего или мысли и ощущения самого говорящего. Как правило, контекстуальная семантика таких СРВ, открывающих высказывание, раскрывается или уточняется в ходе диалога.

Следует подчеркнуть, что СРВ-восклицания часто сопровождают ФРЭ, относящиеся к разным тематическим группам и расположенные, как правило,

рядом с ними в высказывании. В этом случае они принимают то же коммуникативное назначение, что и сопутствующие им ФРЭ.

В настоящее время трудно представить себе вежливое общение без этих средств, они передают ощущения и реакцию собеседников лаконичнее и доходчивее, их произнесение тесно связано с прагматической установкой, осуществляемой с их помощью более успешно. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры.

“Ah, Mr. Eliot,” she breathed, a trifle ominously. “I’ll do what I can.”

Then she got down to business [Snow 1956, 148].

Употребление восклицания *Ah* в приведенном примере сопровождает обращение, одним из предназначений которого является привлечение внимания собеседника. Этому способствует и СРВ *Ah*, которое выражает радость при неожиданной встрече и, конечно, привлекает внимание собеседника. В данном высказывании контекстуальное значение СРВ позволяет отнести его к той же тематической группе, что и само обращение.

В следующем ниже примере восклицания *Oh, dear me* в качестве СРВ интенсифицируют смысл высказывания – извинение, признание вины.

Shan Tung was out for his walk in the Park with Miss Camaby – “Oh, dear me, yes, it was all my fault,” chimed in the companion. “How could I have been so stupid, so careless.” [Christie 1978, 115]

Однако в ряде случаев СРВ лишь модифицируют (но не определяют) общую тональность разговора, поскольку ситуация не требует соблюдения норм вежливости, и произнесение восклицаний не имеет решающего значения для говорящего или слушающего.

“One of our leading citizens is stung with the Santa Claus affliction, and he's due in town tomorrow with half the folderol that's painted red and made in Germany. The youngest kid we got in Yellowhammer packs a forty-five and a safety razor.

Consequently we're mighty shy on anybody to say 'Oh' and 'Ah' when we light the candles on the Christmas tree.” [Henry 1979, 60]

Сказанное выше можно отнести и к СВВ *well*, но в отличие от *Oh* и *Ah* оно часто употребляется без сопровождения ФРЭ, что не мешает ему смягчать тональность высказывания и способствовать доброжелательному общению, как в следующих примерах:

“I know why you did that with the old gun, Bob,” Chub said.

“Well, then we don’t have to talk about it,” he had said.

They never talked about it and that was the end of Grandfather’s side arms except for the saber. He still had the saber in his trunk with the rest of his things at Missoula [Hemingway 1971, 107].

или:

"In these parts that's almost like being in the next street at home," said Dr Macphail facetiously.

"Well, that's rather an exaggerated way of putting it, but one does look at distances differently in the South Seas. So far you're right."

Dr Macphail sighed faintly [Maugham 1963, 219].

Следующий пример, напротив, демонстрирует, как говорящий использует СВВ *well* и подкрепляет его другим СВВ, выраженным разделительным вопросом. Оба СВВ придают высказыванию непринужденный характер, что соответствует его прагматическому назначению – найти общий язык с ребенком.

“We’re killing him for a friend. Just to oblige a friend, bright boy.”

“Shut up,” said Al from the kitchen. You talk too goddam much.”

“Well, I got to keep bright boy amused. Don’t I, bright boy?” [Hemingway 1971, 70].

Наречие *O.K.* всегда выражает согласие и признание правильности только что сказанного или ситуации в целом. Как было отмечено, его употребление в качестве СВВ типично для американского варианта. Приведем лишь один

пример, показывающий, как это наречие используется в высказывании как СРВ, передающее намерение героя рассказа пойти на уступки, его желание положительно настроить участников беседы.

“Christ!” said Bill scornfully. “Did you think I didn't trust you? ... Christ! I've got too much faith in you to be afraid.”

“I'll take off the bandages now, if you're ready.”

“Okay!” said Bill. “I'm not worrying any” [March 1978, 116].

СРВ *why* по выполняемым в высказывании функциям может быть отнесено к тематическим группам «Приветствие», «Уточнение», «Одобрение», «Соболезнование». Как и все перечисленные выше восклицания, *why* стало распространенной формулой общения, устанавливающей контакт с собеседником.

She broke off as a chair creaked and another man, an aviator from Camp Harry Lee, emerged from the obscurity of the veranda.

“Why, Canby!” she cried. “How are you?”

He and Bill Knowles waited with the tenseness of open litigants.

“Canby, I want to whisper to you, honey,” she said, after just a second. “You'll excuse us, Bill” [Fitzgerald 1996, 217].

В этом примере СРВ *why* выражает радость так же, как и СРВ-обращение. В следующем примере, выражая те же положительные эмоции, СРВ также выполняет в контексте функцию приветствия.

“Why, it's old L.S.,” said Herbert Jefliffe giving me his manly, forthright handshake [Snow 1956, 232].

Наряду с перечисленными восклицаниями и наречием *О.К.* функцию СРВ могут осуществлять и другие слова, которые в системе языка не относятся ни к знаменательным, ни к служебным частям речи, и их употребление в этой функции нехарактерно. Это такие слова, как *Christ, dear me, now.*

Употребление нескольких СРВ в одном высказывании придает ему большую убедительность в плане реализации вежливости.

“Oh, Lord, ...well...” [Brach 1978, 92].

Если в предыдущем примере используются три лексических СРВ, выраженных восклицаниями, то в примере из рассказа “A Tooth for Paul Revere” Стефана Винсента Бенета СРВ *well* сочетается в высказывании с СРВ *I quite agree*, что может вызвать у слушающего благоприятное отношение к человеку, произносящему эти слова. В свою очередь это свидетельствует о приемлемости, с точки зрения говорящего, выбранных единиц общения в аспекте вежливости.

“Nobly done, friend,” said the sharp-faced man, “and I’m glad to find another true-hearted loyalist in this pestilent, rebellious city.”

“Well, I don’t know as I quite agree with you about that,” said Lige [Bennet1963, 127].

Подводя итог анализу СРВ, выраженных восклицаниями, приводим таблицу, демонстрирующую приверженность американцев и носителей британского варианта английского языка к тем или иным СРВ-восклицаниям в разговорной речи.

Таблица 2.3

Приверженность носителей британского и американского вариантов английского языка к СРВ-восклицаниям в разговорной речи

вариант английского языка	Oh	Ah	Why	Well	O.K.
британский	40%	45%	38%	33%	22%
американский	60%	55%	62%	67%	78%

Далее мы рассмотрим употребление в качестве СРВ глаголов умственной деятельности, которые часто произносятся говорящим в начале высказывания и которые можно объединить в семантическую группу «предположение». Это

глаголы *to think, to guess, to suppose, to hope, to believe* и некоторые другие глаголы и словосочетания, реже используемые в непосредственной коммуникации: *to doubt, to imagine, to dare, to be afraid, to be bound* и др. Перечисленные слова содержат в семантической структуре единицу значения, которая придает им определенную степень неуверенности в достоверности того, что транслирует индивид своему коммуникативному партнеру. Употребление этих глаголов связано с намерением проявить тактичность, а вежливость, согласно правилам этикета, оказывается уместной в речевом общении.

Выделенные глаголы выполняют регулирующую функцию, косвенно демонстрируют стремление говорящего деликатно донести до партнера по общению собственную позицию. Глаголы показывают слушающему, какую роль в диалоге говорящий отводит своему высказыванию, эксплицируя таким образом его иллокутивный потенциал. Семантическая структура этих глаголов исключает иронию, намеки, демонстрацию пренебрежения и высокомерия, то есть все то, что не согласуется с понятием этикета. Эти глаголы являются средством тактичного выражения собственного мнения, и их можно отнести к СРВ. Они психологически подготавливают слушающего к адекватному, неагрессивному восприятию сообщения, воздействуют на его внимание, заинтересованность.

Глаголы предположения обозначают мыслительные процессы и употребляются в высказывании в прямой речи в форме первого лица единственного или множественного числа действительного залога настоящего, прошедшего или будущего времени изъявительного наклонения. Обычно они употребляются в главном предложении, после которого союз *that* вводит придаточное предложение, хотя союз может и опускаться. В данной работе речь идет именно об использовании этих глаголов в функции сказуемого в главном предложении, употребление их в составе вводных предложений не рассматривалось.

Рассматривая глаголы с общей семантикой предположения с точки зрения вежливого речевого поведения говорящего, следует отметить, что по мере их удаления от исходной нейтральной точки на соответствующей виртуальной оси, эти глаголы служат для выражения большей уверенности говорящего, его большей убежденности в правильности своих слов. Глагол *to think* обладает самой высокой степенью нейтральности в данном ряду, он лишь выражает осуществление ментального акта ради формулирования мысли. Эта мысль может быть как точной, так и неточной, поэтому СРВ, соответствующее глаголу *to think*, не претендует на отстаивание точки зрения говорящим, оно указывает на гипотетический характер следующего за ним высказывания.

A horrible thought passed through the Dutchman's mind, and he shuddered.

“I think you must be mad. I don't know what has come over you.”

She shrugged her shoulders [Maugham 1951, 453].

Именно глагол *to think* в качестве СРВ смягчает тональность высказывания, снимает оттенок грубости, выражает нежелание говорящего оскорбить собеседника. В этом заключается семитическая функция глагола. Осуждение, звучащее в высказывании, теряет свою однозначность благодаря глаголу *to think* в главном предложении.

Семантика неуверенности присутствует и в значении глагола *to guess* – «догадаться о чем-то по незначительной детали», и его употребление в семантическом плане близко к употреблению глагола *to think*, тот же оттенок неопределенности и бездоказательности. Значение глагола влияет на его использование в качестве СРВ. Придавая неуверенный тон своему высказыванию, говорящий не может настаивать на своей точке зрения, поэтому высказывание звучит как один из возможных вариантов отношения к событию.

They got in just before the rain began to fall again.

“I guess she'll get her fine clothes spoilt,” said Mrs. Davidson with a bitter sneer.

Davidson did not come in till they were half-way through dinner [Maugham 1963, 203].

Глагол *to suppose*, предшествуя высказыванию, подчеркивает нерешительность, долю сомнения, отсутствие ответственности за сказанное, возможность ошибки. Говорящий имеет в виду, что его слова могут быть оспорены, хотя в обществе такую точку зрения разделяют многие.

Так, в примере

“Well, I suppose you are rather old. If I'm ever in love with someone I won't be horrid to them.” “That's a very good rule, Barbara. Remember that rule when the time comes” [Murdoch 1981, 183].

реализуется одна из прагматических задач: выразить свое отношение к собеседнику, но делается это в мягкой форме. Не желая его обидеть, говорящий, употребляя в речи глагол предположения *to suppose* и восклицание *well*, размышляет над сказанным, подчиняя речевой акт нормам вежливости.

Глагол *to hope* располагается во второй части ряда перечисленных нами глаголов предположения, и семы неуверенности и сомнения не являются доминирующими в его семантической структуре. Говорящий произносит *I hope...*, когда имеет в виду, что, по его мнению, то, о чем он хочет сказать, почти наверняка имеет все основания быть правдой. В качестве СРВ произнесение глагола *to hope* в главном предложении вселяет уверенность и ожидание положительного эффекта, сохраняет хорошее настроение коммуникативного партнера, побуждает его к решительным действиям или утешает, успокаивает его, как в примере:

“I've advised her to ignore the letter and go straight out tu him.”

“I hope she's too sensible to expose herself to a very terrible rebuff” [Maugham 1951, 180].

Благодаря глаголу *to hope* высказывание звучит оптимистично и убедительно, что позволяет вывести следующую пропозицию: говорящий

уверен, что слушающий понимает его намерение. При соблюдении этого условия глагол *to hope* и употребляется в качестве СРВ.

Замыкает ряд глаголов допущения распространенный глагол *to believe*, который выражает значительную степень убежденности в произнесенном или доверия к тому, кто это озвучил. Употребляя этот глагол, говорящий, как и в вышеописанных случаях, должен знать, что слушающему знаком этот оттенок значения, только тогда информация высказывания будет релевантной, а прагматическое намерение – реализованным.

“Do you think it will stop?”

“Yes,” Pablo said. “It is thinning now and there are small, hard pellets. The wind will blow but the snow is going. The wind has changed.”

“Do you think it will clear tomorrow?” Robert Jordan asked him.

“Yes,” Pablo said. “I believe it will be cold and clear. This wind is shifting” [Hemingway 1971, 108].

Употребление Future Indefinite в придаточном предложении указывает на то, что говорящий уверен сам и знает, что слушающий тоже заинтересован в благоприятном стечении обстоятельств. В речевом поведении создана ситуация моральной поддержки, что согласуется с требованием быть предельно вежливым. В данной ситуации это означает интерес к собеседнику, его проблемам. Глагол *to believe*, таким образом, выполняет функцию СРВ. Следующие два примера из того же произведения представляются достаточно иллюстративными, чтобы показать, что разные значения глаголов *to believe* и *to hope* способствуют осуществлению разных прагматических целей, тем не менее оба помогают создать ситуацию доброжелательного общения.

“I will be here on the left. Above, where I can see all and I will cover thy left with this small máquina. Here. If they should come it would be possible to make a massacre. But you must not fire until they are that close.”

“I believe that we could make a massacre. Menuda matanza!”

“But I hope they do not come” [Там же, 265].

Подытожим в таблице частотность употребления глаголов предположения в качестве СРВ в британском и американском вариантах.

Таблица 2.4

Частотность употребления глаголов предположения

вариант английского языка	глаголы предположения				
	think	guess	suppose	hope	believe
британский	50%	30%	10%	20%	0%
американский	60%	0%	0%	30%	10%

2.2. Функциональные признаки СРВ

2.2.1. Динамические и статические СРВ в высказывании

СРВ могут быть расположены в структуре высказывания контактно или дистантно, возможности их расстановки не ограничены. Повторы изофункциональных СРВ при их дистантном расположении способствуют развитию коммуникативного напряжения в высказываниях, и такая реализация единиц языка, как СРВ, определяется нами как динамическая. Ей противопоставлена статическая реализация единиц языка как СРВ. Динамические высказывания можно проиллюстрировать примерами, в которых представлены СРВ, относящиеся к тематической группе «Обращение», т.к. именно обращение чаще всего может быть дублировано в речи.

Так, в примере

“I’m so sorry I’m late!” and seeing us, added: “Why, I thought I heard you come ten minutes.”

She broke off as a chair creaked and another man, an aviator from Camp Harry Lee, emerged from the obscurity of the veranda.

“Why, Canby!” she cried. “How are you?”

He and Bill Knowles waited with the tenseness of open litigants.

“Canby, I want to whisper to you, honey,” she said, after just a second. “You’ll excuse us, Bill.” [Fitzgerald 1996, 217]

употребляется двойное обращение, которое по аналогии со стилистическими приемами - метафорой, сравнением - может быть квалифицировано как развернутое обращение, выраженное двумя СРВ: первое обращение - собственным именем *Canby*, второе, расположенное дистантно, - нарицательным именем *honey*, значение которого и целенаправленность его использования определяется на основе синтагматического соотнесения с первым, их семантико-синтаксической связи.

Оба существительных согласуются по линии некоторых грамматических категорий (число – единственное и падеж – общий) и семантической структуры (пол, одушевленность, принадлежность к человеческому роду), которая связана с переносным значением слова *honey* в устной разговорной речи. Нельзя сказать, что сочетаемость двух имен (обращений) определяется безотносительно к коммуникативному аспекту высказывания, к субъективно-оценочному отношению говорящего к собеседнику, но, как следует из анализа, при выполнении коммуникативного задания желательное соблюдение грамматической и семантической соотнесенности означаемых выбранных слов.

Установив семантико-грамматическое согласование между означаемыми двух лексических единиц, первой (*Canby*) и второй (*honey*), на следующем этапе анализа следует определить, которое из обращений обеспечивает динамическую составляющую высказывания, коммуникативное напряжение и синтагматику высказывания. Очевидно, что этому служит второе обращение в структуре высказывания, которое концентрирует в себе модальные оттенки, несет новую информацию об отношении говорящего к собеседнику, является смысловым фокусом высказывания, его прагматическим пиком и тем самым придает ему прогрессивную направленность. Этому способствует также позиция обращения

honeу по отношению к обращению *Canby*: его расположение в конце предложения.

СРВ *Canby* содержит меньше информации, чем окказиональное СРВ *honeу* и выполняет лишь номинативную функцию, в то время как *honeу* в переносном значении выражает субъективную позитивную оценку собеседника, т.к. употребляется в разговорной речи (в переносном значении) при обращении к одушевленным лицам (друзьям, близким, любимым животным). В данном контексте обращение *honeу* говорит о дружеских, теплых, возможно многолетних отношениях собеседников, об их привязанности друг к другу, душевности и нежности. Сказанное выше подтверждает гипотезу об участии дистантно расположенных СРВ-обращений в динамическом развитии высказывания, что позволяет придать этим высказываниям статус динамических.

Рассмотрим другой пример, аналогичный предыдущему по синтаксической и коммуникативной структуре, и проследим, как может взаимодействовать описание языкового выражения СРВ с когнитивным описанием ситуации. В высказывании, приведенном ниже, наблюдается семантическое контекстуальное согласование обращений; усилению коммуникативного напряжения в высказывании способствует второе обращение:

Mr. Wade looked relieved “That’s better. Bu do you really think – I mean, it seems to me that Iris will be keener to get rid of me than ever.”

“Mr. Wade, you do not understand human nature, dear old man. Still less do you understand feminine human nature dear old man.” [A. Cristie 1998, 252]

Old man употребляется в разговорной речи при обращении к хорошему знакомому, с которым установились приятельские отношения. Однако, как указывает сокращение *Mr.* в первом обращении, в отношениях между говорящим и его собеседником существует определенная дистанция, о чем свидетельствует

и прилагательное *dear*. Употребляемое без притяжательного местоимения *my* слово *dear* может быть обращено к незнакомому человеку, т.е. в официальной ситуации общения.

Как и в предыдущем примере, первое обращение, выраженное ФРЭ *Mr. Wade*, выполняет номинативную функцию. Взятое вне контекста высказывания оно заключает в себе мало информации об отношениях беседующих. Такие ФРЭ могут быть названы нейтральными в отличие от СРВ *dear old man*, участвующей во втором обращении. Функция этого словосочетания не сводится к номинации, оно выражает индивидуальную точку зрения и это СРВ может быть отнесено к разряду характеризующих или индивидуализирующих.

Анализ обращений способствует более полному пониманию содержания высказывания, которое следует не только из опыта говорящих, но и из национальных традиций, что сказывается на использовании норм вежливости и РЭ. Фреймом данного высказывания является беседа. Основываясь на результатах анализа, можно сказать, что одной из пропозиций высказывания является беседа хорошо знакомых, но не близких людей, возможно, соседей. Такое когнитивное представление событий и действующих лиц возможно благодаря СРВ, указывающим на социальные убеждения коммуникантов, их мораль, воспитание. ФРЭ *Mr. Wade* и СРВ *dear old man* являются в высказывании языковым выражением всех этих параметров, т.е. когнитивного представления ситуации. Рассмотренная реализация языковых средств доказывает связь пропозиции высказывания с семантикой лексем, функционирующих как ФРЭ и СРВ.

СРВ редко включают стилистические приемы, но они могут быть стилистически маркированными, т.е. акцентировать внимание на аспекте, релевантном для структуры пропозиции. Второе обращение отчасти повторяет первое, что подтверждается на семном уровне (на уровне минимальных компонентов лексического значения слов). Повтор обращения в данном

примере, не будучи стилистическим приемом, является при этом стилистически маркированным и создается не повтором семы, присутствующей в обоих обращениях, а окказиональным, индивидуальным употреблением второго обращения, конечное положение которой определяет синтаксическое построение предложения и эмоциональное нагнетание коммуникативного напряжения высказывания. Стилистическая маркированность второго обращения *dear old man* обеспечивает поступательное развитие высказывания, а также усиление прагматического эффекта начальной ФРЭ.

В ряде случаев СРВ могут участвовать в образовании стилистического приема, что является одной из их текстовых функций. В качестве иллюстрации приведем пример из рассказа Ф. Скотта Фитцджеральда “The Rich Boy”:

“Dearest,” said her letters now, “Dearest, Dearest, when I wake up in the middle of the night and realize that after all it was not to be, I feel that I want to die.” [Fitzgerald 1979, 106].

Этот пример интересен тем, что СРВ *dearest* не только является стилистическим приемом (повтор), но и способствует нарастанию коммуникативного напряжения. Дополнительная функциональная нагрузка СРВ достигается на морфологическом уровне употреблением прилагательного *dear* в превосходной степени. СРВ становится ключевым словом в высказывании. Именно к нему, по замыслу автора письма, должно быть привлечено внимание читающего. Для того чтобы обращение было еще более весомым и выразительным, автор использует стилистический прием повтора, при этом прилагательное в превосходной степени пишется с прописной буквы, что указывает на номинативную функцию СРВ, которой сопутствует характеризующая функция.

В рассматриваемом высказывании можно выделить стилистический прием нарастания. Нарастание, как правило, создается тремя компонентами, и в рассматриваемом примере СРВ *dearest* повторяется трижды. Кроме того, каждый

последующий элемент воспринимается читателем более эмоционально, чем предыдущий, кроме того, повторяющееся СРВ обретает дополнительную субъективную информацию (модальность). Именно стилистическими приемами нарастания и повтора создается коммуникативная динамика высказывания.

Если в предложенных выше примерах СРВ-обращения способствовали динамическому развитию высказываний, то в нижеследующих примерах наблюдается обратный процесс.

(1) On the way home, I noticed Estelle was unusually quiet. When we undressed for bed, she picked up the jacket from the chair where she had tossed it and examined it critically at the dressing table light.

”What’s the problem, dear?” I asked her. “Did you get a food stain on it?”

“No,” she muttered. “But I think I have been cheated...” [Tushnet 1978, 23]

(2) “Feels cold,” Rummins said.

“Exactly, my friend! Really old wood has a strangely warm feel to it.”

“This feels normal,” Rummins said, ready to argue.

“No, sir, it's cold. But of course it takes an experienced and sensitive fingertip to be positive. Everything in life, my dear sir, is experience. Watch this.” [Dahl 1975, 50]

В обоих предложениях присутствует по одному СРВ-обращению. По функции они приближаются к номинативным обращениям, будучи нейтральным с точки зрения субъективной модальности, первое обращение – *dear* – замыкает предложение и не предполагает его развития. Нейтральное обращение *dear* не содержит индивидуальной характеристики и способствует тому, что сам вопрос не требует ответа от слушающего. Говорящий, употребив в речи обращение *dear*, выражает свое безразличное, равнодушное отношение к собеседнику.

Во втором примере обращение нарушает традиционную модель предложения; занимая центральное положение в высказывании, обращение не способствует его плавному, линейному развертыванию; обращение, кроме того, поддерживает отвлеченность и афористичность высказывания. Как известно,

одной из отличительных характеристик афоризма является краткость. Использование обращения снижает коммуникативный эффект афоризма и лишает высказывание динамизма. Таким образом, характер реализации СРВ в данном высказывании может быть назван статическим.

Используя терминологию когнитивной лингвистики, можно сказать, что в данном высказывании связь назидательно-поучительного тона говорящего и отстраненного отношения к собеседнику достигается посредством употребления СРВ. С этим связана пресуппозиция и перлокутивная функция высказывания: желание говорящего убедить собеседника.

Как следует из приведенных примеров, СРВ играют значительную роль в семантической структуре высказывания: позицией СРВ определяется коммуникативное напряжение, а также динамика или статика высказывания в плане вежливости.

Примеры приведены из британской и американской литературы и демонстрируют наличие как динамических, так и статических высказываний, содержащих СРВ, в обоих вариантах языка. Однако исследуемый материал показывает, что носители американского варианта отдают предпочтение динамическим СРВ. При этом динамизм в американском варианте достигается не просто повтором СРВ, но и посредством их лексической и стилистической вариативности, в результате чего СРВ оказываются более экспрессивными, а высказывания, в состав которых СРВ входят, – более эмоциональными.

Чтобы нагляднее представить разницу или тождественность в динамических и статических употреблениях СРВ в британском и американском вариантах английского языка, каждый пункт классификаций будет сопровождаться таблицей результатов анализа, проведенного методом сплошной выборки равного количества примеров из произведений, написанных на британском и американском вариантах английского языка. Проанализировано 200 произведений английской и американской литературы, в которых удалось

выделить 187 СРВ с указанными функциональными характеристиками. Общее количество употреблений динамических и статических СРВ становится ясным из следующей таблицы:

Таблица 2.5

Динамические и статические реализации СРВ (в британском и американском вариантах английского языка)

вариант английского языка	динамические	статические
британский	23%	77%
американский	68%	32%

2.2.2. Диалог как контекст СРВ

В главе I (раздел 1.2.4) были рассмотрены существующие концепции исследования диалога. Из проведенного нами обзора следует, что интерес авторов, занимающихся изучением диалога, в основном сосредоточен на его базовом компоненте – диалогическом единстве. В данном подпараграфе рассматриваются следующие речевые феномены: дискурс, разговор (беседа) и непосредственно диалог; проведенный анализ основан на разработках Э. Вейганд [Weigand 1994]. Исследование СРВ в обозначенных рамках будет способствовать выявлению их позиции в текстовом пространстве и в устной речи для установления их содержательных признаков, для пояснения выполняемых ими функций.

1. Все три явления речи – дискурс, разговор и диалог - коммуникативны по своей природе. Термин «дискурс (discourse)» изначально номинировал только текст или совокупность текстов, но в настоящее время, согласно Э. Вейганд [Weigand 1994], этот термин учитывает также и социальный аспект коммуникации. Социальная составляющая, принимаемая во внимание в дискурсе, детерминирует прагматическую и обозначается в труде Э. Вейганд как

ориентированное поведение. Подчеркнем, что любой дискурс (и устный, и письменный) неразрывно связан с интерпретацией человеческих отношений через когнитивные факторы. При изучении дискурса ученые оперируют такими терминами, как «пропозиция» и «фрейм», но это не делает вычленение данных единиц менее сложной задачей, поскольку фреймы не функционируют обособленно и естественным образом «перетекают» из одного в другой. Приведем пример, подтверждающий написанное выше:

“Are you in the class?”

Yes.

What a break for me.

Why?

Why? Because I don't know anything about Latin and you are a genius. We're going to make beautiful music. Are you doing anything tonight?

Nothing special. Do you want to study together? Let's go to the beach where we can be alone. We can study anytime.

He was staring at her.

“Hey! ...er - ?” trying to think of her name.

She swallowed, trying desperately to remember, herself.

“Catherine,” she said quickly. “Catherine Alexander.”

“Yeah. How about this place! It's terrific, isn't it?”

She tried to put eagerness in her voice to please him, agree with him, woo him.

“Oh yes,” she gushed, “it's the most - “ [Sheldon 1975, 34]

Приведенный отрывок является дискурсом, который соответствует своей главной характеристике, – включать в себя несколько высказываний (два или больше), – и интегрирует в себе две составляющие: неозвученный дискурс (внутренние высказывания девушки) и озвученный, репрезентированный в прямой речи. Традиционный фрейм, основанный на знаниях, позволяет с высокой степенью вероятности допустить, что в реальной ситуации подобного

рода приветствие может состояться раньше знакомства – процесса, осуществляемого с помощью стандартных слов о природе. Тем не менее в рассматриваемом дискурсе прагматический аспект каждой фразы имеет отношение не только к знакомству двух молодых людей, но и к стремлению понравиться героине. Персонаж романа, самовлюбленный представитель *upper middle class*, не собирается тратить свое драгоценное время на попытки понравиться небогатой девушке, вызвавшей у него желание определенного рода. Упоминание пляжа и музыки является, с его точки зрения, достаточным прологом к плотскому удовольствию. В данном контексте быстрая и непринужденная смена фреймов детерминирует осуществление намерения говорящих казаться вежливыми, доброжелательными и благоприятствует их взаимопониманию, переходу к следующей фазе отношений. Ту же задачу выполняют приветствие, адресации и возвратный вопрос *It's terrific, isn't it?*, облегчающие реализацию коммуникативных интенций говорящего. Следовательно, использование разнообразных СРВ создает нужную дискурсивную тональность.

Фрагмент пьесы ирландско-американского драматурга Дж. П. Донливи “*A Singular Man*” тоже трактуется в работе как дискурс. На первый план выходит социальный компонент, а лингвистическая информация только иллюстрирует модель отношений двух членов общества. В рассматриваемом дискурсе представлено взаимодействие старых товарищей спустя много лет. Как и в юности, оба мужчины имеют весьма похожий общественный статус. Они вместе поступали в университет, получили высшее образование и стали уважаемыми и далеко не бедными людьми. Поскольку дискурс занимает несколько страниц, в нашей диссертации представлены только фразы, полноценно отражающие социальную сторону коммуникации и прагматические аспекты: ...*We were prepsters together; ...You're a somebody; ...I'm not doing badly* [Donleavy 1959, 221].

Один из приятелей реагирует на все речевые действия своего собеседника совершенно идентичным образом: словом *beep*. Разумеется, это становится причиной динамичной смены фреймов-сценариев. Сначала друг юности демонстрирует обиду: “If you don’t want to recognize me say so.” [Там же, 222], потом дает понять, что догадался, в чем дело: “I mean you are nervous.” [Там же, 222], затем просит прощения: “I’m sorry, I didn’t know anything about this, George.” [Там же, 222] и выражает готовность помочь старому товарищу: “If there’s anything you need.” [Там же, 223].

Любой фрейм-сценарий соотносится с определенной прагматикой, в связи с чем становится понятным изменение СРВ в ответ на развитие ситуации. *Heu, ha, ha ha, O.K., well, oh, I’m sorry* расставлены в диалоге от самого простого в прагматическом отношении до самого сложного и отражают усиление неловкости, коммуникативной напряженности. Следовательно, данный дискурс сфокусирован на социальном компоненте коммуникации, и СРВ помогают его актуализировать.

2. Разговор осуществляется в диалогическом формате. Главной чертой разговора выступает его предельная схожесть с языком, используемым при повседневном речевом взаимодействии. В литературном тексте разговор героев чаще всего является обыкновенной офисной или уличной беседой двух или трех знакомых людей. Общение с незнакомым собеседником оказывается более регламентированным и, в отличие от разговора, требует соответствия определенным нормам этикета. Термин «разговор», таким образом, включает в себя социальный и ситуативный критерии, позволяющие выделить разговор среди прочих типов коммуникации, именно социальный и ситуативный критерии, а не сугубо лингвистические параметры речи собеседников, оказываются значимыми при определении специфики разговора.

При этом в разговоре обязательно проявляется уровень владения современным языком, характерный для каждого из участников общения. В связи

с этим разговоры анализируются в данном исследовании на основе диалогических фрагментов, в которых речевая манера героев практически свободна от стилистической обработки и уподоблена естественной разговорной речи. В рассмотренной нами прозе и драматургии разговоры основываются на объективно действующей языковой традиции и, на наш взгляд, соотносятся с той разновидностью взаимной коммуникации, которую немецкий лингвист Э. Вейганд обозначает как разговор.

Далее приведены два разговора, одинаковых по своему социальному содержанию: в обоих случаях показано общение спортивного менеджера с собственными клиентами.

“Mother!” I exploded. “And I'm not Suddenly Single either. I'm suddenly part of a couple.”

“Oh, don't be silly, darling,” she hissed. I could hear office noises in the background.

“I've got a boyfriend.”

Never you mind, I said, suddenly glancing over my shoulder at Perpetua, who was smirking.

“Oh, please, darling. I've told them I've found someone.”

“No.”

“Oh, pleeeeeease. I've never had a career all my life and now I'm in the autumn of my days and I need something for myself,” she gabbled, as if reading from a cue card.

“Someone I know might see. Anyway, won't they notice I'm your daughter?”

There was a pause. I could hear her talking to someone in the background. Then she came back and said, “We could blot out your face.”

“What? Put a bag over it?” [Fielding 1997, 71]

“Thank you, no,” he said, looking at me with some alarm.

“Sure? Stuffed olive?” I pressed on.

“No, really.”

“Silverskin onion?” I encouraged. “Beetroot cube?”

“Thank you,” he said desperately, taking an olive.

“Hope you enjoy it,” I said triumphantly.

Towards the end I saw him being harangued by his mother and Una, who marched him over towards me and stood just behind while he said stiffly, “Do you need driving back to London? I'm staying here but I could get my car to take you.”

“What, all on its own?” I said.

He blinked at me.

“Durr! Mark has a company car and a driver, silly,” said Una.

“Thank you, that's very kind, I said. “But I shall be taking one of my trains in the morning” [Там же, 14].

Собеседники придерживаются речевого этикета, и СРВ тематических категорий «Признательность», «Приветствие» «Обращение» присутствуют в каждом высказывании. Реализации вежливости способствуют и такие средства, как высказывания с опущенным членом предложения, грамматическая инверсия в вопросе. Они представляют собой обязательные элементы чередующихся фраз разных людей, и их использование объясняется прагматической ориентированностью разговоров, стремлением установить, закрепить или прервать деловые отношения. Однако даже последняя задача предполагает создание комфортной, расслабленной атмосферы.

Совпадение СРВ с коммуникативной целью имеет место и в другом диалогическом фрагменте, в котором СРВ (комплименты) вносят существенный вклад в придание беседе выраженного позитивного характера, что достигается благодаря доброжелательности и положительным эмоциям собеседников. В коммуникативной ситуации проявляется социальная составляющая разговора, а язык выступает инструментом демонстрации его тональности. Далее приведены два примера, в первом из которых непрямым комплиментом выступает

высказывание об эстетических достоинствах цветов, а во втором традиционный, не завуалированный комплимент становится ключевым средством установления желаемого контакта.

(1) – Good Morning!

– Yes, it is a beautiful morning.

– They are pretty.

– Yes, but not as pretty as me, you are supposed to say that [Monger 1995, 18].

(2) – I'm just a maidservant.

– I don't think the word "just" can apply to you about anything.

– Is that a compliment?

– Yes, yes. And now I'm going to blush, so... Would you help me please?

– Since you said "please" you are blushing. Yes, I will [Там же, 24].

3. Если при изучении разговора и дискурса учитываются функциональные компоненты (социальный, иллокутивный, ситуативный), то в случае с диалогом рассматривается также его формальная структура и характерные для него смысловые связи. По мнению Э. Вейганд, диалог есть чередование базовых высказываний и реакций на них. В связи с тем что диалог может содержать ряд подобных последовательностей, он обычно не выполняет какой-либо сквозной коммуникативной задачи, выстраиваясь в единое целое благодаря семантическим и грамматическим связующим элементам. С точки зрения Э. Вейганд, любая взаимная коммуникация носит диалогический характер. Диалог может существовать в чистом виде или включать в себя крупные фрагменты, близкие к монологу. Мы согласны с данной позицией и готовы подкрепить ее отрывком из классического произведения Дж. Г. Байрона «Дон Жуан».

“Well-well, the world must turn upon its axes,

And all mankind turns with it, heads or tails...” [Byron 1948, 69]

Поэт отходит от сюжетно-повествовательной линии ради метафизического размышления об отсутствии у человека реальной «свободы воли», его зависимости от случая, от среды, от ситуаций, в которые он попадает. Авторское отступление открывается междометием *well-well*, предшествующим разговору с читателем и подчеркивающим тот факт, что говорящий принимает общепринятую точку зрения и хочет понять ее сущность и истоки; таким образом, рассматриваемое восклицание является в данном контексте СРВ. Кроме того, помещенное в самом начале высказывания СРВ реализует функцию пробуждения интереса, формирует продуктивную иллюзию общения, превращает читателя в участника диалога. Данный фрагмент подталкивает к взаимодействию, однако моментальный ответ не предвидится, а лишь предполагается. Следовательно, авторский монолог адресован читателю и его диалогичность является скрытой, подразумеваемой, что достигается, в частности, с помощью СРВ *well-well*.

Теперь приведем пример, заслуживающий внимания прежде всего в связи с тем, что ему присуще одно из ключевых свойств диалога – наличие внутренних связей.

“Mrs. Woods, you’ve been so kind. I can’t thank you enough. There’s just one thing. When Nuala came to see you Friday morning with that handwritten will, didn’t you question her? I mean, weren’t you surprised that she was so anxious to have it witnessed and notarized, so intent on having it done at once?”

It seemed to him that an eternity passed before Mrs. Woods answered, her response measured. “Well, yes, I did wonder. At first I just thought it was impulsive. Nuala had been very lonely since Tim died and was absolutely ecstatic that she’d found you. But since her death I’ve been thinking that there was more to it than that. It was almost as if Nuala knew something terrible might happen to her.” [Clark 1997, 45]

В представленном диалогическом фрагменте связь реализуется с помощью разных смысловых процессов как в пределах базовых высказываний и реакций

на них, так и между данными репликами. Лексические единицы *death* и *terrible* объединены отрицательной коннотативной окраской, страхом, тревогой или ассоциациями с подобными эмоциями, которые возникают от данных слов. Прилагательное *terrible* способно сочетаться с существительным, которое номинирует что-то, вызывающее беспокойство, страх или другие подобные чувства, а смерть, как любое неизведанное явление, как правило, вызывает у людей именно такой психологический отклик. Конструкции *I just thought* и *I've been thinking* объединены употреблением *to think*. Однако наиболее выраженная смысловая связь присутствует между фразами участников общения. Местоимение *it*, использованное первым коммуникативным партнером, обозначает ситуацию, характеризуемую вторым. В смысловом поле глаголов *to wonder* и *to surprise* содержится смысловой индикатор удивления. Конструкция *I mean*, предваряющая толкование ранее произнесенного, и междометие *well* репрезентируют сомнение, отсутствие уверенности. Заслуживает повышенного внимания реализация смысловой связи базовых и ответных высказываний, с одной стороны, посредством лексических единиц *anxious*, *impulsive* и *intent*, номинирующих эмоциональную мотивацию к активности, и, с другой стороны, посредством выражения *at once*. Данное наречие, наряду с прилагательным *impulsive*, преподносит соответствующее действие как спонтанное, осуществляемое без обдумывания, на протяжении очень непродолжительного времени. Частица *yes*, в свою очередь, подчеркивает цель реплики второго участника беседы – ответить на вопрос, присутствующий в базовой фразе.

В данном диалоге СРВ выполняют функцию семантических инструментов связи. Обращение, выражение признательности и комплимент, открывающие речь говорящего, инициируют разговор, способствуют формированию комфортной атмосферы, побуждают коммуникативного партнера к искренности, непринужденности. СРВ *well* указывает на желание участника беседы вести себя

доброжелательно, выражать свои мысли с предельной точностью, а также оказаться полезным, дать неформальный, ценный ответ.

Наличие большого количества смысловых инструментов позволяет рассматривать данную речевую единицу как диалог. По Э. Вейганд, это является главным признаком диалога, отличающим его от разговора в узком смысле слова и от дискурса. Реализуя здесь объединяющую функцию, СРВ вместе с остальными единицами вносят свой вклад в увеличение коммуникативного воздействия.

В то время как предшествующий пример отображает диалоговую структуру, разбор следующего примера из данного романа завершает исследование разговора, диалога и дискурса, давая понять, по какой причине фрагмент не следует интерпретировать ни в качестве разговора, ни в качестве дискурса.

...He walked her to her car. "I have to get back to Providence," he said. "Will you think about the visuals and see if you can come up with some suggestions? Can I call you in a day or so?"

"Of course, she replied as with relief and slid into the drivers seat. "And thank you," she added, knowing that she had absolutely no intention of using the key, or of ever coming back to this place if she could help it.

"See you soon, I hope. Say hello to Chief Brower for me."

She turned the key in the ignition. "Good-bye, Earl. It was very interesting" [Там же, 252].

Определение цели каждого отдельно взятого высказывания представляется весьма затруднительным, что присуще диалогу, так как лишь расширенный контекст дает возможность увидеть, что активно используемые в данном отрывке СРВ играют в нем формальную роль и не отражают подлинного дружелюбия. Также следует отметить второстепенную роль социального акта как такового. Вышеуказанное служит подтверждением того, что представленный

фрагмент, в соответствии с концепцией Э. Вейганд, не является и не может являться дискурсом. Также его нельзя считать разговором, поскольку последний должен строиться на повседневной речи, а не на литературной, подвергнутой художественной стилизации. Употребление различных средств связи и чередований базовых реплик и вербальных реакций преподносит его читателю как диалог, как неделимую речевую единицу среди других подобных единиц, использованных в романе.

Изучив подход Э. Вейганд к пониманию диалога, разговора и дискурса, мы пришли к двум значимым выводам. Первый связан с оправданностью употребления данных понятий в нашем исследовании, второй – с оправданностью рассмотрения обозначаемых ими речевых явлений применительно к феномену вежливости. Обращение ко всем трем терминам представляется целесообразным в рамках нашего анализа, но следует отметить, что ни один из упомянутых терминов не является сугубо лингвистическим. При анализе дискурса с опорой на подход Э. Вейганд пришлось бы сосредоточиться на его социальной составляющей. Тем не менее научный труд лингвистической направленности не может сводиться к изучению социальных феноменов без учета информации, связанной с наукой о языке. Когнитивный подход, который необходимо применять при работе с дискурсом, может также использоваться в отношении любой единицы, в связи с чем он задействован автором данной диссертации при характеристике различных свойств СРВ (и системных, и функциональных) как в пределах фразы, так и в более широком речевом контексте. Таким образом, основные подходы к исследованию дискурса – когнитивный и социальный – не имеют первостепенного значения для изучения СРВ с позиций лингвистики. Это свидетельствует о том, что анализ СРВ не должен ограничиваться вниманием к дискурсу. Данный вывод в равной степени применим и к разговору. Так как социальная составляющая доминирует в обоих речевых единицах и, кроме того, играет определенную роль в диалоге,

позволительно говорить о трех «единицах общения» или единицах взаимной коммуникации [Дридзе 1996, 146]. Однако в диалоге, с точки зрения Э. Вейганд, коммуникативный эффект достигается в первую очередь благодаря единицам языка. Следовательно, для исследования СРВ больше всего подходит диалог как языковой феномен, как единица речи, включающая в себя несколько реплик (две и более). Как уже было сказано, в диалоге могут использоваться разнообразные речевые формы (диалогические и монологические) при наличии смысловой и грамматической связи между высказываниями, что помогает участникам общения реализовать свои коммуникативные намерения в рамках тех или иных социальных отношений. Это, как нам представляется, объясняет популярность конвенционального подхода к изучению лингвистической составляющей диалога. Последующий анализ функционально-смысловых особенностей СРВ также будет осуществляться нами на основе диалога.

Применительно к использованию СРВ в рассматриваемых текстах можно отметить значительно более высокую частотность СРВ в художественных произведениях. Как правило, подобный текст создается на базе определенной эстетической концепции, которой отдает предпочтение автор. СРВ выступает элементом данной концепции, способствуя донесению до читателя мыслей и чувств литературных героев, а также трансляции «образцов поведения», стандартных поведенческих моделей [Дридзе 1996, 148], в ходе взаимодействия персонажей между собой.

Художественная литература США является зеркалом сформировавшейся в стране тенденции к более частому использованию СРВ при устном общении по сравнению с населением Великобритании. Вероятно, это выступает причиной того обстоятельства, что реплики персонажей в текстах, принадлежащих перу американских прозаиков и драматургов, содержат множество СРВ.

2.2.3. Конститутивные признаки СРВ в диалоге

В процессе анализа диалога как текста, в котором реализуются языковые единицы, можно заметить, что СРВ обладают рядом основополагающих конститутивных признаков (характеристик), главным из которых является направленность на положительную тональность общения, на соблюдение правил вежливости, о чем говорилось в первой главе и в первой части второй главы данной работы. Этот признак способен выражать себя как конвенционный, репрезентирующий самое общее и важное или же как окказиональный, регламентирующий речевой аспект коммуникации и имеющий особое значение для СРВ. В то время как конвенционные характеристики СРВ отличаются системностью и реализуют закрепленные за ними значения (логические и эмоциональные), окказиональные характеристики выражают отношение говорящего к ситуации в реальной действительности и обеспечивают связанность диалога. Другими словами, конвенционные характеристики СРВ имеют структурно-семантический характер, тогда как их окказиональные характеристики являются коммуникативными по своей сущности.

Рассматривая конвенционные характеристики СРВ, обратимся прежде всего к признаку прогнозируемости, трактуемому в нашей диссертации в качестве предвидения использования СРВ с определенной стилистической окраской в конкретном месте диалога. Обусловленность СРВ стилем и смыслом проявляется в разных коммуникативных контекстах.

Безусловно, СРВ чаще всего применяются в художественной литературе, в которой СРВ, наряду с другими средствами, помогают охарактеризовать персонажей более ярко и точно. По наблюдению М.Н. Кожиной, только диалогическая речь, приводимая в пьесах и прозаических произведениях, может быть приближена к живой разговорной манере [Кожина 1983, 210]. Автор диссертации разделяет данную позицию. Вышесказанное проявляется и в СРВ,

поскольку они представляют собой один из самых емких ресурсов передачи иллокутивных составляющих диалога и обеспечения коммуникативного воздействия. Так как большой объем материала, проанализированного в ходе работы над диссертацией, заимствован из прозы и драмы, мы не будем приводить здесь дополнительные примеры, чтобы подтвердить эту мысль.

Выбор СРВ в зависимости от ситуации общения также весьма знаменателен. Здесь определяющими факторами являются официальность/неофициальность общения, а также социальные характеристики собеседников: их возраст, образование, отношение друг к другу. Социально обусловленные СРВ, используемые действующими лицами в речи, выполняют в художественном произведении эстетическую функцию, служат выражению системы образов, замысла автора. Проведем анализ следующего диалога.

“If you will forgive me for addressing you. You will not know me, but I recognized you immediately.”

“You are Miss Maud Silver, are you not?... My name is Puncheon – Theodore Puncheon.”

“Yes, Mr. Puncheon?”

“If you will excuse me for addressing you... I hope you will not think me superstitious...”

“Well, you see, I have a problem, and speaking as a professional man myself, and without wishing in any way to intrude, I did understand that you were consulted professionally in the affair of the Melling Murder – you will correct me if I am wrong.”

“No, Mr. Puncheon, you are not wrong.”

“Then will you kindly allow me to consult you professionally?” [Wentworth 1997, 43]

Необходимо напомнить, что СРВ понимаются в диссертации как любые единицы языка, способствующие реализации вежливости. Значения слов *to intrude*, *affair*, *to allow*, *to consult*, *kindly*, вежливая форма выражения просьбы и

употребление герундия в предложениях *if you will forgive me for addressing you...*, *if you will excuse me for addressing you* позволяют увидеть, что в диалоге представлена официальная ситуация общения двух незнакомых людей. И мужчина, и женщина принадлежат к одному и тому же слою общества и профессионально заняты в аналогичных сферах.

Стратегия повторения аргументов пропозиций, находящихся в отношении кореферентности, подводит к идее локальной связности между фактами с тождественными референтами: повтор обращений *Mr. Puncheon*, представление *My name is Puncheon* указывают на это и, наконец, конструирование пресуппозиций и их когерентность позволяет вывести прагматическую интенцию говорящего, которая заключается в желании мужчины получить совет собеседницы по интересующей его проблеме. Предпосылкой для следующей пресуппозиции – г-н Панчен получит ожидаемый совет – в терминологическом понимании как «интуитивное представление и наблюдение» [Филлмор 1988, 81] являются СРВ *well*, предваряющее рассуждение и снижающее степень официальности в диалоге, и СРВ, выраженное глаголом предположения *hope* в предложении *I hope you will not think me superstitious*, подтверждающее уверенность говорящего в том, что его собеседница расположена к нему и понимает его. Как следует из анализа, употребление всех СРВ мотивировано и предсказуемо в данной ситуации общения.

Следующий диалог мужа и жены описывает неофициальную ситуацию общения. Муж вернулся с работы, он слишком устал и не в силах разговаривать. Отсутствие СРВ в их речи, поэтому предсказуемо единственное обращение *honey* появляется в начале и в конце диалога. Эти реплики мы и приводим в примере

Jake: What're you laughin at, honey?

<...>

Jake: I'm not braggin' about it, I'm just sayin' I done a big day's work, I want a little appreciation, not cross speeches. Honey... [Williams 1970, 190].

Еще одна сторона вычленения конвенционной характеристики прогнозируемости СРВ имеет отношение к их употреблению в конкретных местах в диалоге, благодаря чему можно достаточно четко определить закономерность, системность размещения в нем СРВ. Зачин диалога и его инициальные реплики включают, как правило, СРВ и ФРЭ тематических групп «Приветствие», «Комплимент». Между началом и концом диалога находится текстовое пространство, в котором располагаются информативные блоки, связанные с развертыванием одной или нескольких тем. Так как эта часть предполагает рассуждения собеседников и выражение эмоций, здесь могут употребляться и синтаксические, и лексические СРВ, придающие диалогу естественность и непринужденность. Завершение диалога требует СРВ и ФРЭ тематических групп «Благодарность», «Прощание» и т.д. Обращение может встретиться в любой части диалога, СРВ *why* – в начальной позиции, что говорит о типичной, но не жесткой закреплённости СРВ за определенными позициями. Нижеприводимая начальная часть диалога открывается репликами, фиксирующими обмен любезностями при встрече, поэтому СРВ занимают здесь главенствующее место.

Winston Niles Rumfoord, who had materialized only a minute before, came into the foyer and stood on the sun. He was much taller and heavier than Malachi Constant -and he was the first person who had ever made Constant think that there might actually be a person superior to himself. Winston Niles Rumfoord extended his soft hand, greeted Constant familiarly, almost singing his greeting in a glottal Groton tenor.

"Delighted, delighted, delighted, Mr. Constant," said Rumfoord. "How nice of you to commmmmmmmme."

"My pleasure," said Constant [Vonnegut 1956, 20].

Признак предсказуемости СРВ обнаруживается и в следующем примере примере:

“Come along and meet Mark,” Una Alconbury sing-songed before I'd even had time to get a drink down me.

<...>

“Mark,” said Una, as if she was one of Santa Claus's fairies. “I've got someone nice for you to meet.”

<...>

“Mark, this is Colin and Pam's daughter, Bridget,” said Una, going all pink and fluttery. “Bridget works in publishing, don't you, Bridget?”

“I do indeed, I for some reason said<...>”

“Well, I'll leave you two young people together,” said Una [Fielding 1995, 13].

Как в предыдущем примере, диалог демонстрирует предсказуемость СРВ. Каждое из представленных в тексте СРВ соответствует стандартной ситуации знакомства и является вполне предсказуемым. Речь идет о «предсказуемости» в особом смысле: читатель, как и участники диалога, не могут предугадать, каким образом будет оформлено представление, однако никто не сомневается в том, что новый собеседник будет представлен, и в структуру такого представления войдут вполне прогнозируемые языковые средства семантической группы «Знакомство» или соответствующие СРВ.

Следующим конвенциональным признаком является признак прагматической ориентированности. Практический анализ СРВ показывает, что их употребление способствует достижению прагматических целей высказывания. Между тем без понимания отношения говорящего к высказываемой мысли невозможно определить, почему он отдает предпочтение тому или иному СРВ. Выбранные под влиянием прагматики высказывания СРВ затем индуцирует в высказывании соответствующие пресуппозиции. Поясним сказанное на примере:

Nicholas approached the door.

“Jessie?” His voice was soft and unrecognizable.

There was no reply.

“How are you, Jess?” Pause. “Dear?”

<...>

“Have you rested today?”

There was still no answer.

“I wish you’d let me come in, Jess” [Findley 1996, 27].

В этом примере СРВ представлены лишь обращениями, которые свидетельствуют, исходя из широкого контекста, о нежном отношении Николаса к Джесси. Джесси, жена Николаса, потеряла всех своих родных, и каждый раз, подходя к ее двери, Николас опасается, что с женой что-то случилось, и на этот раз он хочет как можно скорее услышать голос Джесси и убедить себя, что с ней все в порядке. Такова прагматика диалога, которая обеспечивает понимание читателем употребления Николасом обращений *Jessie* и *dear*. Исходя из анализа СРВ можно предположить несколько пресуппозиций: Джесси, наконец, ответит; Джесси появится на пороге комнаты; Джесси разразится рыданиями (как это случалось раньше); муж сам войдет в комнату жены и т.д. Таким образом, СРВ участвуют в реализации прагматического задания диалога и способствуют выстраиванию ряда пресуппозиций.

В отличие от предыдущего диалога в следующем примере СРВ представлены в большом количестве. Они также передают прагматику отрывка, решая следующие конкретные задачи: быть предельно вежливым в разговоре, вызвать у собеседника положительные эмоции, стимулирующие его к ответным не менее вежливым репликам.

“Cora, I owe you an apology,” Robert Stephens began expansively, “but first I don’t think you’ve ever met my son, Neil.”

“Hello, Robert. Dolores, how are you?” Cora Gebhart looked up at Neil, her lively eyes warm and interested. “Your father brags about you all the time. You’re the head of the New York office of Carson ... Parker, I understand. Well, it’s a pleasure to meet you.”

“Yes, I am, and thank you, it’s nice to meet you, too, I’m glad to hear my father brags about me. Most of my life he’s been second - guessing me.”

“I can understand that. He’s always second - guessing me, too. But Robert, you don’t owe me an apology. I asked for your opinion and you gave it.” “Well, that’s fine.” [Clark 1996, 134]

Данный пример является редкой иллюстрацией роли СРВ в осуществлении коммуникативного замысла без опоры на информативные высказывания. В данном примере они представлены не только восклицанием *well*, но и ФРЭ тематических групп «Обращение», «Приветствие», «Извинение», «Благодарность», «Комплимент». Приведенный пример неоспоримо свидетельствует в пользу способности СРВ реализовать прагматическую направленность диалога как единицы текста.

Синсемантия является третьим конвенциональным признаком СРВ. Как вытекает из вышеизложенного, СРВ напрямую зависят от своей «лексико-фразеологической оправы». Значительный объем речевой единицы, включающей в себя данное средство, делает упомянутую зависимость более заметной. Именно раскрытие коммуникативной ситуации, состоящее в обмене высказываниями, детерминирует смысловые особенности СРВ, трансформируя денотативное и коннотативное значения лексической единицы. Следовательно, имеет место усложненная зависимость: контекст оказывает воздействие на реализацию сведений, содержащихся в СРВ, а последние, в свою очередь, помогают выявить в диалоге базовый семантический компонент (пресуппозицию). Таким образом, синсемантия становится атрибутом СРВ, их конвенционной характеристикой.

Синсемантия СРВ оказывается очевидной на уровне смысла. Так, в следующем примере описывается будничный диалог двух друзей – мужчины и женщины. Алисон сдержана по характеру, не выдает своих эмоций, Клифф не прочь за ней поухаживать, поэтому он более раскован в речи. СРВ способствуют передаче этих характеристик.

Cliff (To Alison.) What am I going to do, lovely?

Alison. You'd better take clothes off. I'll give them a press while I've got the iron on.

Cliff. O.K. (Starts taking them off.) I'll just empty the pockets. (Takes out keys, matches, handkerchief.)

Alison. Give me those matches, will you?

Cliff. Oh, you're not going to start up that again, are you? It stinks the place out. (Hands her the trousers.) Thank you, lovely [Osborne 1959, 41].

Поскольку в речи Клиффа СРВ функционально дублируют друг друга, они могли бы восприниматься как избыточные, но все вместе они соответствуют замыслу автора и прагматической направленности диалога, в чем выражается их зависимость от его смысла. В репликах Клиффа употреблены шесть ФРЭ и СРВ: наречие *О.К.*, восклицание *Oh*, разделительный вопрос, ФРЭ, относящееся к тематической группе «Благодарность», и два обращения, выражающие его отношение к Алисон. В речи Алисон отсутствие СРВ, включая ФРЭ, указывает если не на формальное, то на неэмоциональное отношение девушки к молодому человеку. Таким образом, в диалоге ясно наблюдается привязанность СРВ к коммуникативным стратегиям собеседников, т.е. их синсемантия.

Диалог из романа А. Хейли передает разговор по телефону двух банкиров. Оба – интеллигентные люди, им присущи чувство меры, сдержанность и уважение к собеседнику. Эмоциональность диалога сведена к минимуму, напротив, суждения, доказательства, выводы и другие логические формы мысли

оказываются достаточными, чтобы диалог собеседников не выпадал из контекста их социальных отношений и сюжетной линии.

“I understand exactly what you mean about the method of letting this be known, and frankly it did seem unusual. What concerned me most is that the directors were not informed first. I felt they should have been....”

“I agree with you, Roscoe,” the voice on the telephone said. “I believe we should have been told and I appreciate your thinking.”

“Thank you, Harold...” [Hailey 1975, 10]

СРВ представлены в диалоге глаголом предположения *I believe...*, ФРЭ благодарности *thank you*, двумя обращениями *Roscoe* и *Harold* и глаголами с положительной семантикой *to understand*, *to agree* и *to appreciate*. Их назначение соответствует прагматической интенции – получить согласие и заручиться поддержкой. Так, отдельные СРВ становятся зависимыми от смысла всего фрагмента текста.

В данном разделе было показано, что семантическая реализация СРВ зависит от контекста и конкретной ситуации. Точное определение значения СРВ требует учета осведомленности участников диалога о данной коммуникативной ситуации и об экстралингвистических факторах, что становится ясным не только из узкого контекста, определяемого языковой информацией, но и широкого контекста, которым может быть целое произведение. Но во всех случаях прослеживается синсемантия – обязательный признак СРВ.

Апеллятивность является следующим конвенциональным признаком СРВ, выделяемым в работе. В отличие от адресованности, которая понимается лишь как средство привлечения внимания собеседника, апеллятивность наряду с этим способствует налаживанию контакта и выражению намерения говорящего, что не входит в понятие адресованности. Чтобы разграничить оба понятия, мы оставляем за адресованностью лишь функцию приветствия, в то время как апеллятивность предполагает кроме приветствия начало общения, высказывание

просьбы или какого-либо предложения. Адресованность носит прямой характер, поскольку, как правило, выражается ФРЭ, относящимися к тематической группе «Приветствие». Апеллятивность использует те же единицы, но апеллятивность может быть признаком СРВ, и семантико-функциональное поле апеллятивности шире семантико-функционального поля адресованности.

Анализ художественной литературы США и Великобритании показал, что апеллятивность в большей степени соответствует характеру общения в рамках каждой из языковых культур, чем адресованность. Как правило, за приветствием следует апелляция к различным душевным качествам собеседника, желание вызвать у него различные ответные эмоции – жалость, сочувствие, сострадание, потребность оказать помощь. В художественных произведениях британских и американских авторов действующие лица, как правило, не заканчивают общение, поприветствовав друг друга.

Изученные нами контексты позволяют говорить о двух степенях апеллятивности. Апеллятивность I степени указывает на начало общения, апеллятивность II степени развивает диалог за счет обращения, призывающего слушающего удовлетворить желание или любопытство говорящего. Так, в следующем примере:

FIRST STEVEDORE'S VOICE (From behind mountainous crates)

Hey, Marty, what's in this box, somebody dead [Donleavy 1959, 145].

приветствие и обращение не сопровождаются ни просьбой, ни предложением. СРВ *Hey* и *Marty* выполняют лишь контактоустанавливающую функцию, свидетельствующую о приглашении к общению, что указывает, таким образом, на апеллятивность СРВ I степени.

II степень апеллятивности иллюстрируется двумя примерами. В первом примере апеллятивность проявляется в инициальной реплике: за приветствием и обращением следует просьба в форме вопроса, подкрепленная модальным глаголом *can*

George looked up the clock. It was a quarter past six. The door from the street opened. A street-car motorman came in.

“Hello, George,” he said. “Can I get supper?” [Hemingway 1971, 67]

Во втором примере отсутствие формулы приветствия связано с тем обстоятельством, что общение было инициировано уже давно, задолго до фрагмента, приводимого в нашей диссертации. При этом обращение и ответ выражены как базовыми фразами, так и репликами-реакциями. В совокупности они свидетельствуют о благоприятном исходе диалога; доброжелательное отношение персонажей друг к другу не вызывает сомнений.

The Count turned to Larry. “Perhaps I could show Catherine some of the sights until you are able to join us.”

“That would be great,” Larry said. “If you’re sure it wouldn’t be too much trouble.”

“It would be my pleasure.” the Count replied. He turned to Catherine. “Would you mind having me as your guide?”

“I’d love it,” she replied sincerely [Sheldon 1975, 308].

СРВ представлены здесь высказываниями *That would be great, If you’re sure ... it wouldn’t be too much trouble, It would be my pleasure, I’d love it, I could show..., Would you mind...*, выражающими и просьбу, и предложение, и развитие общения. Таким образом, содержание чередующихся СРВ свидетельствует о наличии в примере апеллятивности II степени.

Последним конвенциональным признаком СРВ, рассматриваемым в работе, является признак субъектности. Очевидно, что этот признак СРВ происходит от философии познания и есть результат аналитико-синтетических мыслительных операций. Оценивая ситуацию в ее конкретности, говорящий выбирает СРВ, которые становятся языковыми знаками, имеющими свои закономерности, правила и формы связи с общемировоззренческими знаками

[Алексеев, Панин 1998]. Отражая объективную реальность, СРВ могут выражать целые комплексы суждений и умозаключений.

Диалоги, отображающие реальную действительность, представлены нами, чтобы показать, что с помощью СРВ могут быть воплощены в речи разнообразные проявления мыслительной сферы, состояния психики и эмоциональные реакции. Мы не будем подробно останавливаться на анализе языкового материала диалогов в конкретной ситуации общения, заметим лишь, что во всех диалогах СРВ реализуют свой конвенциональный признак: способность сообщать информацию о внешнем мире и через ощущения говорящих создавать субъективный «образ» объективного мира. В качестве доказательства приведем следующий пример:

“I hear you’re going away, Warburton,” the old Duke of Hereford said to him.

“Yes, I’m going to Borneo.”

“Good God, what are you going there for?”

“Oh, I’m broke.”

“Are you? I’m sorry. Well, let us know when you come back. I hope you have a good time.”

“Oh, yes. Lots of shooting, know” [Maugham 1951, 240].

В этом примере ЕРЭ *Good God, Oh, I’m sorry, well* способствуют передаче таких психических ощущений, как удивление, сожаление, чувство вины за невольную бестактность и желание нейтрализовать ее, озабоченность говорящего и нервное возбуждение, неуверенность, беспокойство слушающего, то есть эмоции, которые может испытывать человек в конкретной ситуации.

В нижеследующем диалоге пьесы приятные располагающие реплики и кокетство мужа и жены выражают иные психические состояния: такие, как любовь, благодушие, желание говорить комплименты, счастье. СРВ *my lady, you are just right* подчеркивают это.

TYRONE: You're a fine armful now, Mary, with those twenty pounds you've gained.

MARY: (Smiles affectionately) I've gotten too fat, you mean, dear. I really ought to reduce.

TYRONE: None of that, my lady. You're just right. We'll have no talk of reducing. Is that why you ate so little breakfast?

MARY: So little? I thought I ate a lot.

TYRONE: You didn't. Not as much as I'd like to see, anyway.

MARY: (Teasingly) Oh you! You expect everyone to eat the enormous breakfast you do. No one else in the world could without dying of indigestion.

[O'Neill 1971, 15]

Конечно, только в соединении с последующими высказываниями СРВ способны выразить весь спектр суждений, умозаключений, движений психики и эмоций, но без использования СРВ передача истинных коммуникативных намерений говорящего была бы невозможна.

Все диалоги в художественной литературе содержат ту или иную комбинацию конститутивных признаков СРВ, что подтверждает их участие в смысловой структуре текста. Как конвенциональные, так и окказиональные признаки могут стимулировать на бессознательном уровне речевую реакцию слушающего, задавать направление в развитии диалога. Анализ показывает, что конвенциональные признаки СРВ могут проявлять себя в диалоге, однако более характерно для них пространство целого текста. Они либо носят обобщающий характер, либо становятся понятными под влиянием всего произведения, которое раскрывает социальные аспекты, возрастные и психические характеристики действующих лиц, что не всегда является компонентом содержания диалога. По этой причине при выявлении конвенциональных признаков СРВ необходимо обращаться к тексту всего произведения. В конце данной главы мы приведем один пример, на котором продемонстрируем

действие конвенциональных признаков СРВ на уровне текста и их взаимодействие с окказиональными признаками.

Конвенционные характеристики СРВ являются обязательными. Окказиональные характеристики, напротив, идентифицируются через ответные высказывания коммуникативного партнера и взаимную соотнесенность всех высказываний. Автор данного исследования дифференцирует три окказиональные характеристики рассматриваемых средств: когерентность, эмотивность и имплицативность.

Когерентность представляет собой основную характеристику, поскольку СРВ, имеющие данный признак, реализуют в диалогической речи объединяющую функцию, связывают отдельные фразы в единое целое, в некоторых случаях модифицируя их семантические соотношения. Как инструменты связи СРВ не тождественны стандартным, закрепленным в грамматике средствам, обычно являясь словами, устойчивыми словосочетаниями или конкретными фразовыми структурами. Являясь «распознающими» (идентифицирующими) единицами в области социально значимой информации, СРВ не способны выступать дейктическим морфолого-синтаксическим индикатором смысловой недостаточности целого фрагмента; эксплицитная соотнесенность бывает репрезентирована лишь повтором. При этом СРВ суть компоненты последовательности реплик, позволяющей сосредоточиться на ее субъективном компоненте, в связи с чем мы рассматриваем соотнесенность не только как эксплицитно реализуемую, но и как семантическую, определяемую посредством соотношения выражаемой идеи и того, кто ее озвучивает (Piazza, 1987; Biblitz, 1989; Schiffrin, 1990).

Употребляя определенное СРВ, говорящий оценивает ситуацию, воздействует на адресата в соответствии со своей оценкой, структурируя соответствующим образом речевые акты. Будучи оценочным компонентом высказывания, СРВ, с одной стороны, способствует непосредственному

воздействию слов говорящего на реципиента в момент речевого акта, а, с другой стороны, стимулирует адекватную ответную реакцию реципиента.

Благодаря прагматическим факторам слушающий постигает смысл речи говорящего, а последний, в свою очередь, осуществляет свою коммуникативную задачу. Естественно, что последующие реплики обладают иным смыслом, их связь поддерживается по линии прагматических установок, косвенным средством выражения которых могут быть и СРВ, способствующие логической организации сообщений.

Рассмотрим связь внутри диалога, осуществляемую лексическими и грамматическими СРВ. СРВ могут объединять в художественном произведении реплики одного действующего лица или говорящего и слушающего. Их связь идет по линии повтора, который способствует тесной спаянности СРВ и служит средством передачи авторского замысла. Например,

Mrs Soames: ...Oh, I do love a good wedding, don't you? Doesn't she make a lovely bride?

<...>

Mrs Soames: Aren't they a lovely couple? Oh, I've never been to such a nice wedding... [Wilder 1981, 54-55]

В этом примере СРВ выражено восклицаниями *Oh* и отрицательно-вопросительными формами предложений *Doesn't she make a lovely bride?* и *Aren't they a lovely couple?* В первом случае это лексический повтор, во втором – синтактико-смысловой, выраженный двумя вопросительно-отрицательными формами предложения с разным лексическим наполнением, но с реализацией одной функции. Повтор СРВ в обоих случаях свидетельствует о психическом состоянии *Mrs. Soames*, а также о неустанной потребности восхищаться и говорить комплименты.

Другой пример из той же пьесы иллюстрирует обмен репликами двух персонажей, которые по очереди берут на себя функции говорящего и слушающего.

Mrs. Gibbs: Well, he called on me. ... he offered me three hundred and fifty dollars...

Mrs. Webb: Why, Julia Gibbs! ... Well, you're going to take it, aren't you?

< ... >

Mrs. Gibbs: Well, if I could get the Doctor to take the money and go away someplace on a real trip, ... Well, I did beat about the bush a little... [Там же, 21].

Материал показывает высокую частотность употребления в репликах СВВ *well* и *why*, которые связывая их, подчеркивают общий интерес женщин, их одинаковое отношение к теме разговора, близость, откровенность, другими словами, духовную общность подруг, единство их мысли. Будучи специфической характеристикой разговорной речи, СВВ как средства связи служат стимулом для развития диалога двух дам, придавая их высказываниям эмоциональный характер и обеспечивая континуум диалога.

Как видно из анализа, повтор СВВ осуществляет связь эксплицитно, в то время как смысловая связь основывается на других принципах. Продемонстрируем это на конкретном примере:

“Herr Grabow?” asked Ashenden.

“At your service,” said Gustav.

“May I come in?”

<...>

“Come in, come in. I am very glad to see you” [Maugham 1951, 120].

Компонентами семантики диалога выступают пропозиции (смысловые инварианты), базирующиеся на репликах с ФРЭ, презумпции (аксиоматические утверждения, основанные на интуиции) и прагматическая составляющая. В представленном диалоге СВВ использованы во всех упомянутых признаках.

Смысловые инварианты формируются по следующей схеме: 1) участники беседы (хозяин и гость) не знают друг друга; 2) визит не удивил хозяина, не стал для него неожиданностью. Открывающий инвариант репрезентирован средствами *Herr Grabow* и *At your service*. Второй – средством *I am very glad to see you*, где *I am glad* представляет собой константу, а конструкция с инфинитивом – факультативную часть. СРВ дают возможность сформулировать две презумпции: 1) общение состоится, подтверждением чего являются формулы *may I* (константа), *come in* (факультативная часть), а также повтор данного фразового глагола; 2) беседа будет душевной: на это указывает клише *I am glad to see you*. Поставленная задача следует из первых двух компонентов; ее можно выразить так: следуя правилам этикета, понравиться партнеру по общению, установить с ним контакт и получить позитивный коммуникативный результат. Смысл диалога заключается в передаче официальной ситуации общения двух незнакомых ранее людей, которые хотят поговорить о чем-то, одинаково для них важном, и надеются на благоприятный исход беседы. Поскольку диалог состоит только из СРВ, можно заключить, что СРВ являются теми элементами, которые способствуют его смысловой спаянности.

Сказанное можно выразить иначе, пользуясь термином «коммуникативная перспектива высказывания», характеризующим один из двух компонентов актуального членения высказывания, в котором вслед за М. Хэллидеем исследователи выделяют информативную структуру и коммуникативную перспективу (Halliday, 1986; Селиверстова, 1990; Селиверстова, Прозорова, 1992). В ряде случаев этот термин способствует адекватной передаче всей сложной системы смысловых отношений, выраженных последовательностью высказываний, созданных на основе СРВ. При рассмотрении СРВ с позиции теории актуального членения становится очевидным, что, будучи явлением коммуникативного порядка, они мотивируют развертывание диалога, открывая перспективу для его развития.

Еще одним окказиональным признаком СРВ является имплицативность. Специфика имплицитных ситуаций восстанавливается на основании СРВ не во всем объеме, допуская вариативность. Имплицитные (подразумеваемые) ситуации домысливаются читателем, они дополняют авторские слова.

Сказанное можно проиллюстрировать нижеследующим примером:

“Won’t you have a cup of tea?” asked Mrs. Tower.

“If it wouldn’t be too much trouble...” [Maugham 1951, 349]

Произнесенные СРВ – приглашение к чаю и вежливое его принятие – имплицитно создают ситуацию, не описанную автором, но предполагающую дружеский разговор. Эксплицитные СРВ диалога реализуют здесь окказиональный признак, присущий им в данном контексте: способность имплицитно создавать ситуацию.

Показатель эмотивности, присущий СРВ, имеет отношение к демонстрации эмоций, способных привести к различным действиям, включая выраженные в словесной форме. Поскольку поведенческие реакции индивидуума обусловлены его восприятием ситуации и носят произвольный характер, мы трактуем этот признак СРВ как окказиональный.

Теория восприятия относится к области психологии, которая изучает личность во всем комплексе индивидуальных отличий в поведении, в мотивации, в определенных факторах человеческой психики. Анализ восприятия дает адекватное объяснение вербальных элементов, столь существенных для регуляции совместной деятельности, к которой относится общение. Наряду с психологическими аспектами исследование признака эмотивности СРВ учитывает и процессы социального взаимодействия, и акты коммуникации, направленные на передачу информации, и прагматическую ориентированность высказываний, то есть включают данные социологии, лингвистики, семиотики и других дисциплин. Тем не менее анализ условий реализации признака эмотивности СРВ в речевых актах предполагает внимание именно к

психическому состоянию говорящих. Наличие многообразных форм взаимодействия позволяет говорящим использовать различные способы сообщения о своем намерении или отношении к высказываемой мысли, одним из которых являются СРВ.

СРВ, реализующие признак эмотивности в соответствующих контекстах, используются сообразно каждой отдельной ситуации общения благодаря способности говорящих и слушающих абстрагироваться, обобщать и развивать понятия, сформированные в результате длительного опыта. В этом разделе мы исследуем осуществление окказиональной характеристики эмотивности, присущей СРВ при компенсации спорадических речевых пауз и благоприятствующей продолжению разговора (либо, напротив, затрудняющей его).

В двух примерах из пьесы Дж. Б. Пристли “Time and the Conways” в качестве СРВ употребляются синтаксические конструкции. В первом примере это разделительный вопрос, который служит для налаживания контакта с собеседником, для создания дружеской атмосферы беседы:

Robin: ... Golly! we'll have some fun now, won't we? [Pristley 1989, 79]

Разделительный вопрос является здесь избыточным с точки зрения логической информации, но релевантным для передачи восторженности Робина. Утвердительное предложение сделало бы высказывание лаконичным, обрывистым, формальным. Его категоричность лишила бы слова Робина элементов этикета, могла бы заставить Кей, собеседницу Робина, задуматься над ответом на безапелляционную реплику и, в конечном счете, привести к неловкой паузе. Сослагательное наклонение, используемое при описании контекста, указывает на возможные пресуппозиции высказывания при условии его выражения утвердительным предложением. Представленный в тексте ответ Кей “*Lots and lots*” свидетельствует о речеорганизующей функции СРВ *we'll have*

some fun now, won't we?, благодаря которому разговор Робина и Кей продолжается без пауз и в желаемой тональности.

Во втором примере признак эмотивности СРВ реализуется в вопросительно-отрицательной форме высказывания.

Mrs. C. [beaming]: Isn't this nice! Now we are all here. I knew somehow you were on your way, Robin, even though you didn't tell us – you naughty boy.

ROBIN: Couldn't, Mother, honestly. Only wangled in at the last minute [Там же, 80].

Употребление этой формы оправдано здесь контекстом. Миссис С. вносит в комнату поднос с вкусными вещами и во избежание молчания за столом, пока она угощает всех, произносит свою фразу. Признак эмотивности СРВ проявляется в том, что беседа за столом не прерывается. Заполнение паузы не акцентирует ее, не нагнетает атмосферу, напротив, разговор продолжается в непринужденном, шутливом тоне.

В отличие от приведенных примеров в следующем примере СРВ имеют цель прервать неприятный разговор, сменить тему, избежать неловкости, вызванной ситуацией:

Paris: Mother, don't cry. Don't be sad, please. What can I do for you, Mother? It makes me sad to see you cry... [McCullers 1981, 135]

Фразы произносятся сыном во время плача матери с тем, чтобы заглушить ее рыдания и заполнить паузу в вынужденном перерыве в разговоре. СРВ: обращение, просьба, утешающие слова и предложение помощи организуют речь в соответствии с коммуникативной целью говорящего и прагматикой высказываний: как можно скорее возобновить общение.

Изменение прагматической установки влечет за собой изменение соотношения длительности паузы и художественного времени протекания разговора, например:

Nick: (Looks around, thinking of anything to keep her in the room) Shall I get you a cup of coffee, darling? [Hellman 1972, 203]

Расставание с возлюбленной заставляет Ника сказать что-нибудь, позволяющее не завершать беседу и сделать прощальную встречу с девушкой как можно более продолжительной. СРВ категории «Обращение», в имеющемся контексте сходное с предложением, а также *shall* в качестве модального глагола выражают конвенционную характеристику апеллятивности и в то же время выстраивают речь согласно нормам этикета.

Изменение прагматической установки также может влиять на изменение назначения СРВ. Так, в нижеследующем примере СРВ *well* в репликах Барбары и Билли по-разному влияет на течение диалога. И Барбара, и Билли употребляют СРВ *well*, но преследуют при этом различные цели, что объясняется частично их внутренним состоянием, темпераментом и другими характеристиками их личности.

Billy. You know what you said the other night – about loving me? Even if I were a criminal.

Barbara. Well?

Billy. You said you'd still love me even if I'd murdered your mother.

Barbara (suspiciously). Well?

Billy. I wonder if you'll still love me when you hear what I've got to say. You see – well, you know that I've got fairly vivid imagination, don't you?

Barbara. Well, you have to have if you're going to be a script-writer, don't you?

Billy. Well, being, a script-writer, I'm perhaps – at times – a bit inclined to let my imagination run away with me... Well, there's some things we've got to get cleared up.

< ... >

Barbara. Do you mean you've been telling me lies?

Billy. Well, not lies exactly...But I suppose I've been, well, exaggerating some things [Wesker 1966, 260].

Барбара нетерпелива по натуре и, заполняя паузу, старается скорее узнать правду, приблизить непредсказуемую развязку разговора. Билли также заполняет паузу, но делает это неторопливо, с трудом подбирая слова, что замедляет темп разговора. Используя прием заполнения паузы, автор реализует с помощью СРВ семантический признак эмотивности, придает им стилистическую маркированность и уточняет ситуацию.

2.3. СРВ в структуре текста

При рассмотрении конститутивных признаков СРВ на уровне высказывания и диалога мы признаем, что в составе диалога высказывание лишь частично завершено в смысловом, коммуникативном и функциональном аспектах, а диалог является одной из форм речи, входящих в состав текста как единства высшего ранга (Тураева, 1996; Ventola, 1988). Тем не менее и высказывание, и диалог позволяют выявить общее и существенное в СРВ, с одной стороны, и периферийное, окказиональное - с другой.

Но именно в тексте художественного произведения СРВ взаимодействуют с другими средствами выражения мыслей и чувств, проявляя упорядоченность, системность и допуская известную вариативность. Это обусловлено тем, что текст, в котором функционируют СРВ, не представляет собой, выражаясь словами Ю.М. Лотмана, некую застывшую, окаменевшую данность, все время равную лишь самой себе [Лотман 1966, 22]. Продолжая эту мысль, Лотман отмечает, что некоторая незавершенность внутренней структуры подобного текста формирует, – под воздействием пересечений с другими контекстами, – нечто вроде дополнительного динамического ресурса [Там же, 23]. Будучи включенным в структуру текста и вступая в соотношение с другими единицами, СРВ воспринимаются как один из факторов, определяющих динамику текста. С другой стороны, именно в тексте проявляются с очевидностью и

определенностью все дистинктивные признаки СРВ в их сущностных характеристиках и функциях. Выявленные закономерности могут способствовать постижению природы СРВ и обосновать причисление к ним той или иной лексической единицы или синтаксической модели. Иллюстративно подкрепленные теоретические рассуждения о СРВ на материале многочисленных текстов могут привести к накоплению наблюдений, достаточных для типологических обобщений.

Ограниченные рамками диссертации мы не можем уделить должного внимания проблеме вариативности СРВ и лишь намечаем возможное дальнейшее направление исследования.

В качестве примера приведем рассказ Г.Э. Блейка «Как тщетно обольщаются мужчины».

Сюжет рассказа: пляжная любовная интрижка молодого человека со скучающей сорокалетней дамой – матерью двоих детей. В конце рассказа мимолетное увлечение героя гувернанткой детей сменяется искренним чувством к ней. Коммуникативным фреймом выступает наличие трех участников отношений (так называемый любовный треугольник). Одной из пропозиций рассказа является скучный, монотонный, ленивый, беззаботный отдых, располагающий к любовным приключениям. Другой пропозицией служит замужняя жизнь героини рассказа, не оставляющая никаких иллюзий на счастье. Отсюда пресуппозиция: женщина не упустит возможности развлечься и никому не позволит помешать ей. Пресуппозицией является также любовь юноши к девушке, случайное знакомство с которой предвещает это.

Тонкие нюансы человеческих взаимоотношений передаются в рассказе и авторской речью, и диалогами персонажей, и многими другими единицами повествования. Следует отметить, что предлагаемый для анализа рассказ является одним из немногих, в которых СРВ выступают ведущим приемом

раскрытия характеров и передачи прагматической направленности, которая может быть сформулирована как тезис: женщины не прощают.

Последнее заключение относительно СРВ позволяет показать, какую роль могут играть СРВ в тексте и как они могут быть представлены в нем. Прежде всего наличие СРВ свидетельствует о желании говорящего наладить контакт с собеседником, добиться его расположения, напротив, отсутствие их в речи говорит о безразличии говорящего, о его нетерпении и желании как можно скорее закончить разговор. В соответствии со сказанным первая половина рассказа изобилует СРВ. Представленные в тексте СРВ недвусмысленно выражают намерения участников диалога.

“... Thank you all the same – it’s awfully sweet of you...” [Bates, 1978, 55]

“May I offer you some fruit?...” [Там же, 56].

“I’m sure – I hope so” [Там же, 64].

Часто употребляется модальный глагол *would*, функционирующий в разных конструкциях, представляющих собой ФРЭ.

“... would you be an absolute dear and do something for me?” [Там же, 56].

“... get me a bottle of milk, would you?...” [Там же, 56].

В обоих случаях ФРЭ *would you* выражают вежливую просьбу. Однако ФРЭ *would you* может служить и иным целям.

“And wouldn’t you like to get yourself something too?...” [Там же, 56] (предложение).

“... I’d awfully like to take a picture of you.”

“Oh! Would you?...” [Там же, 64] (удивление).

“... Would you mind?...” [Там же, 64] (желание получить согласие).

СРВ, относящиеся к тематической группе “Комплимент”, разнообразны по содержанию, но однонаправлены в плане выполнения прагматики текста:

“You’ve got magnificently brown, I must say” [Там же, 59].

“Oh! No, you couldn’t possibly do that” [Там же, 63].

Из других СРВ в тексте рассказа встречаются разделительные вопросы, предложения с глаголами предположения, а также положительно окрашенные предложения-высказывания:

(1) “You don’t see that wretched girl..., do you?...” [Там же, 57].

(2) “... I expect you’re ravenous.” [Там же, 56].

(3) “Don’t worry...” [Там же, 56].

(4) “Do I need permission?”

“Well, at least an invitation.”

“Invite me“

“You are invited.” [Там же, 56].

Что касается реализации в рассказе конститутивных признаков СРВ, необходимо подчеркнуть, что в отличие от конвенциональных признаков, наличие или отсутствие окказиональных признаков, которые носят спорадический характер, всегда мотивировано коммуникативной ситуацией. Между тем нарушение синтаксической позиции СРВ не влияет на реализацию конститутивных признаков, но делает стилистически маркированным соответствующий фрагмент текста. Так, например, одной из возможных реализаций признака предсказуемости является помещение представления в начало диалога, осуществляющего определенное прагматическое намерение: познакомиться. В анализируемом рассказе во время разговора Миссис Палгрейв выступает как женщина хитрая, умело расставляющая любовные сети. Появление СРВ в тексте и реализация признака предсказуемости связаны с определенным стилистическим эффектом, что в совокупности способствует повышению информативности текста.

Как следует из рассказа, здесь можно отметить реализацию всех конвенциональных признаков СРВ. Это способность СРВ реализовывать прагматику и апеллятивность на основе синсемантии, быть предсказуемым.

Из окказиональных признаков СРВ, которые реализуются в рассказе, наиболее важным является способность СРВ имплицировать ситуации (импликативности). Героиня рассказа имеет определенную цель поведения, содержание имплицитных СРВ явно свидетельствует о ней, и в этом заключается их назначение. Семантический признак эмотивности определяется спецификой сюжета изучаемого художественного произведения, предполагающим передачу нюансов человеческих взаимоотношений. Имплицитность (способность имплицировать ситуации) сопутствует неявным комплиментам, и хотя в приводимом ниже примере нельзя назвать определенную ФРЭ, относящуюся к тематической группе “Комплимент”, многие высказывания, как следует из диалога, можно отнести к СРВ, реализующим признак импликативности:

“What’s the blazer for? Tennis?”

“Rowing.”

“That makes the muscles strong, I know” [Там же, 65].

Последнее высказывание имеет неявный намек на телосложение Франклина. Следующее высказывание звучит как приглашение на свидание и как таковое может быть охарактеризовано как СРВ.

“In the morning, then?”

“Afternoon. I must get my ration of the marning sun.” She gave her golden body a long still glance of self-admiration, slightly lifting her breasts.”Don’t tell me you don’t think it/s worth it? Sun in the morning. Love in the afternoon” [Там же, 67].

Рассказ построен на контрасте двух частей, создаваемом в основном СРВ. Их нарочитое преобладание в первой части и полное отсутствие во второй говорит о резкой перемене в поведении героев, вызванной сменой их чувств – от влюбленности к ненависти. Это доказывает, что СРВ активно участвует в создании положительно окрашенной тональности в произведении. Вторая часть рассказа с напряженным, отрицательно-эмоциональным контекстом не нуждается в них. Текст также доказывает, что выбор слов и предложений в

качестве СРВ обусловлен ситуацией и, следовательно, они не подлежат строгой инвентаризации.

Таким образом, именно текст демонстрирует реальное взаимодействие всех конститутивных признаков СРВ. Высказывания лишь объясняют их природу и возможное функционирование, что на уровне текста, естественно, претерпевает изменение под влиянием его структуры. Последнее утверждение требовало бы специального дополнительного исследования.

Статистический анализ употребления конститутивных признаков СРВ в британском и американском вариантах английского языка показывает, что конвенциональные признаки встречаются в обоих вариантах в равных пропорциях. Конвенциональные признаки присутствуют в любом высказывании, что нашло подтверждение в анализе 517 случаев употребления СРВ. Такие признаки сопутствуют употреблению СРВ в 100 % случаев.

Таблица 2.6

Конвенциональные признаки СРВ

	британский	американский
субъектность	100%	100%
синсемантия	100%	100%
прагматическая ориентированность	100%	100%
апеллятивность	100%	100%
предсказуемость	100%	100%

Окказиональные признаки СРВ зависят от замысла автора, стиля и жанра произведения. Существуют определенные закономерности в реализации выделенных нами окказиональных признаков СРВ в британской и американской литературе. Британский вариант английского языка отмечен высоким уровнем имплицативности и эмотивности СРВ, в то время как для произведений

американской художественной литературы характерно употребление СВВ как эксплицитно выраженных, формальных средств связи при сравнительно незначительном числе СВВ, реализующих признаки имплицитности и эмотивности, как явствует из таблицы.

Таблица 2.7

Употребление окказиональных признаков СВВ

Вариант английского языка	когерентность	имплицитность	эмотивность
британский	52%	70%	94%
американский	94%	26%	46%

Выводы по Главе 2

1. В результате анализа произведений британской и американской художественной литературы выделены динамическая и статическая реализации СВВ в высказывании, при этом СВВ выражены языковыми единицами (включая ФРЭ), относящимися к семантической группе “Обращение”. Динамическая реализация СВВ предполагает использование двух обращений, первое из которых выполняет логическую номинативную функцию, второе, расположенное в конечной позиции, является характеризующим. Статическая реализация СВВ предполагает использование обращения, занимающего центральное или конечное положение в высказывании.

2. К синтаксическим средствам, функционирующим как СВВ, относятся следующие языковые единицы и приемы: инверсия в вопросительном предложении, опущение глаголов-связок, модель разделительного вопроса и вопросительно-отрицательная модель предложения.

3. Лексические единицы, функционирующие как СВВ, представляют собой восклицания; глаголы предположения, предваряющие придаточные предложения в сложноподчиненных предложениях; авторские слова, которые

заменяют соотносящиеся с ними не высказанные, но имплицитно предполагаемые СРВ.

4. В результате семантико-функционального анализа СРВ в диалоге выделены наиболее существенные признаки СРВ. Эти признаки разделены на конвенциональные, проявляющиеся в любой ситуации общения, и окказиональные, способствующие реализации задач коммуникативного характера в определенных ситуациях.

5. Конвенционные характеристики СРВ определяются спецификой категории вежливости, сопутствуют употреблению СРВ в 100% случаев. Окказиональные признаки СРВ определяются спецификой коммуникативной ситуации и зависят от замысла автора, стиля и жанра произведения.

6. Следующие семантические признаки являются конвенциональными для СРВ: 1) субъектность; 2) синсемантия; 3) прагматическая ориентированность; 4) апеллятивность; 5) предсказуемость.

7. Следующие семантические признаки являются окказиональными для СРВ: 1) когерентность; 2) имплицативность; 3) эмотивность.

8. Статистический анализ реализации конститутивных признаков СРВ в британском и американском вариантах английского языка показывает, что конвенциональные признаки реализуются в текстах на обоих вариантах языка в равных пропорциях. Существуют определенные расхождения между реализацией окказиональных признаков СРВ в британской и американской литературе. Британский вариант английского языка отмечен высоким уровнем имплицативности и эмотивности СРВ, в то время как для произведений американской художественной литературы характерно употребление СРВ как эксплицитно выраженных, формальных средств связи, реализующих признак когерентности, при сравнительно незначительном числе СРВ, реализующих признаки имплицативности и эмотивности.

ГЛАВА 3. ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕЖЛИВОСТИ

3.1. Средства реализации вежливости и содержательные категории текста

Текст иллюстрирует существенные признаки СРВ, возникающие в речи. Кроме того, как развернутая единица речи текст художественного произведения содержит сведения о том, какое отношение имеют СРВ к активации потенциала текстовых категорий, о семиотической роли данных средств и их возможном стилистическом эффекте. СРВ обогащают смысловую составляющую литературного произведения, способствуют его художественному единству, адекватной расстановке акцентов и, в конечном счете, образуют определенную подсистему в системе текста.

Будучи синсемантическими единицами, СРВ выполняют текстообразующие функции в соответствии с требованиями текста как целого. Не являясь обязательными единицами текста, даже в ситуации, предполагающей реализацию вежливости, СРВ выражают разнообразные реакции говорящих на денотативную ситуацию художественного пространства.

В предыдущей главе рассматривались вопросы, касающиеся конститутивных признаков СРВ, таких как участие СРВ в обеспечении связности текста и соответственно их роль в линейном развертывании текста, место СРВ в структуре диалога. Все это имеет непосредственное отношение к делимитации текста, к когезии, синсемантии, то есть к семантическим категориям, выраженным формальными и иными средствами, передающими содержание текста. В этой главе мы будем говорить о СРВ в связи с иными категориями: информативностью текста, его модальностью и интегративностью. С указанными категориями связаны все конвенциональные признаки и некоторые окказиональные признаки СРВ.

Между тем, анализируя связь СРВ с категориями текста в данной главе, мы уделяем внимание не связи отдельных семантических признаков СРВ с категориями текста, а их совокупному семантическому потенциалу. Кроме того, изучение участия СРВ в актуализации перечисленных категорий текста предполагает внимание к взаимодействию СРВ с другими единицами текста, чем в совокупности определяется его семантический потенциал. Применительно к задаче данной главы исследования мы делаем акцент на интерпретации сообщений без опоры на формальную организацию СРВ за исключением отдельных случаев.

3.1.1. Роль СРВ в увеличении информативного потенциала текста

Категория информативности есть обязательная категория текста, предполагающая присутствие в тексте информации различных типов, в том числе информации о социальных нормах, которая передается посредством СРВ. Применительно к структуре текста принадлежащие ему СРВ могут быть рассмотрены как система, необходимая для реализации указанной категории текста. В данной работе термин «информативность» как категория текста относится к содержательной стороне текста, и анализ данной категории требует внимания к СРВ, представленным в тексте. Хотя СРВ не участвуют в формировании сюжета, они могут сообщать дополнительные сведения об отношениях собеседников, о тональности их беседы, о ее прагматике. Одной из наших задач является доказательство того, что дополнительная информация, извлекаемая из СРВ, существенна для информационного потенциала произведения, его эстетико-познавательной ценности. Анализ СРВ с семантикой положительной оценки, соответствующих этическим нормам, доказывает, что они непосредственно связаны со стилем художественного произведения [Ларина 2009] и выступают как средство выражения общей эстетики текста.

Выступая элементом отдельной реплики или диалога (что определяется ракурсом проводимого исследования), СРВ семантически связаны с более широким пространством текста, важно отметить, что связь СРВ с текстом является двусторонней, соответствующие единицы языка не только реализуются под влиянием общего замысла, но и дополняют текст теми или иными семантическими нюансами, связанными с вежливостью, и, таким образом, могут быть использованы для выстраивания определенных эстетических критериев [Разинкина 1989, 28].

Полезной в выявлении способов участия СРВ в текстообразовании и реализации категории информативности может оказаться экстраполяция на область исследования уже использованного нами понятийного аппарата логики и лингвистической семантики «пропозиция» и «пресуппозиция». Первое связано с социально обусловленным опытом, второе означает исходное предположение, то есть если пропозиция имеет регрессивную направленность, пресуппозиция представляет прогрессивное движение мысли по мере развертывания сюжета. Семантический потенциал СРВ может быть реализован в одном и том же отрывке текста как в пропозиции, так и в пресуппозиции, отражая установившийся в обществе этикет и указывая на возможное развитие сюжета, реализуя одновременно объективную и субъективную стороны описываемого явления.

Значительная роль в любом общении отводится структурной специфике единицы, включающей в себя СРВ. О позиции данных средств в диалогической структуре мы уже упоминали, анализируя конвенционную характеристику прогнозируемости (предсказуемости). Отступление от привычной формы диалога, помещение СРВ в нестандартное для него место в коммуникативном пространстве указывает на новую грань феномена и приводит к возникновению новых смыслов. Следовательно, СРВ расширяют информационные возможности текста.

Рассмотрим в качестве примера произведение Э. Хемингуэя «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» (“The Short Happy Life of Francis Macomber”).

Зверолов Роберт Вилсон является проводником и консультантом Маргарет и Фрэнсиса Макомбер во время охоты на крупных хищников. Несмотря на то что супруги, представители высшего общества, не проявляют при общении с Вилсоном ни презрения, ни снисходительности, всё указывает на неравенство тех социальных позиций, которые занимают охотник и сопровождаемые им молодые люди.

В качестве коммуникационного фрейма выступает давно известный в социуме и литературе конфликт – любовный треугольник (ситуацией общения, как уже было сказано, является охота). Каждая фраза, произнесенная Вилсоном и Маргарет, предполагает их обоюдное привлечение внимания. Вилсон и Марго понравились друг другу, и с первых страниц рассказа очевидно, что их отношения разовьются в интимные (пресуппозиция). Такое предположение вполне оправдано, тем более, что Марго больше не испытывает любви к мужу, она презирает его за трусость и мягкотелость (пропозиция), и мужественность Вилсона выигрывает на этом фоне. Стремление леди и зверолова сблизиться друг с другом показано через большое количество СРВ, имеющих положительную эмоциональную окраску: I look forward to tomorrow [Hemingway 1996, 121]; I’m so glad [Там же, 121]; All right [Там же, 131]; I’d like to [Там же, 133]; He’s really very nice [Там же, 143] и другими. Адекватные намерению персонажей СРВ распределены по всему произведению, делая рассказ Э. Хемингуэя более связным и насыщенным.

В художественном тексте не исключается наличие более одной презумпции, благодаря чему он может интерпретироваться по-разному, с различных ракурсов. Одной из презумпций данного произведения выступает стремление Вилсона быть членом того социального слоя, к которому он не принадлежит. Данное обстоятельство служит причиной небольшого количества

СРВ в его высказываниях, а те средства, которые он все-таки использует (на разных уровнях языка), придают его репликам оттенок покровительственности, легкого высокомерия: Well, here's to the lion [Там же, 115]; Forget the whole thing [Там же, 116]; As a matter of fact, you know, perhaps you'd better not go. It might be much better [Там же, 133]; Keep behind me ... do exactly as I tell you [Там же, 134]. Хотя речь Вилсона не изобилует СРВ, он старается перенять ту коммуникативную манеру, которая характерна для его состоятельных и пользующихся уважением клиентов. Употребляемые им фразы становятся более длинными и изысканными, менее прямолинейными, приближаясь к речи, свойственной чете Макомбер при светском общении: You wouldn't like to drop my beauty as a topic, would you? [Там же, 116]; You are merry, aren't you? [Там же, 121]. Реплики персонажа становятся достаточно «книжными», получают стилистическую окраску, не ассоциируемую с представителями его социального класса; при использовании соответствующих средств активизируется конвенционная характеристика прогнозируемости, что наполняет рассказ дополнительным содержанием.

Очередная презумпция – стремление Вилсона подвергнуть Маргарет унижению, поработить ее ослабевшую волю. Он начинает вести себя подобным образом, после того как героиня убивает своего супруга. Не вызывает сомнений прагматическая ориентированность последнего диалога: вынудить женщину относиться к нему, Вилсону, с пиететом. Маргарет хочет, чтобы охотник перестал рассуждать о ее поступке – и тот заставляет свою «возлюбленную» употребить наречие *please*.

“Stop it. Stop it. Stop it,” the woman cried. Wilson looked at her with his flat blue eyes.

“I'm through now,” he said. “I was a little angry. I'd begun to like your husband.”

“Oh, please stop it,” she said. “Please, please stop it.”

“That’s better,” Wilson said. “*Please* is much better. Now I’ll stop.” [Там же, 159]

Озвученная под воздействием речевого давления Вилсона, данная лексическая единица обретает определенную экспрессивность, а повторение делает ее стилистически окрашенной. В данном случае конвенционная характеристика апеллятивности, присущая политесной формуле *please*, репрезентирует просьбу, практически мольбу, и используется героиней, чтобы получить нужный ей результат. Мы рассматриваем в качестве СРВ и конструкцию *that’s better*: использование степени сравнения не оказывает заметного влияния на функциональный статус данного выражения. Рассмотрение СРВ позволяет обнаружить имплицитную информацию, заложенную в тексте, и адекватно его интерпретировать.

3.1.2. СРВ и субъективная модальность

Другой содержательной категорией текста, в реализации которой участвуют СРВ, является субъективная модальность. Как известно, модальность является одной из основных универсалий языка. Используя принятое деление модальности на объективную и субъективную, отметим, что объективная модальность не свойственна СРВ, выраженным одним словом, поскольку они не могут передавать отношение к действительности в плане реальности/ирреальности. Что касается СРВ, формирующих предикативную единицу – предложение, они, как и все предложения, связаны с объективной модальностью по признаку временной определенности/неопределенности. Объективная модальность отдельных СРВ может быть использована для восприятия субъективно-модального значения [Шведова 1970; Михеев 1986] целого произведения, то есть текстовой модальности, включающей помимо объективной модальности один из наиболее существенных признаков

модальности текста – оценку описываемых фактов. Применительно к СРВ оценка понимается не как логическая оценка, а как эмоциональная реакция говорящих на услышанное, на предмет разговора, на происходящее. Необходимо помнить при этом, что эмоциональная реакция коммуникантов может выражаться с помощью СРВ только положительную оценку.

Поскольку СРВ связаны с широким контекстом, они вместе с информативными блоками передают взаимодействие говорящих, их отношение к высказываемой мысли и через это субъективно-оценочное отношение автора к описываемым событиям. Повторяясь в разных вариантах в любом диалоге или отрезке текста, передающем содержание диалога авторскими словами, СРВ способствуют перерастанию субъективной модальности той части текста, в которой они встречаются, в качественно новую; соответствующая семантика возникает при взаимодействии языковых единиц, в том числе СРВ, на уровне текста. Сказанное становится очевидным при анализе роли СРВ в реализации субъективно-оценочной модальности текста на материале новеллы из произведения Джона Стейнбека “Небесные пастбища”.

Новелла повествует об Эдварде Виксе, по прозвищу *Shark*, который на протяжении описываемого отрезка жизни испытывал два сильных желания: считаться богатым человеком и защитить свою слабоумную дочь от бесчестия. Не осуждая героя за жажду богатства, а констатируя это как факт, вызывающий его расположение, Стейнбек рассказывает, как любовь к дочери разрушила иллюзорную жизнь Вика, сделала его мечту о богатстве несбыточной и недостижимой. Отношение автора к Виксу и к происходящим с ним событиям, то есть субъективно-оценочная модальность текста, не выражена в новелле эксплицитно, но находит воплощение в целом ряде средств, одним из которых являются СРВ. Прежде всего, к таким СРВ можно отнести высказывание, не раз произносимое соседями и выражающее восхищение, уважение, что позволяет трактовать его как комплимент:

Oh, I guess, he was worth around twenty thousand, may be more [Steinbeck 1984, 49].

СРВ, выраженное восклицанием *Oh*, передает описанную выше эмоциональную реакцию говорящих на предмет разговора. Глагол предположения *to guess* функционирует как СРВ в этом же высказывании. Имеющий в системе языка значение «быть неуверенным» глагол *to guess* реализует в контексте антонимичное значение «быть уверенным» и имплицитно передает чувства автора, проявляя субъективно-оценочную модальность фразового порядка. То же значение глагола *to guess* актуализуется и в высказывании самого Викса о своих бизнес-намерениях, что придает ему оптимистичный тон.

I guess I'd better look into it pretty carefully [Там же, 50].

Взаимодействуя на уровне текста, предложения *I guess...* становятся СРВ, выражающими субъективно-оценочную модальность.

В следующем высказывании также употребляется глагол предположения.

How do you suppose it could be so pretty? [Там же, 50].

Прямым номинативным значением глагола *to suppose* определяется его использование в качестве СРВ, а его употребление придает высказыванию ироничный оттенок, вызванный завистью женщины к соседке, родившей дочь-красавицу. СРВ окрашивается личностным восприятием подобных фактов писателем, который с юмором относится к «добрососедским» проявлениям интереса к чужой радости, и, таким образом, СРВ способствует выявлению явно выраженной субъективно-оценочной модальности отрывка.

Восклицания и глаголы предположения – не единственные СРВ в новелле, участвующие в создании субъективной модальности текста, а именно – одного из наиболее существенных признаков модальности – оценки описываемых фактов. Стейнбек делает акцент на отношении жителей фермы друг к другу, в основном прибегая к грамматическим конструкциям и лексическим значениям

слов и словосочетаний, используемых в качестве СРВ для передачи своей симпатии к ним. В нижеследующем предложении наряду со СРВ, выраженными восклицанием *Oh!* и глаголом *to think* в отрицательной форме, писатель употребляет глагол в форме сослагательного наклонения, чтобы донести до читателя волнение, испуг Катрин, ее боязнь ослушаться мужа и вместе с тем собственную жалость автора к женщине за ее желание совместить несовместимое: одновременно угодить мужу и доставить радость дочери.

“Oh, I don’t think Mr. Wicks would like it,” Katherine said in a thrilled, frightened tone [Там же, 61].

Объективная модальность придаточного предложения вместе с другими СРВ выявляет фразовую модальность и способствует возникновению у читателя представления оценочного характера.

Субъективно-оценочный фактор как признак модальности заключен также в других СРВ, выявляющих благосклонное расположение автора к своим героям. Их манера общаться друг с другом отражает их деликатность, отсутствие категоричности, резкости. Структура разделительного вопроса в качестве СРВ служит иллюстрацией этого:

“You haven’t been talking to that Jimmie Munroe, have you?” [Там же, 60].

“He didn’t tell you not to go, did he?” [Там же, 61].

“It’s hot in here, isn’t it?” [Там же, 64].

Приведенные выше примеры демонстрируют способы употребления лексических единиц и грамматических конструкций в качестве СРВ для создания субъективно-оценочной модальности новеллы Стейнбека. Анализ обширного материала (200 произведений малой формы британских и американских писателей) показывает, что при варьировании способов употребления языковых единиц, реализующихся как СРВ, тезис об участии последних в реализации категории субъективной модальности текста остается неизменным.

3.1.3. Роль СРВ в интеграции текста

Текст рассказа демонстрирует категорию интеграции текста более наглядно, чем текст произведения крупной формы. СРВ играют при этом вспомогательную роль, но тем не менее они релевантны для выстраивания пресуппозиционных отношений и определения формальной и смысловой связи отрезков текста. Наличие СРВ может раскрывать взаимообусловленность частей, распределять между ними акценты, усиливать информационный потенциал произведения.

СРВ связывают отрезки текста по смыслу, уточняют тональность произведения, способствуют синтезированию элементов, несущих тематическое содержание, и, таким образом, обеспечивают адекватное восприятие сообщений, понимание импликаций, толкование пресуппозиций.

Рассмотрим интегрирующую роль СРВ на примере рассказа К. Мэнсфилд “A Cup of Tea”. Рассказ повествует об одной из причуд взбалмошной, недалекой, привыкшей к роскоши замужней молодой особы, пригласившей в дом на чашку чая красивую бедную голодную девушку и легко отказавшейся от своей затеи, которая угрожала семейному счастью. СРВ в рассказе служат аккомпанементом тематического развертывания событий. Они сопровождают сообщения и передают их оценку автором, часто подводя итог его рассуждениям и описаниям. Функциональная нагрузка СРВ зависит от контекста.

Рассказ открывается диалогом автора с читателем, на что указывает употребление личного местоимения второго лица *you* в обобщенно-личном значении “No, you couldn’t have called her beautiful” [Mansfield 1963, 126]; СРВ, выраженного восклицанием *well*, паузы как окказионального речеорганизующего признака СРВ, обозначенной в письменном тексте многоточием “Well, if you took her to pieces...” [Там же, 126]. Все СРВ указывают на доверительный тон общения, на желание автора убедить читателя разделить его точку зрения.

В примере

... she heard herself saying afterwards to the amazement of her friends: “I simply took her home with me...” [Там же, 128]

интересно проследить сочетание авторского повествования и внутренней, не произнесенной вслух речи персонажа в форме прямой речи. Пример иллюстрирует норму этикетного поведения и желание человека произвести на окружающих хорошее впечатление. Как авторская речь, так и внутренняя речь персонажа служит для передачи мыслей и чувств героини, прямая речь вводится предложением ... *she heard herself saying* ..., где глагол *to hear* и причастие *saying* подразумевают произнесение высказывания, а контекст повествования предполагает его положительную окрашенность, которая и может произвести впечатление: *to the amazement of her friends*. То же самое относится и к авторским словам *she meant it kindly* [Там же, 129], *fairy god-mothers* [Там же, 129]. Перлокутивный эффект речи говорящего, а именно: проявление великодушия и задушевности, отвечают СРВ, выражающие комплименты, простоту и мягкость в обращении: “Come and get warm” [Там же, 130]; “Won’t you take off your hat? Your pretty hair is all wet...” [Там же, 130]; “Don’t cry, poor little thing” [Там же, 131]; “Will Miss Smith excuse us?” [Там же, 132].

СРВ начальных фрагментов рассказа получают смысловое приращение при последующем употреблении. Ниже представлены случаи передачи смысла этикетных произнесенных фраз авторским текстом:

“She was going to prove to this girl that wonderful things did happen in life, that – fairy god-mothers were real, that rich people had hearts, and that women were sisters” [Там же, 129].

“... she didn't know how the sentence was going to end ...” [Там же, 129].

Слово *sentence* («предложение») свидетельствует о том, что размышления персонажа получили словесное оформление во внутренней речи. Смысловое наполнение не озвученных реплик и включение в них СРВ с позитивной

эмоциональной окраской подсказывается такими фрагментами (произносимыми самим автором), как *she was going to prove < ... > wonderful things did happen in life, fairy god-mothers were real, rich people had hearts, women were sisters*. Все перечисленные выше средства вежливого речевого поведения, то есть возможные СРВ, употребляемые обычно в подобных ситуациях, имплицитно, но максимально реализуют поставленную автором задачу, подчиняются главной цели и, таким образом, участвуют в процессе интеграции текста.

Впечатление целостности произведения достигается также различными формами СРВ, используемыми автором во второй части рассказа. Это и восклицание *Oh!*, и этикетное междометие *please*, и разделительный вопрос “And one is so much more comfortable without a hat, isn’t one?”, и форма *won’t* в предложении “Won’t you take off your hat?”, и вежливая просьба-предложение “And let me help you off with your coat too” [Там же, 130]. А на следующей странице встречаются СРВ в форме вопросительно-отрицательного предложения “Don’t you see what a good thing...” [Там же, 131], СРВ, выраженное вспомогательным глаголом *do*, усиливающим значение действия смыслового глагола “Do stop crying” [Там же, 131], а также СРВ *please*, употребленное изолированно. СРВ содействуют объединению частей текста рассказа, в которых описываются благие намерения героини. Заключительная часть произведения противопоставлена первым двум по принципу полного отсутствия в ней СРВ, что свидетельствует об отказе Розмари от своих планов. В данном случае отсутствие СРВ является значимым, способствует интеграции текста, связывая различные его фрагменты в целях достижения целостности.

Анализируя участие СРВ в реализации текстовых категорий информативности, субъективной модальности и интегративности в британском и американском вариантах английского языка, можно отметить, что частотность их употребления одинакова в обоих вариантах языка. Это можно объяснить, во-первых, универсальным характером самих категорий и, во-вторых,

обязательным употреблением СРВ в художественном тексте, необходимостью их привлечения к созданию информативной насыщенности произведения, передаче авторского замысла, к спаиванию воедино отдельных фрагментов текста.

3.2. СРВ и прагматика текста

Поскольку СРВ являются знаками этикета, которые выражены единицами языка, их анализ можно проводить в рамках семиотики [Пирс 1967]. Прагматика как часть семиотики ориентирована на социальную общность людей, на принятые в ней правила использования и понимания знаков. Употребление СРВ, как и других знаков, варьируется в зависимости от цели, эстетической или практической. СРВ являются важным фактором управления поведением получателя, регулирования этого поведения с учетом возможных последствий.

Прагматические функции СРВ преследуют внеязыковые цели. СРВ, рассматриваемые под этим углом зрения, приобретают социальную и текстовую ценность. Интерпретируемые в рамках прагматики СРВ могут трактоваться как языковые единицы, косвенно выражающие реакции участников коммуникации друг к другу и другим людям [Степанов 1983, 68].

То, что СРВ могут содержать вспомогательные сведения, тем самым оказывая воздействие на позицию семантических акцентов в произведении, привело к появлению представленной ниже классификации функций, связанных с прагматическим эффектом СРВ. Она базируется на принципе обусловленности использования данных средств авторской установкой. Прагматическая составляющая рассказа, пьесы и других текстов способствует связи СРВ с прочими единицами художественного высказывания, что определяется жанровой и тематической направленностью сочинения.

Руководствуясь вышесказанным, мы можем выделить следующие виды прагматических функций:

- 1) нейтральные,

- 2) интенсифицирующие (усилительные),
- 3) побуждающие (стимулирующие).

3.2.1. Нейтральные СРВ

К нейтральным СРВ с точки зрения их прагматических функций мы относим такие, присутствие которых не оказывает никакого влияния на распределение информации в тексте. Их употребление обусловлено лишь общими нормами общения, предписывающими произнесение традиционных фраз в определенных фазах диалога. В этом проявляется конвенциональный признак предсказуемости подобных СРВ. Хотя диалоги, в составе которых встречаются данные СРВ, могут являться коммуникативно значимыми фрагментами текста, нейтральные СРВ, как правило, не имеют отношения к интегративности текста, а лишь к завершенности самих диалогов. Их функция заключается прежде всего в обозначении уже сложившихся отношений между участниками коммуникации.

В приводимом ниже примере представлено начало диалога матери и дочери по телефону. Первые реплики диалога передают традиционные фразы, произносимые в подобных ситуациях. Как базовая реплика, так и реакция на нее свидетельствуют о желании собеседниц вступить в разговор и продолжить его.

“Muriel? Is that you?”

“Yes, Mother. How are you?” she said” [Salinger 1982, 27].

В функции СРВ приветствие и обращение, обычно открывающие диалог, сигнализируют о начале диалога.

В следующем примере нейтральная функция СРВ заложена в ФРЭ, относящейся к тематической группе «Благодарность».

“The child of Nikosi Jordan is welcome,” said Chief Mshlanga.

“Thank you,” I said, and could think of nothing more to say” [Lessing 1963, 468].

Слова автора, сопровождающие благодарность, подтверждают формальность употребления СРВ, неготовность собеседников развивать диалог.

3.2.2. Интенсифицирующие СРВ

Благодаря интенсифицирующим СРВ те реплики, в которых они присутствуют, освобождаются от возможной многозначности и звучат намного более веско. Приведем пример:

“Didn’t you admire the stewardess? I thought she was pretty cute” [Fitzgerald 1941, 12].

СРВ, используемые в одной ситуации общения, могут принадлежать к разным уровням. Вопросительно-отрицательная форма предложения *Didn’t you admire* и глагол *thought* принадлежат к синтаксическому и лексическому уровням соответственно. Функции обоих СРВ заключаются в подчеркивании желания говорящего не казаться самонадеянным, не отстаивать свою точку зрения. С другой стороны, одно и то же СРВ, выполняя усилительную функцию, может выражать разные экспрессивно-эмоциональные и логические оттенки отношений персонажей в тексте. Так, в примере

“That is your considered opinion?” Frederick grunted.

“Yes, it is” [Bennett 1963, 378].

СРВ *yes*, выражающее согласие, помещено в полное предложение, структура которого не типична для разговорной речи. В данном контексте оно свидетельствует о твердости, определенности ответа и подчеркивает непреклонность и категоричность героя. В другом произведении то же СРВ *yes* указывает на субординацию участников диалога, привносит в него официальную тональность и подчеркивает стремление автора создать образ персонажа, который, следуя приказу, выполняет определенную миссию.

“They’ll probably be needing you for carrying messages.”

“Okay,” Mast said, “yes, sir” [Joyce 1987, 92].

3.2.3. Побуждающие СРВ

Побуждающая функция СРВ в литературном тексте состоит в стимулировании партнера по общению к определенному действию или активной работе мысли. В речи говорящего употребляются СРВ, выражающие просьбу, совет, предложение. Несмотря на малый информативный эффект, СРВ, выполняя стимулирующую функцию, способствуют осуществлению прагматической цели отрывка текста, касающегося взаимоотношений коммуникантов.

Так как СРВ представляют собой явление речи и характеризуют тональность общения, их семантико-функциональный потенциал разнообразен. Побуждающая функция СРВ реализуется вместе со всеми другими функциями прагматического характера, являясь ключевой в каждой конкретной ситуации.

В примере из рассказа У. Сарояна инициальная реплика содержит приглашение, выраженное информативным высказыванием и СРВ *will you*.

“Come on in and sit down a minute, will you?”

Berry went in and sat down across the room from his father” [Saroyan 1975, 373].

Стимулирующая функция СРВ, придающего высказыванию-приглашению вежливую тональность, находит подтверждение в словах автора, передающих действие персонажа в полном согласовании с содержанием реплики говорящего.

3.3. Трансформация СРВ в диалоге

Как известно, следующие два измерения семиотики – семантика как соотнесение знаков с объектами внеязыковой действительности и синтактика как отношение между знаками в речевой цепи – не могут обойтись друг без друга и без прагматики. Поэтому следующая классификация СРВ с позиции семиотики основана именно на этих аспектах. Семантические и грамматические составляющие ориентированы на сущность рассматриваемых средств, на

лексическое содержание смысловых единиц и на механизмы приспособления фраз, составляющих художественное произведение, к контексту. Любое другое значение СРВ, проявляющееся в пределах контекста, дает возможность предвидеть, предчувствовать ситуацию. Наличие или отсутствие в произведении данных средств, установленное посредством языкового анализа, позволяет обнаружить в тексте процессы, приводящие к появлению новых знаковых сущностей. Подчеркнем, что в ряде контекстов отсутствие СРВ становится особо значимым. Изменения контекста, связанные с присутствием или отсутствием СРВ, сводятся к трем основным типам трансформаций:

- 1) эллиптическая трансформация,
- 2) манипулятивная трансформация (трансформация в контексте языковой игры),
- 3) антикатегориальная трансформация.

3.3.1. Эллиптическая трансформация

Сущность эллипсиса СРВ заключается в аккумуляции смысла, выраженного репликой, обращенной к слушающему. Дословное повторение инициальной реплики не предполагается, контекст подсказывает ее содержание, ее цель определяется интонацией, а употребленное в ответной реплике СРВ делает очевидной реакцию собеседника. Что касается синтаксической структуры в ответной реплике, она представляет собой неполное предложение, где поставленное в начале СРВ, как правило, выражающее согласие, благосклонное отношение к говорящему, готовность разделить его мнение, принять его совет и другие положительные оттенки, естественно, подразумевает конкретную речевую ситуацию и оказывается достаточным для передачи смысла. Пользуясь употребляемой в работе терминологией, можно заметить, что эллипсис СРВ типичен для разговорной речи как в следующем примере:

“Could you get a substitute teacher for me?” she asked.

“Of course I could” [Steinbeck1984, 164].

Языковые процессы в синтаксической структуре, приводящие к эллипсису СРВ, не влияют на изменение знака. Повторение постоянного члена СРВ и опущение переменных членов сигнализируют лишь о принадлежности высказывания к разговорной речи.

Как следует из проведенного анализа, эллипсис СРВ сопровождается компрессией и может сопровождаться включением в ответную реплику СРВ, передающих отношение слушающего к словам говорящего. Например,

I asked, “Are you going to church?”

“I think I better,” she said” [Updike 1987, 416].

Слова *I think, I better* означают вежливую форму общения и могут расцениваться как СРВ. Смысл произнесенных, но подразумеваемых слов (go to church) оказывается включенными в смысловую структуру СРВ второго высказывания. Эллипсис, как и в предыдущем примере, не приводит к возникновению нового семиотического знака, а, как было сказано, лишь свидетельствует о ситуации разговорной речи.

3.3.2. Манипулятивная трансформация

Термин «манипулятивная трансформация» понимается в работе как целенаправленное манипулирование, осуществляемое одним из собеседников, использующим СРВ и выбирающим «адекватную форму выражения своего коммуникативного намерения в зависимости от параметров ситуации общения» [Абрамова 2002, 2], что сопровождается деформацией функционально-семантических свойств СРВ. Результатом указанной трансформации является нейтрализация СРВ, использованного одним из собеседников. Манипулятивная трансформация может быть описана в терминах языковой игры, понимаемой как осмысленная и имеющая конкретную цель эксплуатация речевых ресурсов с экспрессивным потенциалом, связанная с ориентацией на осуществление комического воздействия [Цикушева 2009, 170].

Манипулятивная трансформация осуществляется в высказывании, следующем за репликой, содержащей СРВ. Речевые стратегии собеседников, приводящие к нейтрализации СРВ, подчеркивают знаковый характер СРВ, их связь с устойчивыми моделями языкового поведения, с одной стороны, и социальными нормами поведения - с другой. Семантическая нагрузка СРВ, которые по определению связаны с вежливой формой речи, трансформируется в ответной реплике в зависимости от ситуации общения и пресуппозиций собеседников.

Сущность манипулятивной трансформации становится ясной из следующих примеров:

“Sartorius: Well?

Lickcheese: Quite well, Sartorius. Thankee.

Sartorius: I was not asking after your health” [Shaw 1950, 81].

СРВ *well*, выраженное междометием и приглашающее собеседника к диалогу, нейтрализуется ответной репликой (словосочетанием) *quite well*. В результате манипуляции при помощи СРВ, употребленного Сарториусом, Ликчиз не только трансформирует исходную речевую установку Сарториуса, но и придает диалогу комический эффект, отвечая на мнимый вопрос о самочувствии. При этом обе формы *well* и *quite well* могут трактоваться как СРВ, поскольку СРВ, будучи социально ориентированным явлением, отражают норму общения разных социальных слоев, и СРВ *well* в той социальной среде, к которой принадлежат собеседники, может считаться приемлемым с точки зрения речевого поведения.

Второй пример иллюстрирует манипулирование языковыми ресурсами, в результате которого происходит нейтрализация СРВ, поскольку один из собеседников своим речевым поведением показывает, что СРВ воспринимается как нейтральная лексема. При живом общении люди обычно избегают использования одинаково звучащих слов с разными значениями или

семантическими оттенками. Как правило, в естественном разговоре омонимы применяются лишь с юмористической целью, чтобы вызвать улыбку или смех. Иллюстрацией может выступить небольшой диалог из романа Джона Фаулза «Башня из черного дерева» (“The Ebony Tower”), состоявшийся между художниками Генри Бресли и Дэвидом Уильямсом. Первому хочется узнать, интересуется ли второй современным искусством, и одна из собравшихся в доме женщин передает гостю озвученный хозяином вопрос. Имеет место короткий обмен репликами:

“Well yes. I’m ...afraid I do.”

“And why are you afraid, dear boy?” [Fowles 1980, 63].

В реплике художника конструкция *I’m afraid* используется для соблюдения корректного тона в беседе, а также для демонстрации сожаления, угрызений совести, то есть в качестве СРВ. В реакции его собеседника нотки снисходительности возникают через использование вышеупомянутой конструкции в ее базовом значении (опасаться чего-то неприятного, вызывающего отрицательные эмоции). Сознательная эксплуатация СРВ приводит к тому, что у диалога появляется побочный стилистический оттенок, реализуется комическое воздействие, в частности, позволяющее транслировать отношение старшего поколения к молодежи, что приводит к появлению иного знака, отличного от знака, создаваемого СРВ.

3.3.3. Антикатегориальные трансформации

Существует два вида трансформаций вежливости как семантической категории.

В первом случае новые сведения, добавляемые СРВ в художественный текст, могут включать в себя информацию об отступлении от правил корректного межличностного взаимодействия и даже о трансформации вежливости в фамильярность или грубость. Использование СРВ с подобной целью свидетельствует о нарушении персонажем этикетных норм. В этом

состоит дополнительная функция рассматриваемых нами средств, ориентированная на радикальную смену коммуникативной тональности. Упомянутая функция исследуется в данном подпараграфе.

Второй вид трансформации вежливости основан на более глубокой, неочевидной интерпретации образа действующего лица и проявлении в том, как он двигается, разговаривает, смотрит и т.д., каких-то неожиданных черт. Проиллюстрируем этот феномен примером из рассказа У. С. Моэма «Дождь» (“Rain”).

Изменения в поведении одного из главных персонажей, Мисс Томпсон, становятся ясны из слов автора. Поначалу это слова и высказывания, подчеркивающие ее неразборчивость в знакомствах, вызывающее поведение: “She can’t be very particular.” [Maugham 1963, 201]; “Miss Thompson’s voice loud and shrill” [Там же, 205]; “Miss Thompson’s defiant “Come in <...>” [Там же, 215]; “She gave me Hell” [Там же, 216]; “<...> ironic cordinality” [Там же, 216]; “<...> she passed with her nose in the air” [Там же, 222]. Это подтверждается структурой речи Мисс Томпсон, где, естественно, отсутствуют СРВ, а грамматические нарушения и употребление сниженной лексики говорят о низком уровне её культуры: “You can’t kid me” [Там же, 188]; “I don’t look no busher, do I?” [Там же, 223]. Использование СРВ указывает на изменение в поведении Мисс Томпсон, ее желание придать речи вежливую тональность и приблизиться к норме общения. Это выражается в употреблении восклицания *well*, глаголов предположения, ФРЭ, относящихся к тематическим группам «Прощение», «Комплимент»: “Well, I thought may be you wouldn’t mind asking him” [Там же, 224]; I swear to God [Там же, 224]; “<...> that’s real good of you” [Там же, 225]; “I’m sorry <...>” [Там же, 227]; “I guess I was a bit lit up. I beg your pardon” [Там же, 227]; “Excuse me <...>” [Там же, 230]. Поскольку молитвы миссионеров, казалось бы, изменили душу Мисс Томпсон, и она искренне раскаивалась, антикатегориальные СРВ указывают на радикальное обновление личности.

Напротив, исчезновение СРВ из речи Мисс Томпсон и грубое нарушение норм общения в конце рассказа “You men! You filthy, dirty pigs! You’re all the same, all of you. Pigs! Pigs!” [Там же, 231] говорит о нестабильности изменений.

Так как СРВ обладают знаковой сущностью, их наличие или отсутствие в речи персонажа может свидетельствовать об особенностях его личности. Переноса свои объективные характеристики на описываемые конкретные явления, СРВ подчиняются замыслу автора и участвуют в создании эстетической ценности художественного произведения. В работе СРВ отнесены к знакам-индексам (по классификации Пирса), основанным на причинно-следственной связи и несущими порой концептуально нагруженную информацию и, таким образом, в художественном произведении объектом семиотического анализа СРВ является их языковая организация.

Подводя итог анализу СРВ и их функций с позиции семиотики в британском и американском вариантах английского языка, можно утверждать, что прагматические функции характерны в равной степени для обоих вариантов. Поскольку использование СРВ в произведении обусловлено замыслом автора, их количественный подсчет не может нести информацию о большей или меньшей значимости той или иной функции. Относительно рассмотренных нами трансформаций контекста, связанных с присутствием или отсутствием в нем СРВ, можно заключить, что эллиптическая трансформация чаще встречается в американском варианте, что объясняется приверженностью американцев к разговорной норме: использовать неполные предложения и стремиться к компрессии высказываний. Устная речь жителей британских островов тяготеет к соблюдению грамматических правил. Здесь наблюдается также зависимость частоты эллипсиса от социального статуса говорящего, использующего СРВ. Количество эллиптических трансформаций заметно возрастает у низших социальных слоев. Манипулятивная трансформация, как показывает материал, более характерна для речи представителей высших слоев общества:

образованных людей, сознательно ориентированных в речи на литературный язык. Приводимая ниже таблица иллюстрирует частотность трансформаций контекста под влиянием присутствия или отсутствия СРВ в обоих вариантах английского языка. На 180 диалогов в каждом из вариантов употребляется указанное число соответствующих СРВ.

Таблица 3.1

Семиотика СРВ

семиотические функции СРВ		британский вариант	американский вариант
прагматические функции СРВ	нейтральная	120	96
	усилительная	90	78
	стимулирующая	120	108
трансформации контекста, связанные с присутствием или отсутствием СРВ	эллипсис	24	60
	манипуляция или языковая игра	18	0
	вежливость vs. невежливость	18	6

3.4. Семантико-функциональный потенциал СРВ в тексте

В структуре художественного текста СРВ связаны с разными системами повествования, они взаимодействуют с авторской речью, описательными контекстами, другими единицами. Выявление семантико-функционального потенциала СРВ, связанного с их текстообразующими возможностями, легло в основу предлагаемой классификации. Мы предлагаем рассмотрение следующих особенностей функционирования СРВ:

- 1) включение СРВ в структуру художественного текста;

- 2) взаимодействие СРВ с другими единицами в речи говорящего в рамках одного диалога (полилога);
- 3) использование СРВ для характеристики персонажей в художественном тексте;
- 4) взаимодействие вежливости и невежливости.

3.4.1. Включение СРВ в структуру художественного текста

В структуре художественного текста персонажи нередко демонстрируют различное отношение к социальным нормам, придерживаясь различных нравственных принципов. При этом нарушение принятых норм вежливого общения является литературным стилистическим приемом. В подобных случаях допустимо говорить об универсальности приема взаимодействия имплицитных, то есть непроизносимых, СРВ с повествовательной структурой художественного текста и о потенциальной возможности его восприятия как стилистически маркированного.

Особым типом функционирования СРВ в художественном тексте является взаимодействие СРВ с авторской речью, состоящее в том, что слова автора описывают тональность высказываний, подтверждаемую СРВ, использованными героями художественного текста, актуализируя важные, с точки зрения автора, отрывки текста и делая их семантически маркированными.

Так, в рассказе С. Моэма “A Casual Affair” авторская речь как элемент повествования служит комментарием к диалогу, состоявшемуся между леди Кастеллан и Артуром Лоу. Последний принес леди Кастеллан письма, сохранившиеся после гибели ее любовника, о кончине которого она не знала. Будучи женой высокого дипломата, леди Кастеллан, как и подобает женщине ее положения, соблюдала правила вежливости в разговоре. Хотя соблюдение норм вежливости в тексте маркировано всего несколькими СРВ (“It’s very good of you to bother” [Maugham 1951, 395]; “Oh, I’m so sorry” [Там же, 395]; “Won’t you sit down” [Там же, 395]; “I won’t keep you any longer” [Там же, 397]; “Thank you so

much” [Там же, 397]). Они (нормы вежливости) подкрепляются словами автора, в которых содержится информация о внутреннем состоянии героини, о тональности ее высказываний. Значения употребляемых автором слов говорят о самообладании леди Кастеллан, о ее принадлежности к высоким кругам общества: “She seemed perfectly self possessed <...>” [Там же, 395]; “<...> she seemed to pull herself together <...>” [Там же, 395]; “She didn’t give herself much away” [Там же, 395]; “<...> She had quite got over it <...>” [Там же, 396]; “She spoke almost casually” [Там же, 396]; “<...> She said it quite conventionally” [Там же, 396]; “She was quite amazingly mistress of herself” [Там же, 397].

Произнесенные леди Кастеллан СРВ не информативны в смысловом отношении и представлены лишь устойчивыми фразеологизированными ФРЭ, но авторские слова делают СРВ маркированными. В этом заключается взаимодействие СРВ с контекстом и их роль в структуре текста.

3.4.2. Взаимодействие СРВ с другими единицами в речи говорящего в рамках одного диалога (полилога)

Взаимодействие СРВ с другими единицами в речи говорящего можно наблюдать в примере из рассказа Джерома Дэвида Сэлинджера “For Esme – with Love and Squalor”. Героиня рассказа, тринадцатилетняя девочка, во всем подражает своим погибшим на войне родителям. Поскольку ее родители были высокообразованными людьми, речь девочки изобилует словами, подчеркивающими ее стремление вести беседу, подражая речи родителей. С другой стороны, употребление ею характерной для ребенка лексики и структуры предложений делает ее речь стилистически маркированной в тексте художественного произведения. Так, в высказываниях “<...> I’m not terribly *gregarious*” [Salinger 1982, 96]; “I’m training myself to be more *compassionate*” [Там же, 96]; “He was an *exceedingly* lovable man” [Там же, 98]; “I’m *extremely* interested in squalor” [Там же, 99] прилагательные *gregarious*, *compassionate* и наречия

exceedingly, extremely означают соответственно «общительный» (очень официальное употребление); «отзывчивый к чужому страданию» (редко применяется в отношении психики детей); «чрезвычайно» (выходящее из употребления); «в высшей степени» (употребляется официально как синоним *very much*). Форма разделительных вопросов:

1) “You go to that Secret Intelligence school on the hill, don’t you?” [Там же, 93];

2) “You have a dry sense of humour, haven’t you?” [Там же, 98]

также характеризует речь Эсме как не свойственную детям. По мнению девочки, официальная тональность общения, формируемая в том числе использованием сложных грамматических структур, неразговорной лексики, показывает утонченность ее вкуса, врожденную интеллектуальность. Настойчивое употребление девочкой не типичных для ее возраста предложений свидетельствует, как ей кажется, о соблюдении ею правил хорошего тона. Несоответствие возраста девочки нормам вежливого общения взрослых людей, подчеркиваемое на протяжении рассказа, является стержнем взаимодействия СРВ с другими единицами ее высказываний в диалоге, вызывающими снисходительное, доброе, теплое отношение читателя.

3.4.3. СРВ и характеристика персонажей в художественном тексте

В тексте художественного произведения СРВ нередко используются для характеристики персонажей, таким образом, одной из функций СРВ является характеризующая функция. Использование СРВ для создания художественного образа персонажа можно продемонстрировать примерами из произведений Джона Фаулза «Энигма» (“The Enigma”) и «Башня из черного дерева» (“The Ebony Tower”). Фаулз наделен редчайшей способностью отображать внутренний мир личности во всей его сложности и противоречивости. Для характеристики персонажей важна вежливость в ее расширенном толковании, то есть в качестве

поведенческой тактики, в область которой включен такой феномен, как мода. Отношение к моде (как и к любому другому явлению) способно транслироваться в тексте либо неявно, с помощью СРВ, либо открыто, через авторскую речь. Формулировки, используемые писателем в романе «Башня из черного дерева» применительно к усадьбе Генри Бресли (“<...> an oak table beside an ancient wooden staircase” [Fowles 1980, 35] и “This is fifteenth century” [Там же, 37]), указывают на изящество интерьера, утонченный вкус главного героя, его способность воспринимать антикварную мебель как результат творчества.

В приведенном ниже примере автор подчеркивает вежливость собеседников. СРВ не озвучиваются, но содержатся в описании в имплицитном виде:

“<...> But in general the obscenities were reduced as they talked <...>” [Там же, 54].

“<...> taste and intelligence seemed after all much more plausible <...>” [Там же, 58].

О том, что имело место общение нескольких людей (полилог), свидетельствуют местоимение *they* и глагол *to talk*. Присутствующая в этом же фрагменте конструкция *obscenities were reduced* указывает на корректную, исполненную взаимного уважения тональность беседы, что подразумевает применение партнерами по общению языковых ресурсов, позволяющих проявлять уважение друг к другу на вербальном уровне. Данная задача также реализуется посредством лексических единиц *intelligence*, *taste* и *plausible*, которые подчеркивают учет собеседниками императивов вежливости, что выступает вспомогательной информацией о персонажах.

Если в предыдущем примере при описании этикета в широком понимании СРВ участвуют лишь имплицитно, то в следующем разговоре наблюдается противоположная ситуация – высказывания героев состоят главным образом из СРВ:

“Williams, my dear fellow”.

<...>

“It’s great honour to be here, sir”.

“Nonsense. Nonsense” [Там же, 47].

СРВ, задействованные в тексте, имеют довольно высокий уровень информативности. Бресли доброжелательно, по-приятельски принимает у себя в усадьбе художника Дэвида Уилсона, своим поведением пытаясь нивелировать разницу их социального положения. На это указывает то, как он приветствует своего гостя: употребляются положительно окрашенное обращение *dear* и фамильярное выражение *my fellow*. Уилсон тоже проявляет добродушие и пиетет, что репрезентируется в реплике *It’s a great honour to be here, sir*, на которую хозяин реагирует восклицанием *nonsense*. Данная лексическая единица звучит немного бесцеремонно. Однако с учетом контекста реакция хозяина, вербализованная в междометии *nonsense*, является не грубостью («Что за чушь ты несешь?»), а тактичным укором («Вы преувеличиваете»). Таким образом, данное слово можно рассматривать как СРВ, в приведенном разговоре осуществляющее функцию описания.

Присутствие в высказываниях Бресли не характерной для него лексики дает возможность разглядеть новые, ранее не проявлявшие себя грани его противоречивой, бунтующей личности, обратить внимание на его жизненную ситуацию. Состарившийся и утративший способность наслаждаться жизнью, Бресли старается не показывать своей депрессии, но начинает злоупотреблять алкоголем и использовать обценную лексику: “bloody” [Там же, 62], “bumboy” [Там же, 70], “fuck” [Там же, 84]. Постепенно его реплики становятся краткими и «рублеными»: “Experimental, my arse” [Там же, 67], “Sold out” [Там же, 67]. Можно сделать вывод о сознательном отказе пожилого художника от соблюдения правил этикета, что выступает несомненным признаком невежливости.

Примеры из романа Фаулза «Башня из чёрного дерева» также демонстрируют связь использования определенных СРВ с коммуникативным контекстом. Молодой детектив Майкл Дженнингс разговаривает с несколькими людьми по поводу пропажи господина Филдинга, при этом каждый диалог ведется в особом регистре, определяемом социальным статусом опрашиваемого и тем, как Дженнингс к нему относится. Используются разные СРВ, употребляемые с неодинаковой частотностью. Например, в течение всей беседы с супругой Филдинга поддерживается формальный тон, уважительный и тактичный. Синтаксис является стандартным, не содержит эллипсисов, стилистических инверсий и т.п. Наряду с СРВ, подобное построение фраз благоприятствует вежливому общению при взаимодействии с незнакомым собеседником: “How did he usually spend his free time here?” [Fowles 1980, 174], “Did he say anything that Friday morning <...>?” [Там же, 172]. Затем уровень формализованности снижается, что происходит благодаря трансформации синтаксической структуры, прежде всего – за счет нестандартного порядка слов, присущего разговорному стилю: “He gave no indication of any bitterness <...> that Thursday evening?” [Там же, 173], “So he wasn't disappointed by the way Peter had turned out?” [Там же, 173]. Этот профессиональный прием подталкивает госпожу Филдинг к полной откровенности, наряду с короткими фразами стимулирующего характера:

“Well. He did drive himself very hard”.

“And?”

“I think...”

“Yes?” [Там же, 174].

Союз *and* и частицу *yes* допустимо считать СРВ, так как эти единицы увеличивают речевое воздействие на собеседницу, демонстрируют искренний интерес Дженнингса к ее словам, вызывают определенное доверие,

подталкивают госпожу Филдинг к вербальным реакциям, то есть способствуют продолжению беседы, получению новой информации.

В беседе с представителем законодательной власти речь детектива становится более почтительной, что выражается в использовании ФРЭ *sir*, а также СРВ, репрезентированных глаголами допущения *think* и *suggest*. “You’re suggesting he cracked in some way?” [Там же, 176]; “ <...> You think he was disillusioned with Tory politics?” [Там же, 177]. Кроме того, упомянутые СРВ подталкивают адресата к развитию коммуникации, побуждают его оказать содействие следствию.

Согласно поставленной коммуникативной задаче, СРВ вносят свой вклад в формирование образов действующих лиц, подчеркивая острый ум и прозорливость Дженнингса, ограниченность парламентария и наивность госпожи Филдинг. В этом состоит характеризующая функция данных средств.

Общению с Изабеллой Доджсон, знакомой сына пропавшего, предшествует авторская ремарка о том, что детектив сразу проникся к ней симпатией. Данный факт задает определенную тональность описанию их дальнейшего взаимодействия, что отражается в применяемых автором СРВ.

Многочисленные выражения похвалы “You’re the first cool-looking person I’ve seen all day” [Там же, 187], “You are my stark witness” [Там же, 191], “You’ve already proved you’re telepathic” [Там же, 192]; конструкция “between ourselves” [Там же, 196], представляющая собой своеобразный знак доверия и призыв к нему; искреннее высказывание “I’ve spent all day dreaming of water” [Там же, 189] – все эти текстовые фрагменты свидетельствуют об особом отношении Дженнингса к девушке, о неформальном характере их разговоров. Детектив, конечно же, старается поддерживать определенную дистанцию, но делает это без всякого желания, лишь по долгу службы. СРВ выступают объединяющим элементом в диалоге, в котором выражено очень многое: и желание двух

любящих людей продлить общение друг с другом, и надежда на новую встречу, новый разговор, и отсутствие реальной возможности что-либо изменить.

“Well.”

“Thank you for the cup of tea.”

<...>

“You have my number. If anything else...”

<...>

“I didn’t mean that. It was fun” [Там же, 206].

Признательность, комплимент, выражение готовности оказать помощь, то есть конвенционные СРВ, используемые в таком ситуативном контексте, подразумевают употребление гораздо более душевных, более откровенных слов и выражений, которые детектив, представитель закона, не может произнести вслух.

3.4.4. Особенности семантического взаимодействия СРВ с контекстом

Взаимодействие семантики вежливости с другими семантическими параметрами контекста в ряде случаев способствует реализации замысла автора, но чаще всего такое взаимодействие имеет юмористический эффект. Чем нагляднее смысловое расхождение высказываний, тем ярче юмористический эффект их взаимодействия. В пьесе Б. Шоу “Pigmalion” героиня в гостях у Миссис Хиггинс старается придерживаться этикета, которому ее научили. Единственное СРВ *How do you do* и разговор о погоде вступают в противоречие с ее высказываниями на бытовые темы. Да и ее замечания о дожде звучат в гостинной неестественно и напоминают не светский разговор, а сводку погоды:

“Liza: The shallow depression in the west of these islands is likely to move slowly in an easterly direction. There are no indications of any great change in the barometrical situation” [Shaw 1948, 89].

Несоответствие использованных языковых средств ситуации становится еще более очевидным в последующих высказываниях, где употребляется

сниженная лексика, помеченная в словарях как неофициальная, а также ненормативная грамматика:

“But it’s my belief they done the old woman in” [Там же, 90].

“Somebody pinched it; and what I say is, them as pinched it done her in” [Там же, 90].

“Here! What are you sniggering at?” [Там же, 91].

Чередование непривычных для речи Элизы СРВ и, наоборот, естественной для нее грубоватой и вульгарной лексики приводит к столкновению двух стилей: с одной стороны, фамильярного и просторечного и, с другой стороны, кодифицированного литературного языка со свойственной ему логичностью и обобщенностью изложения. Данное несоответствие, использование элементов научного стиля, противоречащих разговорному стилю, создает юмористический эффект.

“If I was doing proper, what was you laughing at” [Там же, 92].

“So pleased to have met you. Goodbye” [Там же, 92].

“Walk! Not bloody likely” [Там же, 92].

“Goodbye, all” [Там же, 92].

Выводы по Главе 3

1. СРВ участвуют в реализации следующих категорий текста: когезии, континуума, членимости, синсемантии, информативности, субъективно-оценочной модальности, интеграции. При варьировании способов употребления СРВ в британском и американском вариантах английского языка тезис об их участии в образовании категорий текста, в передаче авторского замысла, в спаивании отдельных частей, в нейтрализации их самостоятельности остается неизменным.

2. СРВ как языковые знаки выполняют текстообразующую функцию, однако их семиотическое воздействие на текст является многоплановым. Прагматические функции СРВ направлены на ближайший контекст или текст в целом в зависимости от установки автора. С этой точки зрения, прагматические функции СРВ делятся на нейтральные, усилительные, стимулирующие.

3. Семантикой и синтактикой определяются семантические процессы в тексте, связанные с присутствием или отсутствием в нем СРВ, приводящие к появлению новых знаков, что соответствует трем рассмотренным в работе типам трансформаций контекста: 1) эллиптическая трансформация, 2) манипулятивная трансформация (трансформация в контексте языковой игры), 3) антикатегориальная трансформация.

4. Семантико-функциональный потенциал СРВ реализуется посредством: 1) включения СРВ в структуру художественного текста; 2) взаимодействия СРВ с другими единицами в речи говорящего в рамках одного диалога (полилога); 3) использования СРВ для характеристики персонажей в художественном тексте; 4) взаимодействия СРВ с контекстом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование посвящено изучению и описанию средств реализации вежливости (СРВ) в современном английском языке и сопоставительному анализу СРВ в британском и американском вариантах английского языка. Категория вежливости в английской языковой культуре в последние десятилетия пользуется пристальным вниманием отечественных исследователей, в частности, по причине международной интеграции России. При этом большая часть исследований посвящена формулам речевого этикета (ФРЭ), то есть единицам языка, для которых связь с речевым этикетом, компонентом категории вежливости, является основной функциональной характеристикой.

Данная работа представляет собой функционально-семантическое описание единиц языка, которые в соответствующих контекстах способствуют поддержанию вежливой тональности общения и реализуются как средства выражения вежливости. Основное внимание в работе уделяется контекстуально-обусловленным функциям единиц языка различных уровней и их взаимодействию в условиях диалога, при котором реализация языковых единиц поддерживает или усиливает семантику вежливости. Такие языковые средства, опционально связанные с семантической категорией вежливости, в данном исследовании называются СРВ.

Изучение свойств СРВ открывает перспективы для разработки особого направления в рамках общей проблематики вежливости как социокультурной и семантической категории. Основным предметом изучения СРВ являются контекстуально-обусловленные функции единиц языка различных уровней при их взаимодействии в условиях диалога, взаимодействие СРВ с текстом художественного произведения, а также возможные модификации семантики вежливости, включая категориальные трансформации.

Анализ исследований, посвященных лексическим и грамматическим расхождениям между британским и американским вариантами английского языка, показывает, что британское и американское речевое поведение до сих пор не становилось предметом сопоставительного анализа в аспекте категории вежливости. Между тем анализ семантики вежливости под углом зрения национальных особенностей сравниваемых лингвокультур целесообразен, поскольку как вежливость, так и связанная с ее реализацией речевая деятельность являются одним из аспектов целого комплекса социальных отношений, составляющих национальную культуру.

В результате анализа произведений британской и американской художественной литературы выделены динамическая и статическая реализации СРВ в высказывании, при этом СРВ выражены языковыми единицами, относящимися к семантической группе “Обращение”. Динамическая реализация языковых единиц, поддерживающих вежливость, предполагает использование двух обращений, первое из которых выполняет логическую номинативную функцию, второе, расположенное в конечной позиции, является характеризующим. Статическая реализация соответствующих языковых единиц предполагает использование обращения, занимающего центральное или конечное положение в высказывании.

К синтаксическим средствам реализации вежливости относятся инверсия в вопросительном предложении, опущение глаголов-связок, модель разделительного вопроса и вопросительно-отрицательная модель предложения.

Лексические СРВ представляют собой восклицания, глаголы предположения, предваряющие придаточные предложения в сложноподчиненных предложениях; авторские слова, которые заменяют соотносящиеся с ними невысказанные, имплицитные СРВ.

Проведенный семантико-функциональный анализ диалога позволил выделить конститутивные признаки СРВ. Эти признаки разделены на

конвенциональные, проявляющиеся в любой ситуации общения, и окказиональные, способствующие реализации задач коммуникативного характера в определенных ситуациях.

Конвенционные характеристики СРВ определяются семантической сферой вежливости, включая речевой этикет; они сопутствуют употреблению СРВ в 100% случаев. Окказиональные признаки СРВ определяются спецификой коммуникативной ситуации и зависят от замысла автора, стиля и жанра произведения.

Следующие семантические признаки являются конвенциональными для СРВ: 1) субъектность; 2) синсемантия; 3) прагматическая ориентированность; 4) апеллятивность; 5) предсказуемость.

Следующие семантические признаки являются окказиональными для СРВ: 1) когерентность; 2) имплицативность; 3) эмотивность.

Статистический анализ реализации конститутивных признаков СРВ в британском и американском вариантах английского языка показывает, что конвенциональные признаки реализуются в текстах обоих вариантов в равных пропорциях. Существуют определенные расхождения в окказиональных признаках СРВ в британской и американской литературе. Британский вариант английского языка отмечен высоким уровнем имплицативности и эмотивности СРВ, в то время как для произведений американской художественной литературы характерно употребление СРВ как эксплицитно выраженных, формальных средств связи, реализующих признак когерентности, при сравнительно незначительном числе СРВ, реализующих признаки имплицативности и эмотивности.

СРВ участвуют в реализации следующих категорий текста: когезии, континуума, членимости, синсемантии, информативности, субъективно-оценочной модальности, интеграции. При варьировании СРВ в британском и американском вариантах английского языка тезис об их участии в формировании

категорий текста, в передаче авторского замысла, в установлении связей между фрагментами текста или же в нейтрализации их самостоятельности остается неизменным.

В качестве одного из результатов семиотического процесса СРВ выполняют текстообразующую функцию, однако их семиотическое взаимодействие с текстом является многоплановым. Прагматические функции СРВ направлены на ближайший контекст или текст в целом в зависимости от установки автора. С этой точки зрения, прагматические функции СРВ делятся на нейтральные, усилительные, стимулирующие.

Семантикой и синтактикой определяются семантические процессы в тексте, связанные с присутствием или отсутствием в нем СРВ, приводящие к появлению новых знаков, что соответствует трем рассмотренным в работе типам трансформаций контекста: 1) эллиптическая трансформация, 2) манипулятивная трансформация (трансформация в контексте языковой игры), 3) антикатегориальная трансформация.

Семантико-функциональный потенциал СРВ реализуется в результате: 1) включения СРВ в структуру художественного текста; 2) взаимодействия СРВ с другими единицами в речи говорящего в рамках диалога (полилога); 3) взаимосвязи СРВ и характеристик персонажей в художественном тексте; 4) взаимодействия категорий вежливости и невежливости в тексте художественного произведения.

Материал и выводы работы могут служить теоретической основой для семасиологических и ономасиологических исследований СРВ в рамках различных направлений лингвистики. Результаты исследования говорят о целесообразности инвентаризации СРВ в языках различных типов, их сопоставительного анализа, который способствовал бы выявлению типологических характеристик СРВ в каждом из сопоставляемых языков и установлению универсалий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова Т. В. Речевой этикет как предмет лингвистического изучения / Т.В. Абрамова // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. - Воронеж: ВГТУ, 2002. – С. 94-98.
2. Агаркова О. А. Прагматические аспекты комплимента как формы речевого этикета: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А. Агаркова. - Челябинск, 2004. – 133 с.
3. Алексеев П. В., Панин А.В. Философия. – М.: Прогресс, 1998. – 68 с.
4. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1979. – 252 с.
3. Ариян М. А. Использование воспитательного потенциала речевого этикета на иностранном языке // Иностранные языки в школе. - 1991. – № 5 – С. 9-12.
5. Арутюнов А. Р., Чеботарев П. Г. Справочник «Интенции диалогического общения и их стандартные реализации: (Проект «Банки методических данных»: каталог коммуникативных единиц, интенции)». – М.: Русский язык за рубежом, 1993. – С. 75-82.
6. Ахманова О. С. К вопросу о “правильности” речи / О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский. – М.: ВЯ, 1960. - № 2 – С. 35-42.
7. Ахмедова Р. Б. Представление как грамматическая форма речевого этикета (на материале современного английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент: Ташкентский государственный педагогический институт им. Ф. Энгельса, 1989. – 21 с.
8. Ахмедова Р. Б., Свистун Л. В. Модальные варианты единиц речи. Этикет в семантической группе «благодарность» и тональные маркеры их просодической структуры в современном английском языке // Норма и вариативность в германских языках. – Ярославль, 1989. – С. 45-50.

9. Балакай А.Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. – Новокузнецк, 2002. – 345 с.
10. Баранов А. Г. Когнитивные формализмы текстовой деятельности // Вестник Пятигорского государственного университета. – Пятигорск, 1999. – №2 – С. 34-37.
11. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1975. – 446 с.
12. Бобырева Е. В. Семантика и прагматика инициальных и финальных реплик диалога: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 1996. – 21 с.
13. Буторина Г. Г. К вопросу о соотношении вербальных и невербальных средств выражения стимула и реакции в диалоге (На материале современного английского языка) // Вопросы романо-германской филологии и методов преподавания иностранных языков в вузе. – Киров, 1995. – Т. 1 – С. 55-62.
14. Бушелева Б. В. Этика и этикет общения. – Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное книжное издательство. Камчатское отделение, 1993. – 168 с.
15. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XI. – М.: Прогресс, 1982. – С. 376-410.
16. Верещагин Е. М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 2-е изд.– М.: Русский язык, 1976. – 248 с.
17. Винокур Г. О. Культура языка. 2-е изд.– М.: Федерация, 1929. – 335с.
18. Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: Прогресс, 1988. – С. 79-129.
19. Власян Г. Р. Реализация стратегий позитивной вежливости в разговорном диалоге // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. Выпуск 27 (382). – С. 50-54.

20. Гак В. Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXV. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5-17.
21. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: Просвещение, 1993. – 181 с.
22. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
23. Гальперин И. Р. Stylistics. – М.: Высшая школа, 1981. – 334 с.
24. Гребенева А. А. Социальная маркированность формул речевого этикета / А.А. Гребенева // Матер. XXXV Междунар. филол. конф. (13-18 марта 2006 г. Санкт-Петербург). Вып. 23. Секц. общ. языкозн. - СПб., 2006. 4.2. С. 48-50.
25. Головин Б. Н. Как говорить правильно // Заметки о культуре речи. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1966. – С. 44-45.
26. Голубева-Монаткина Н. И. Проблемы классификации вопросов и ответов диалогической речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ им. Ломоносова, 1990. – 37с.
27. Голубкова Е. В. Номинативное варьирование как средство речевого этикета (на материале современного английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М.: Московский государственный педагогический институт им М. Горького, 1982. – 28с.
28. Гурочкина А. Г., Давыдова Л. З. Функционирование формул речевого этикета в акте вербальной коммуникации // Логико-семантические и прагматические проблемы текста. – Красноярск, 1990. – С. 47-53.
29. Гухман М. М. Некоторые общие закономерности формирования и развития национальных языков // Труды Института языкознания: Вопросы формирования и развития национальных языков. – М., 1960. – Т. 10 – С. 3-10.
30. Давыдова Л. З. Функционирование единиц речевого этикета в прямых и косвенных речевых актах: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. – Л.:

Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, 1990. – 17 с.

31. Дейк Т. А. ван. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989 – С. 12-40.

32. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153-211.

33. Демьянков В. З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века. – М., 2003. – С. 32-48.

34. Долгова О. В. Синтаксис как наука о построении речи: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1980. – 191 с.

35. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // ОНС; Общественные науки и современность. – М., 1996. - № 3 – С. 145-152.

36. Зотов Ю. П. Диалогика текста как бесконечное смысловое пространство // XXII Огаревские чтения: Тезисы научной конференции / Мордовский университет им. Н.Т. Огарева. Огаревские чтения (22; 1993). – Саранск: Издательство Мордовского университета, 1993. – С. 35-36.

37. Казарцева О. М. Культура речевого общения: Теория и практика обучения: Учебное пособие для студентов. – М.: Наука, 1989. – 495 с.

38. Клецова С. Я., Лебедева Н. Г. Этикет, обычай, ритуал, традиция в контексте культуры. – Алчевск: Донбасский горно-металлургический институт, 1994. – 8 с.

39. Кодухов В. И. Общее языкознание. – М.: Высшая школа, 1974. – 303 с.

40. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 223 с.

41. Кокойло Л.А. Комплиментарные высказывания как национально-специфичный элемент общения (на материале английского языка) // Совецание-

семинар «Этнопсихолингвистические аспекты речевого общения» : тезисы докладов. Ч. 1. - М.; Самарканд, 1990. - С. 52-53.

42. Контрастивная лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXV. – М.: Прогресс, 1989. – 255 с.

43. Коробова Н.В. Принцип такта и стратегии вежливости в речевом общении // Человек. Культура. Образование. - 2014. - Выпуск 2 (12). - С. 166-173.

44. Костомаров В. Г., Леонтьев А. А. Некоторые теоретические вопросы культуры речи. – М.: ВЯ, 1966. – № 5 – С. 5-6.

45. Крысин, Л. П. Социальная маркированность языковых единиц / Л.П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2000. - № 4. - С. 26 – 42.

46. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. - М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. - 226 с.

47. Лежнева И. И. Сопоставительный анализ некоторых формул речевого этикета английского, немецкого и русского языков в синхроническом и диахроническом аспектах // Житниковские чтения. – Челябинск, 1999. – Ч. I. – С. 87-92.

48. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1966. – 464 с.

49. Макаров М. Л. Взаимодействие когнитивных образов референтной ситуации и ситуации общения в диалогическом дискурсе // *Studia Linguistica*. – СПб., 1996. – 2. – С. 107-113.

50. Мещанинов И. И. Номинативное и эргативное предложения: типологическое сопоставление структур. – М.: Наука, 1984. – 284 с.

51. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 23. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 281-309.

52. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.

53. Мительская Ж. З. Этикетные фразы в русском и английском языках // Международная научная конференция “Россия и Западная Европа: диалог культур”. – Курган: Курганский машиностроительный институт, 1993. – С. 80-81.

54. Михайлова И.М. Национальная картина мира и художественный перевод (на примере русских переводов нидерландской литературы) / И.М. Михайлова // Актуальные проблемы перевода и межкультурной коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов (по материалам Международной конференции «Актуальные проблемы языковедения и теории перевода». Курск, 13-14 октября 2005 г.) – Курск: Изд-во РОСИ, 2005. – С. 50-57.

55. Михеев А. В. Прагматика разговорной речи: категория модальности // Сборник научных трудов. Выпуск 273 / Московский педагогический институт иностранных языков.– М., 1986. – С. 34-44.

56. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. - М., 1983. – 38 с.

57. Национально-культурная специфика речевого поведения / под ред. коллегия А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1977. – 499 с.

58. Орлов Г. А. Новейшие исследования английской литературно-разговорной речи (по материалам англоязычной лингвистической литературы) // Вопросы языкознания. – 1993. – № 5 – С. 199-129.

59. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-131.

60. Павлова Ю.В. Вербализация невербальных средств привлечения внимания в гендерном аспекте: на материале современного английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. – М.: ПроСофт-М, 2006. – 228 с.

61. Пименов А. В. Социальный символизм во французской речи // Национально-культурная специфика речевого поведения / ред. коллегия А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1977. – С. 247-258.

62. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – 412 с.
63. Плеухина Э. Н. Эллипсис в английской и русской разговорной речи. – Горький, 1990. - 12 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 11.10.90, № 43011.
64. Пономарева Т. В. Сочетаемость информативных высказываний разных прагматических типов с этикетными контактными стимулами // Языковые единицы в речевой коммуникации. – Л., 1999. – С. 131-138.
65. Почепцов Г. Г. Коммуникативные аспекты семантики. – Киев: Вища школа, 1987. – 130 с.
66. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика. – М.: Высшая школа, 1989. – 182 с.
67. Ратмайр Р. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Р. Ратмайр. - М., 2003. – 272 с.
68. Рахимова Н. М. Когнитивные особенности возникновения неоднозначности в тексте // Теория и практика речевого общения на иностранном языке. – Магнитогорск, 1999. – Ч. 2. – С. 51-56.
69. Рипинская Л. В. Некоторые особенности отрицания в английской диалогической речи // Функционально-жанровые аспекты языка. – Архангельск, 1993. – С. 93-105.
70. Романова В. М. Характеристика диалогической речи в ситуациях, требующих соблюдения норм этикета // Лексико-семантические и функциональные особенности германских языков. – М., 1993. – С. 83-89. Деп. в ИНИОН РАН 06.12.93, № 48695.
71. Сафьянов В. И. Этика общения: проблема разрешения конфликтов. – М.: Изд-во МГАП “Мир книги”, 1997. – 191 с.
72. Седов К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности / К.Ф. Седов // Культурно-речевая ситуация в современной России. - Екатеринбург, 2006. - С. 298-311.

73. Серова К. А. Некоторые проблемы восприятия и понятия прагматического фокуса // *Studia Linguistica*. – СПб., 1996. – 2. – С. 96-100.

74. Скворцов Л. И. Основы культуры речи: Хрестоматия: Учебное пособие для филологических специальных вузов / Сост. Л.И. Скворцов. – М.: Высшая школа, 1984. – 312 с.

75. Скребнев Ю. М. Понятия субституции и нормы в описании разговорной специфики // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Выпуск 5. – Горький, 1974. – С. 143-144.

76. Смысловое воспроизведение речевого сообщения / под. ред. Т. М. Дридзе, А. А. Леонтьева. – М.: Наука, 1976. – 263 с.

77. Соковнин В. М. О природе человеческого общения: Опыт философского анализа. 2-е изд., испр. и доп. – Фрунзе: Мектеп, 1974. – 145 с.

78. Соколова Н. Л. Английский речевой этикет. – М.: Изд-во РУДН, 1991.

79. Соколова Н.Л. О системном характере речевого этикета // *Филологические науки*. - 2005. - № 1. - С.43-53.

80. Солганик Г. Я. Стилистика текста: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2000. – 256 с.

81. Солнцев В. М. Вариантность // *Лингвистический энциклопедический словарь*. - М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 80-81.

82. Сорокин Ю. А. Роль этнопсихологических факторов в процессе перевода // *Национально-культурная специфика речевого поведения* / ред. коллегия А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1977. – С. 166-174.

83. Социальная психология и этика делового общения: учебное пособие / Под общей ред. В. Н. Лавриненко. – М.: Культура и спорт. ЮНИТИ, 1995. – 161 с.

84. Степанов Ю. С. Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – 631 с.

85. Тарасов Е. Ф., Сорокин Ю. А. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения // Национально-культурная специфика речевого поведения / Ред. коллегия А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1977. – С. 14-38

86. Тарасов Е. Ф., Школьник Л. С. Социально-символическая функция поведения собеседника // Национально-культурная специфика речевого поведения / Ред. коллегия А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1977. – С. 174-193.

87. Теории, школы, концепции. Критические анализы. Художественная коммуникация и семиотика / Под ред. Ю. Б. Борева. – М.: Наука, 1986. – 230 с.

88. Точилкина Т.Г. Концепт "Знакомство" как элемент картины мира в русскоязычном и англоязычном лингвокультурологическом пространстве: Дис. ... канд. филол. наук. - Челябинск, 2007. – М.: ПроСофт-М, 2007. – 155 с.

89. Тырникова Н. Г. Этикетная рамка дискурса / Н. Г. Тырникова / Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. под ред. М.А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. - Вып. 6. – С. 97-109.

90. Тураева З. Я. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.

91. Фаенова М. О. Обучение культуре общения на английском языке. – М.: Высшая школа, 1991. – 144 с.

92. Федорова К. С. Лингвоповеденческие стратегии в ситуации общения с иностранцем (на материале русского языка): Дис. канд. филол. наук / К.С. Федорова. – СПб., 2002. – 230 с.

93. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.

94. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – М.: Русский язык, 1987. – 158 с.

95. Формановская Н. И., Шевцова С. В. Речевой этикет. Русско-английские соответствия: Справочник. – М.: Высшая школа, 1990. – 95 с.
96. Формановская Н. И., Шевцова С. В. Речевой этикет. Русско-английские соответствия. Справочник. 2-е изд., доп. – М.: Высшая школа, 1992. – 80 с.
97. Цикушева И. В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования / И. В. Цикушева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. - № 90. – С. 169–171.
98. Цюра С. В. Прагматические аспекты единиц речевого этикета // Стилистика художественного текста. – Смоленск, 1989. – С. 108-107.
99. Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. – СПб.: Издательство Императорской Академии Наук, 1911. – 229 с.
100. Шапошникова А. Д. О некоторых особенностях выражения собственного мнения в английском речевом этикете в сопоставлении с русским // Семантические и прагматические особенности языковых единиц в сопоставительной лингвистике. – Краснодар, 1994. – С. 94-98.
101. Шведова Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 545 с.
102. Швейцер А. Д. Опыт контрастивного стилистического анализа: язык русских и англо-американских средств массовой информации // Филологические науки. – 1994. – № 1 – С. 103-109.
103. Швейцер А. Д. Различительные элементы американского и британского вариантов современного литературного английского языка: Автореф. дисс.... докт. филол. наук. – М.: МГПИИЯ им. М. Горького, 1966. – 30 с.
104. Шлихт Л. Я. Способы формирования лексики негритянского английского США: Дис. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1984. – 143 с.

105. Шемарова, В. А. Концептосфера "Встреча / приветствие - прощание / расставание" в русском языке (Системно-структурный и функционально-когнитивный аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 230 с.
106. Шенберг Е. Ю. К проблеме определения категории вежливости в лингвистике (на материале работ американских и британских ученых) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Выпуск 14 (305). – С. 126-130
107. Шульженко Г. А. Просьба и сопровождающие ее элементы речевого этикета (к проблеме потенциального смысла единиц речевого этикета в прагматике диалога): Автореф. дисс.... канд. филол. наук. – Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 1992. – 18 с.
108. Якобсон П. М. Общение людей как социально-психологическая проблема. – М.: Знание, 1973. – 29 с.
109. Якобсон Р. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 395 с.
110. Ярмакина Г. М. Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи : Автореф. дис.... канд. филол. наук / Г.М. Ярмакина. - Саратов, 2001. – 20 с.
111. Aijmer K. Themes and tails: the discourse functions of dislocated elements // *Nordic journal of linguistics*. – Oslo, 1989. – Vol. 12, №2 – P. 137-154.
112. Aukrust V. J.; Snow C. E. Narratives and explanations during mealtime conversations in Norway and the U.S. // *Language in society*. – L., 1998. – Vol. 27, №2. – P. 221-246.
113. Bach K. Conversational implicature // *Mind and language*. - Oxford, 1994. – Vol.9, №2. – P. 124-162.
114. Bernstein C. A variant of the “invariant” BE // *American speech*. – Tuscaloosa, 1988. – Vol.63, №2. – P. 119-124.
115. Brown F. Terms of address: Problems of patterns and usage in various languages and cultures. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1988. – 372p.

116. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usages // *Studies in international sociolinguistics*. – Cambridge University Press, 1978. – XIV – P. 56-310.
117. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Use. // *The pragmatics reader*. – Cambridge University Press, 1987. – P. 283-304.
118. Bublitz W. Topical coherence in spoken discourse // *Studia anglica posnaniensia*. – Poznan: Wytaw. nauk. UAM, 1982. – Vol.22. – P. 31-51.
119. Clausner T. C.; Crofft W. Domains and image schemes // *Cognitive linguistics*. – Brelin: N.Y., 1999. – Vol.10, №1. – P. 1-31.
120. Comrie B. Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology. – Oxford, Blackwell, 1981. – XI – 252p.
121. Cawsey A. [Recensio] // *Computational linguistics*. – Cambridge: MIT Press, 1995 – Vol.21, №3 – P. 422-424.
122. Eelen, G. Ideology in Politeness: A Critical Analysis/ Ideologie on Politeness: Een Kritische Analyse. Ph.D. Thesis Thesis, – Antwerp: University of Antwerp, 1999.
123. Eelen, G. A critique of politeness theories. – Manchester: St. Jerome Publishing, 2001. – 299 p.
124. Egbert A. M. The collabarative transformation from a single conversation to multiple conversations // *Research on language and social interaction*. – Hillsdale (N.J.): Lawrence Erlbaum Associates, Inc. – Vol.30, №1. – P. 1-51.
125. Even-Vered M. Communicative characteristics of the sentence paradigm: a quantitative approach. Article two: sentence type and its immediate context // *Theoretical linguistics*. – Berlin (West): N.Y., 1990. – Vol.16, №2/3. – P. 275-287.
126. Felix-Brasdefer, J. Cesar. Politeness in Mexico and the United States. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. – 195p.

127. Ferrara K.; Bell B. Sociolinguistic variation and discourse function of contracted dialogue introduces: the case of »belike« // American speech. – Tuscaloosa, 1995. – Vol. 70, №3. – P. 265-290.
128. Floppa K. About the psychology of dialogue – even though psychologists are not interested in it. // Concepts of dialogue. – Tübingen, 1994. – P. 145-158.
129. Fraser B. Perspectives on politeness. // Journal of Pragmatics. – 1990. – Vol. 14. – P. 219-236.
130. Held G. Politeness in linguistic research // Politeness in language: Studies in its history, theory and practice, edited by R. Watts, S. Ide, & K. Ehlich. – Berlin: Mouton De Gruyter, 1992 – P. 131-153.
131. Green J. Language understanding: a cognitive approach. – Milton Keynes: Open University Press, 1986. – 158p.
132. Grice P. Logic in conversation. // Syntax and Semantics: Speech Acts 3, edited by P. Cole & J. Morgan. – New York: Academic Press, 1975. – P. 41-58.
133. Guyer B., Bird D. A. Patterns of thinking and writing. A modern approach to American English. – San Francisco: Wadsworth, 1959. – XIV – 386p.
134. Heeman P. A., Hirst G. Collaborating on referring expressions // Computational linguistics. – Cambridge (MA): MIT Press, 1995. – Vol. 21, №3. – P. 351-382.
135. Hickey L. Surprise, surprise, but do so politely. // Journal of pragmatics. – Amsterdam, 1991. – Vol.15, №4. – P. 367-372.
136. Huellen W. “Their Manner of Discourse”: Nachdenken über Sprache im umkreis der Royal Society. – Tübingen: Tübingen University Press, 1989. – XII – 292p.
137. Huspek M. Linguistic variability and power: An analysis of “you know/I think” variation in working-class speech // Journal of pragmatics. – Amsterdam, 1989. – Vol.13, №5. – P. 663-683.

138. Jakobovits L. A. Second language learning and transfer theory // Language learning. – N.J.: Ann Arbor, 1969.
139. Janney R W. Ardnt H. Interactional tact versus intercultural tact. // Politeness in language: studies in its history theory and practice edited by R. J. Watts, S. Ide, & K. Ehlich. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1992. – P. 21-41.
140. Ide S. Formal forms and discernment: Two neglected aspects of universals of linguistic politeness. – Multilingua, 1989. – P. 223-248.
141. Ide, S. Preface: The search for integrated universals in linguistic politeness. – Multilingua, 12, 1993. – P. 7-11.
142. Keenan E O. The universality of conversational postulates. // Language in Society. – Vol. 5, №1, 1976. – P. 67-80.
143. Lakoff R. The logic of politeness; or minding your p's and q's. // 9th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. – Chicago: Chicago Linguistic Society, 1973. – P. 292-305.
144. Lakoff R. What you can do with words: Politeness, pragmatics and performatives. // Proceedings of the Texas Conference on Performatives, Presuppositions and Implicatures, edited by R. Rogers, R. Wall, & J. Murphy. – Arlington, Va.: Center for Applied Linguistics, 1977. – P. 79-106.
145. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. – Stranford (Ca), Stranford University Press. Vol. 1: Theoretical prerequisites, 1987. – X – 516p.
146. Lavandera, B. The social pragmatics of politeness forms. // Sociolinguistics, edited by U. Ammon, N. Dittmar, & K. Matthreier. – Berlin: Walter de Gruyter, 1988. – P. 1196-1205.
147. Leech G. N. Principles of Pragmatics. – L.: Longman, 1983. – XIII – 250p.
148. Leets L., Becker G. de, Giles H. Fans: exploring expressed motivations for contacting celebrities // Journal of language and social psychology. – L., 1995. – Vol.14, №1/2. – P. 102-123.

149. Lindenfeld J. Cognitive processes and social norms in natural discourse at the market place // *Journal of pragmatics*. – Amsterdam, 1994. – Vol.22, №5. – P. 465-476.
150. Locher, M. Power and politeness in action: Disagreement in oral communication. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – 365p.
151. Turner K. The principal principles of pragmatic inference: politeness. – University of Brighton, 1996. – P. 1-13
152. Lloyd D. and Warfel H.R. American English in its cultural setting. – New York, Knopf, 1956.
153. Malone M. J. How to do things with friends: Altercasting and recipient design // *Research on language and social interaction*. – Hillsdale (N.J.): Lawrence Erlbaum Associates Inc., 1995. – Vol.28, №2. – P. 147-170.
154. Mathiot M. An approach to the cognitive study of language. – Bloomington Indiana University: The Hague, Mouton, 1968. – XV – 224p.
155. Murrey D. E. Discourse structure of “conversation for action”: A cross-media view // *Learning, keeping and using language*. – Amsterdam: Philadelphia, 1990. – Vol.2. – P. 283-298.
156. Norrick N. R. The lexicalization of pragmatic functions // *Linguistics* 1979, v.17. – P. 671-685.
157. Nwoye, O.G. Linguistic Politeness and Socio-Cultural Variations of the Notion of Face. – *Journal of Pragmatics*, 18, 1992 – P. 309-328.
158. O'Driscoll, J. About face: a defence and elaboration of universal dualism. – *Journal of Pragmatics* – 25, 1996 – P. 1-32.
159. Oleksy W. From the communicative point of view // *Selected problems in linguistics*. – W-wa: Poznan, 1986. – P. 58-69.
160. Perspectives on American English / ed. by Dilliard J.L. – The Hague etc.: Mouton, 1980. – VII – 467p.

161. Piazza R. Conversational analysis: A review of the literature from the perspective of sequencing // IRAL. – Heidelberg, 1987. – Vol.24 №4. – P. 317-335.
162. Pilch H. The tag syntagm of spoken English // Linguistics across historical and geographical boundaries. – Berlin etc.: Mouton de Gruyter, 1986. – Vol.2. – P. 983-991.
163. Ramat A. G. Discourse functions and syntactic change // Historical linguistics 1987. – Amsterdam Philadelphia, 1990. – Vol.66. – P. 175-190.
164. Riber D. Spoken and written textual dimensions in English: Resolving the contradictory findings // Language. – Baltimore, 1986. – Vol.62, №2. – P. 284-414.
165. Ross A.S.C. at all. Nobles oblige: an inquiry in to the identifiable characteristics of the English aristocracy. – Oxford N.Y.: Oxford University Press, 1988. – 114p.
166. Rothkegel A. Computational modelling of dialogue // Concepts of dialogue. – Tübingen, 1994. – P. 123-144.
167. Kasper, G. Interlanguage pragmatics. // Learning second and foreign languages, edited by H. Byrnes. – New York: The Modern Language Association of America, 1998. – P. 183-208.
168. Sanders C. Recent developments in contrastive linguistics and their relevance to language teaching // IRAL. – Heidelberg, 1976. – P. 67-73.
169. Saporta S. Old Maid and Dirty Old Man: the language of ageism // American Speech. – Tuscaloosa, 1991. – Vol.66, №3. – P. 333-334.
170. Sbisà M. Language and dialogue in the framework of the analytic philosophy of ordinary language // Concepts of dialogue. – Tübingen, 1944. – P. 159-170.
171. Schank R. Language and memory // Cognitive science # 4. – Ablex Publishing Copr.: Norwood (N.J.), 1980. – P. 243-284.

172. Scher S. J.; Darley J. M. How effective are the things people say to apologize? Effects of the realization of the apology speech act // *Journal of psycholinguistic research*. – N.Y., 1997. – Vol.26, №1. – P. 127-140.
173. Schiffrin D. The language of discourse: Connections inside and out // *Text*. – Berlin (West), 1990. – Vol.10, №1/2. – P. 97-100.
174. Sifianou M. On the telephone again!: Differences in telephone behaviour: England versus Greece // *Language in society*. – L., 1989. – Vol.18, №4. – P. 527-544.
175. Stati S. *Le transphrastique*. – P.: PUF, 1990. – 174 p.
176. Swan M. *Practical English usage*. – М.: Высшая школа, 1984. – 552 с.
177. Thomas J. *Meaning in interaction: An introduction to Pragmatics*. – London: Longman, 1995. – 224 p.
178. Ventola E. Text analysis in operation: A multilevel approach // *New development in systematic linguistics*. – L., 1988. – Vol.2. – P. 52-77.
179. Walton D.N. Critical faults and fallacies of questioning // *Journal of pragmatics*. – Amsterdam, 1991. – Vol.15, №4. – P. 337-366.
180. Watts Richard J. *Politeness*. Cambridge. Cambridge University Press, 2003 – P. 318.
181. Watts, R. Ide, S. & Ehlich, K. *Politeness in language: Studies in its history, theory and practice*. – Berlin: Mout De Gruyter, 1992. – 381 p.
182. Weigand E. *Discourse, Conversation, Dialogue // Concepts of dialogue: Considered from the perspective of different disciplines*. – Tübingen: Heimeyer, 1994. – VIII – P. 49-73.
183. Zubin D. *Discourse function of morphology // Discourse and syntax..* – New York: Academic Press, 1978. – P. 469-504.

Словари

184. Hornby A.S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. – Oxford University Press, 2010. – 1796 p.
185. *Longman Guide to English Usage*. – М.: Русский язык, 1990. – 786 p.

186. Norman Moss, *What's the Difference? American/British; British/American Dictionary*. – London: Arrow Books, 1978. – 238 p.
187. *New Webster's dictionary and Roget's Thesaurus*. – New York, Book Essentials, Inc., 1992. – 512 p.
188. *The American Heritage Dictionary*. – Laurel: USA, 1989. – 881 p.
189. *The Oxford Russian Dictionary*. – Oxford University Press, 2007. – 134 p.
190. *Webster's New Dictionary of Synonyms and Antonyms*. – Merriam-Webster Mass Market, 1994. – 448 p.
191. *Webster's New World Thesaurus*. – Pocket Books; Reissue edition, 2003. – 512 p.

Материалы исследования

192. Albee E. *The Zoo Story // Plays of the Modern Theatre*. – Л.: Просвещение, 1970. – P. 19-39.
193. Allende I. *Cuentos de Eva Luna*. – Barcelona: RBA Editores, S.A., 1994. – 282 p.
194. Atherton G. *The Foghorn // Eleven American Stories*. – М.: Международные отношения, 1978. – 319 p.
195. Bates H.E. *How Vainly Men Themselves Amaze // Making It All Right. Modern English Short Stories*. – Moscow: Progress Publishers, 1978. P. 55-78.
196. Beaty D. *The White Sea Bird*. – Panmacmillan, 2013. – 330 p.
197. Benet S.V. *A Tooth for Paul Revere // Eleven American Stories*. М.: Международные отношения, 1978. - P. 121 - 138.
198. Bennett A. *The Wind // Modern English Short Stories*. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1963. – P. 372-391.
199. Brush K. *Night Club // Eleven American Stories*. М.: Международные отношения, 1978. - P. 81-95.
200. Byron. *Don Juan*. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1948. – 69p.

201. Clark M. H. Moonlight Becomes You. – NY: Simon and Schuster, 1997. – 352 p.
202. Christie A. The Nemean Lion // Making It All Right. Modern English Short Stories. M.: Progress Publishers, 1978. P. 109-136.
203. Christie A. Strange Jest // Agatha Christie. Selected Stories. Moscow: Progress Publishers. 1976. - P. 127-144.
204. Christie A. The Mystery of the Blue Jar // Agatha Christie. Selected Stories. Moscow: Progress Publishers. 1976. - P. 262-290.
205. Christie A. The Case of the Discontented // English Story. – Moscow: Raduga Publishers, 1989. – P. 305-314.
206. Dahl R. Parson's Pleasure // Still Life. – Л.: Просвещение, 1975. – P. 31-56.
207. Donleavy J.P. A Singular Man. – London: Atlantic Monthly Press, 1959. – 408 p.
208. Fielding, H. Bridget Jones's Diary. – London: Picador, 1997. – 157 p.
209. Findley T. You Went Away: A Novella. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 1996. – 252 p.
210. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. – Kiev: Dnipro Publishers, 1973. – 184 p.
211. Fitzgerald F.S. The Last of the Belles / F.S.Fitzgerald // Selected Prose. - M.: Manager, 1999. – P. 42-68.
212. Lessing F.S. The Last Tycoon. – London: Penguin Books, 1941. – 196 p.
213. Fitzgerald F.S. The Rich Boy // Selected Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 127-183.
214. Fowles J. The Ebony Tower. Eliduc. The Enigma. – Moscow: Progress Publishers, 1980. – 248 p.
215. Fowles J. The French Lieutenant's Woman. – Suffolk: Triad Granada, 1969. – 467 p.

216. Guerrero M. Tierra Fugitiva. – Santiago de Chile : Ediciones Austral, 1954. – 309 p.
217. Hailey A. The Moneychangers. – London: Pan Books, 1977. – 476 p.
218. Hellman L. The Autumn Garden//Three American Plays. – Moscow: Progress Publishers, 1972. – P. 129-219.
219. Hemingway E. For Whom the Bell Tolls. – London: Penguin Books, 1941. – 560 p.
220. Hemingway E. Soldier's Home // The Essential Hemingway. – Moscow: Progress Publishers, 1971. – P. 103-112.
221. Hemingway E. The Killers // 20th Century American Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1971. – P. 63-75..
222. Hemingway E. The Short Happy Life of Fransis Mcomber // 20th Century American Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1971. – P. 231-271.
223. Henry O. Christmas by Injunction // Selected Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 55-66.
224. Henry O. A Retrieved Reformation // Selected Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. - -P. 173 – 181.
225. Higgins C.M. Moonlight Becomes You. – NY: Pocket Books, 1996. – 332 p.
226. James H. Still Life. – Л.: Просвещение, 1975. – 173 p.
227. Joyce J. The Pistol // American Short Novels. The 20th Century. – Moscow: Raduga Publishers, 1987 – С. 88-177.
228. Lessing D.M. The Old Chief Mshlanga // Modern English Short Stories. – Moscow: Foreign Language Publishing House, 1963. – P. 57 – 84.
229. Mansfield K. A Cup of Tea // Modern English Short Stories. – Moscow: Foreign Language Publishing House, 1963. – P. 126 – 133.
230. March W. Bill's Eyes // Eleven American Stories. – М.: Международные отношения, 1978. – P. 113-120.

231. Maugham W. A Casual Affair // Collected Short Stories, vol. 4. – Harmondworth: Penguin Books, 1951. – P. 385 – 403.
232. Maugham W. The Door of Opportunity // Collected Short Stories, vol. 2. – Harmondworth: Penguin Books, 1951. – P. 396 – 424.
233. Maugham W. Jane // Collected Short Stories, vol. 2. – Harmondworth: Penguin Books, 1951. – P. 346 – 368.
234. Maugham W. The Kite // Collected Short Stories, vol. 4, Harmondworth: Penguin Books, 1951. – P. 134 – 155.
235. Maugham W. The Moon and Sixpence. – Moscow: Progress Publishers, 1972. – 222 p.
236. Maugham W. Neil Macadam // Collected Short Stories, vol. 4. – Harmondworth: Penguin Books, 1951. – P. 423-464.
237. Maugham W. Rain // Modern English Short Stories. – Moscow: Foreign Languages Publishing House. 1963 – P. 194-234.
238. Maugham W. Virtue // Collected Short Stories, vol. 2. – Harmondworth: Penguin Books, 1951. – P. 151-182.
239. McCullers C. The Square Root of Wonderful // Modern American Plays. – Л.: Просвещение, 1981. – С. 71-139.
240. Monger, C. The Englishman Who Went up a Hill but Came Down a Mountain. – Miramax Books, 1995. – 265 p.
241. Murdoch I. The Nice and the Good. – Harmondworth: Penguin Books, 1981. – 552 p.
242. O'Connor F. Revelation // Short Stories. – М.: Международные отношения, 1980. – С.172-198.
243. O'Connor F. The Enduring Chill // Short Stories. – М.: Международные отношения, 1980. – С. 65-97.
244. O'Neil E. Long Day's Journey into Night // Three American Plays. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 9-127.

245. Osborne J. Look Back in Anger. – Woodstock: Dramatic Publishing Company, 1959. – 85 p.
246. Pristley J.B. Time and the Conways // Dangerous Corner and other plays. – M.: Высшая школа, 1989. – P. 64-126.
247. Salinger J.D. A Perfect Day for Banana Fish // Nine Stories.- Moscow: Progress Publishers, 1982. – С. 27-39.
248. Saroyan W. The Reader of “The World Almanac for 1944” // Selected Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1975. – P. 363-390.
249. Segal E. Love Story. – NY: The New American Library, 1970. – 203 p.
250. Shaw B. Pygmalion. – Moscow: Higher School Publishing, 1972. – 139 p.
251. Shaw B. Widowers' Houses // Shaw B. Widowers' Houses. Mrs. Warren's Profession. M.: Foreign Languages Publishing House, 1950. – P. 29-95.
252. Sheldon S. The Other Side of Midnight. – Dell Books, 1975. – 462 p.
253. Snow C.P. Homecomings. – Harmondworth: Penguin Books, 1956. – 400 p.
254. Steinbeck J. The Pastures of Heaven and Other Stories. – Moscow: Raduga Publishers, 1984. – 539 p.
255. Tushnet L. The Klausners. Eleven American Stories. – M.: Международные отношения, 1978. – P. 16-30.
256. Updike J. Of the Farm // American Short Novels. The 20th Century. – Moscow: Raduga Publishers, 1987. – P. 327-433.
257. Urquhart F. Man about the House // Stories by Modern English Authors. – Moscow: Foreign Languages Publishig house, 1961. – P. 93-100.
258. Vonnegut Jr. K. The Sirens of Titan. – NY: Dell Publishing Co., 1959. – 319 p.
259. Wentworth P. The Benevent Treasure. – London: Hodder Paperbacks, 1997, - 353 p.

260. Wesker A. *Roots* // *Modern English Plays*. – Moscow: Progress Publishers, 1966. – 382 p.

261. White E.B. *The Hour of Letdown* // Jean A. McConochie. *Twentieth Century American Short Stories*. NY: Collier Macmillan International, Inc., 1975. – P. 80-90.

262. Wilder T. *Our Town* // *Modern American Plays*. – Л.: Просвещение, 1981. – P. 287-356.

263. Williams T. *27 Wagons Full of Cotton* // *Plays of the Modern Theatre*. – Л.: Просвещение, 1970. – P. 175-192